

Ви́я Шефф

Фурция

Annotation

Спустя пять лет жизнь снова сталкивает бывших возлюбленных в одной квартире. У неё за плечами развод с мужем изменщиком, а у него невеста. Только старые чувства намного сильнее, чем они оба думают.

Пролог

Уже несколько часов бесцельно сижу в кресле у окна и смотрю вниз на спящих там людей и машины скорой помощи.

Всё куда-то бегут, торопятся, только мне ни бежать, ни торопиться некуда. И как минимум три месяца будет так. Перелом ноги со смещением, три сломанных ребра и очередная черепно-мозговая. И это я ещё легко отделался. Могло быть намного хуже. Как в прошлый раз — мозгами наружу.

Только внутри легче не стало. Всё так же рвёт на части от дикой боли... Она нестерпима, словно из меня душу вытащить пытаются, а та отчаянно сопротивляется и хватается за внутренности.

Я так больше не хочу... Я дико устал... Всё обрыдло. И жизнь тоже.

Открывается дверь. Я оглядываюсь посмотреть, кто пришёл.

Гости у меня редкость, запретил кого-либо даже подпускать к своей палате, кроме самых близких и медперсонала.

Первые дни репортёры чуть ли не в окна готовы были забраться, чтобы эксклюзив достать.

Отец...

Только тебя сейчас не хватало!

От визитов этих тоже устал. Он только нотаций каждый раз читать пытается, не пытаюсь меня услышать.

Хочу побыть один. Запереться в своих мыслях и воспоминаниях... Только так я на время становлюсь человеком. Там я был счастлив. Здесь только разочарование и потери...

— Как ты? — ставит на тумбочку у кровати пакет.

— Нормально, — сквозь зубы.

— Здесь мать тебе твоё любимое поесть собрала...

— Не надо было. Меня нормально кормят, — отвечаю, не отрываясь от окна.

Я не то, что есть — я жить не хочу. Почему я не разбился?

— Может, наконец-то поговорим?

— О чём? — разворачиваюсь к нему.

— О том, что ты сотворил...

Опять внимание на окно. Не хочу.

— Пытались. Не о чем говорить...

— А я думаю, есть! — начинает повышать голос отец. — Это же додуматься было — прыгнуть с балкона из-за какой-то сучки!

— Она не сучка! — кричу на него в ответ.

— А кто она, по-твоему? Если замуж сразу выскочила! — срывается на меня.

— Я сам виноват!

— Да что ты?! — машет он рукой. — Скажи ещё, что случайно вывалился с третьего этажа.

— Да, случайно!

— Тебе видео с камер показать, где ты "случайно" через решётку перелезаешь и сигаешь вниз? — достаёт из кармана телефон.

Видел я уже его. Все новостные каналы облетело с припиской "известный артист во

время вечеринки совершил попытку самоубийства".

— Запомни, сынок, ни одна девка не стоит слёз матери, которая будет оплакивать своего сына, — рычит на меня. — У тебя их ещё куча будет, а мать одна. Её пожалей... Думаешь, ей легко смотреть на тебя такого, — проводит в воздухе рукой, очерчивая меня. — Она каждый день ревет ручьём. Ты однажды уже чуть не довёл её до инфаркта, опять хочешь? Слава Богу, что тебе опять повезло. Задумайся, зря ли тебе там, — тыкает пальцем в небо, — дали ещё один шанс.

Он уходит, хлопнув дверью и оставив после разговора тяжёлый осадок в душе.

Я действительно не подумал о родителях и сёстрах. Только о себе... В мгновение придумал, как решить проблему и прыгнул.

Просто заебался мучиться от боли в сердце, которая разрывает его на клочки. Это невообразимо больно...

Все эти месяцы я не живу — существую. Медленно схожу с ума... И во всём виноват только я.

Можно было бы отпустить, найти другую и жить дальше. Но к другим противно прикасаться, меня воротит, как только какая-то девушка передо мной раздевается. Сразу собираю её вещи и выставляю за дверь, а потом напиваюсь, плавая в фантазиях о самой-самой.

Но её нет рядом. Сэл рядом нет... И больше не будет. Она теперь чужая жена...

Как с этим жить-то? А?

Надеваю наушники и врубаю музлу. Закрываю глаза и погружаюсь в смысл слов, примеряя их на себя. Теперь в моём плейлисте ничего бодрящего и танцевального, только лирика до слёз.

Это моё состояние, я другое не принимаю и не понимаю.

От веселья меня коробит, от тусовок тошнит. Все приглашения на светские мероприятия летят в мусорное ведро, а если такие, которые нельзя пропускать, то там я появляюсь максимум на час, потом тихо исчезаю. Никаких интервью и съёмок. Не хочу, чтобы рылись в моей жизни, в ней и так всё херово.

Я сделал всего одно исключение на день рождения Илюхи и испортил ему праздник.

Прости брат...

" Я смотрю в небо, что оно прячет? Какие секреты и почему плачет? Поговорю с Богом, пускай прошу глупость — побыть с нею рядом, хоть на минуту... "- звучит в наушниках, а по щеке медленно скатывается слеза...

Спустя пять лет.

Пара минут ходьбы от лифта до моего кабинета растягиваются на десять, потому что останавливает каждый и пытается посоветоваться.

— Молли, приготовь мне кофе, — говорю своей секретарше и скрываюсь за дверью.

Сажусь в кресло и откидываюсь назад.

Жутко хочется спать. Последние дни особенно... Работы в офисе полно, а у меня ещё и съёмки идут.

Смотрю на шкаф с наградами в премиях. На самой верхней — Грэмми и два Оскара: за лучшую женскую роль и саундтрек. Ниже статуэтки других премий.

По лицу расплывается довольная улыбка. Они стоили бессонных дней и ночей...

— Ваш кофе, — заходит секретарь и ставит на стол большую чашку с ароматным напитком.

Только такая доза способна меня разбудить и Молли варит его отменно.

— Спасибо! Попроси, чтобы руководители отделов продаж зашли ко мне через полчаса с отчётами.

— Хорошо. Что-то ещё?

— Да, закажи столик в ресторане. У нас с мужем сегодня годовщина свадьбы.

— Поздравляю! — искренне улыбается мне.

Я киваю в ответ и тоже выдавливаю вежливую улыбку.

Она уходит, а я беру кружку и разворачиваюсь в кресле к панорамному окну сзади меня. Тридцатый этаж, город, как на ладони. Особенно он завораживает ночью.

Первое время часто приходилось засиживаться здесь допоздна, поэтому я изучила вид сверху до мельчайших подробностей.

Четыре года назад я решила открыть свой ювелирный дом. Первые три года ушли на подготовку и становление бизнеса. Последний год — уже идёт прибыль. В некоторых странах наши продажи обгоняют даже лучшие известные ювелирные бренды. С США пока проблемы, никак не можем получить все необходимые документы для открытия и там сети бутиков. Но вот-вот и эта загвоздка решится.

Успех связан с тем, что мы под одним именем объединили разных одиночек ювелиров, которых собирали по всему миру. Пока другие выпускают единичные обновления в своих коллекциях — мы делаем это сотнями. И не всегда это золото и бриллианты. Есть вещицы и из других материалов, которые находят своего требовательного покупателя.

Вначале мне помогал Рон, но потом с головой ушел в свой театр. Последняя постановка, которую он сам же и спродюсировал — провалилась.

А я предупреждала... И всё равно оказалась виноватой — не захотела помочь ему с рекламой, не дала на это денег.

Я не вкладываюсь в заведомо неудачные проекты.

Наш брак трудно назвать счастливым, скорее партнерским, даже контракт оформлен. На людях мы красивая и любящая пара, вне этого мы занимаемся каждый своим делом. Только что спим вместе...

Чудо естественно не случилось, и за пять лет я ни разу не увидела две полоски на тесте, хоть и объездила, наверное, все мировые клиники и самых лучших врачей. В какой-то

момент я просто на это забила и стала подумывать об усыновлении, но Рон против.

Кстати, надо ему позвонить и предупредить об ужине. Но его телефон вне зоны доступа. Он отключает его на репетициях, чтобы не отвлекал.

Ладно... Позже перезвоню. После совещания.

После он тоже недоступен.

Пишу сообщение с адресом ресторана и что жду его там вечером.

Закрутившись с делами, я не проверила, прочитал ли он его.

Переодевшись вечером прямо в офисе в вечерний наряд, который привезла помощница, направляюсь напрямиком в ресторан.

Когда сажусь в машину, звонит телефон.

— Привет, Мишка!

— Привет! Извини, голова кругом, совсем про ваш юбилей забыл. Поздравляем!

— Спасибо! Как у вас дела?

— Круглеем помаленьку, — шутит друг.

— Витамины, предписания врача...

— Всё пьем, всё выполняем.

— Отлично. Рада за вас, — Мишка не видит, но я улыбаюсь.

Два месяца назад Алёнка объявила о своей беременности.

— Спасибо! Ладно, не буду отвлекать. У вас, наверное, романтический ужин?

— Да, я как раз на него направляюсь.

— Хорошо отпраздновать, — хихикает он на том конце трубки. — Увидимся завтра на работе.

— О'кей.

Отключившись, я всматриваюсь в вид за стеклом своего дорогого автомобиля. Мимо скользят здания, люди, машины. Суета вокруг. И жизнь такая же...

Я даже не заметила, как пронеслись эти пять лет. Только первые месяцы в браке пришлось ломать себя, заставляя ложиться в постель с человеком, которого не люблю. А потом привыкла... Даже некомфортно чувствовала себя, если не знала где он и что с ним. Переживала. Но прежней страсти не было. Не бить же его...

Собираясь выйти из машины, слышу сигнал сообщения на телефоне. Останавливаюсь, чтобы посмотреть. Вдруг Рон...

Но смска была с неизвестного номера. Такие я получаю редко. Тщательно фильтрую всю поступающую информацию.

Открываю и не могу поверить увиденному. Там несколько фотографий и видео. От всего этого внутри что-то обрывается и падает.

На фото и видео мой муж в обнимку с девушкой, направляющиеся к лифту.

Следом прилетает ещё одно сообщение:

"Отель Хилтон. Номер 512. Там ваш муж с любовницей".

Холод сковывает внутренности. А дыхание замирает...

— В отель Хилтон, — командуя я водителю и снова сажусь в машину.

Он удивлённо смотрит на меня, но спорить с начальницей даже не думает, заводит и выезжает с парковки.

В отеле сразу направляюсь к лифтам. Но они все заняты. Прохожу по коридору до служебного. И забегаю в тот, который заходит официант с передвижным столиком.

Он открывает рот от изумления и глядит на меня. Натягиваю улыбку. В белом

шикарном вечере платье смотрюсь действительно нелепо рядом с ним.

— Тороплюсь очень... — оправдываюсь.

Он интенсивно качает головой и нажимает кнопку пятого этажа.

Отлично! Мне туда же.

На этаже притормаживаю у двери, думая как вломиться в номер.

Но, похоже, судьба плывет в мои руки. Точнее подъезжает. Тот самый официант останавливается у этой самой двери.

Я окидываю взглядом стол. Дорогое шампанское, икра. Приподнимаю клош, на тарелке стейки с овощами на пару.

Фыркаю и растягиваю дикую улыбку.

Пшшш чёртов!

Парень смотрит на меня испуганно, вытаращив глаза.

— Стучи, — говорю ему.

Он ударяет кулаком несколько раз, пока за дверью не раздаётся голос Рона.

— Кто там?

— Ужин в номер, сэр! — кидает косой взгляд на меня.

Я прикладываю палец ко рту, чтобы молчал обо мне.

Мой муж открывает дверь и пропускает официанта в номер.

Я быстро выхожу из-за двери и дико вглядываюсь в мужа. Рон прирос к полу.

— С годовщиной, милый! — произношу издевательски и отодвигаю его. — Вижу, ты мне праздничный сюрприз приготовил, — на моём лице заиграл животный оскал.

Дергаю пояс на его халате. Он накинута на голое тело.

— Где мой подарок? — надуваю губки. — В спальне?

Прямиком туда. Но ничего, кроме перевёрнутой постели не нахожу.

Сзади открывается дверь из ванной.

— Любимый, ужин принесли? — спрашивает девица в белом гостиничном халате, вытирая мокрые волосы полотенцем.

Это она была на фото.

Увидев меня перед собой, она впадает в ступор и широко открывает глаза. Затем ойкает и исчезает обратно в ванной, громко хлопнув дверью.

— Документы на развод привезёт мой адвокат, — произношу довольно громко на ходу, покидая номер.

Он, сволочь, даже слова не сказал.

Заскочив домой, быстро скидываю в чемодан самые необходимые вещи, беру в столе кабинета ключи от квартиры, которая записана на фирму. Мы туда селим партнёров, когда они приезжают заключать сделки.

Можно было бы отправиться в самую первую квартиру, где я прожила много лет. Но там слишком многое напоминает о прошлом.

Мария Ивановна умерла год назад и завещала обе квартиры в таун-хаусе мне, оставив родственников с носом.

Я была рядом с ней все эти годы... Пыталась найти хороших врачей и оплачивала лечение, но болезнь взяла своё. А сынок даже пальцем не пошевелил.

Тогда я даже обрадовалась, что у меня нет ребенка. Вырастет ещё такой же равнодушной тварью...

Квартира встречает неуютом и гробовой тишиной.

Мороз по коже пробегает от одной мысли, что я снова в полном одиночестве. Отвыкла как-то. Всегда рядом люди.

А сейчас никого. Как-то тошно... И обидно.

Ты сыграла роль самой желанной женщины в мире, и тебя, как и её, променяли на малолетнюю любовницу. Гадость, какая.

Обшариваю кухонные шкафчики на предмет алкоголя. Здесь должен быть бар. Нахожу его в кабинете.

Вот здесь как-то спокойнее и даже теплее. Не огромная комната из стекла и мрамора, а шкафы с книгами, массивный стол из дуба, шикарное офисное кресло в винтажном стиле и мягкий кожаный диван.

Наливаю скотч, разворачиваю кресло к окну и вглядываюсь в мелькающие огоньки за окном, потягивая небольшими глотками алкоголь. Опьянею быстро, я так и не поужинала. Уже перед глазами плывёт.

Слишком тихо.

Включаю негромко музыку на телефоне.

Когда расстались с Гроу, я обливалась слезами под баллады. А сейчас хочется чего-нибудь мотивирующего, чтобы дать себе пинок и сказать, что я лучше их всех, просто вы этого не цените. И никакого нытья. Этот предатель ни одной моей слезинки не достоин.

Есть у меня такая, — листаю плейлист и врубаю.

— Black tie, bad guy... Ты мой обжиг, я сталь... Хватит ныть, ибо... Жива, и на том спасибо... Good-bye... Теперь сотни мальчиков... С моим сердцем плачут в такт... И его осколками... Поранятся больно так...

— Фурия-фурия-фурия-фурия, — подпеваю громко.

Одного стакана мне хватает напиться. Перебираюсь на диван. Одну подушку под голову, вторую обнимаю.

Почему-то Алекс вспомнился. А именно его глаза, голубые, как небо. Руки его нежные и поцелуи страстные.

И измена его тоже вспоминается...

— Пошёл нахрен! — задуливаю подушку в угол. — Ты мне тоже не нужен!

Устраиваюсь удобно и почти мгновенно отрубаясь.

Глава 2

— Молли попроси адвоката, чтобы ко мне зашёл, — кидаю на ходу секретарю, забирая почту. — И ещё... — останавливаюсь, — заблокируй все корпоративные карты моего мужа.

— Что?

— Что слышала! — поднимаю на неё глаза и голос. — Я дважды не повторяю.

Подхожу к дверям кабинета.

— Похоже, годовщина свадьбы не удалась, — шепчется за моей спиной с девушкой из дизайнерского отдела.

Я поворачиваюсь и со злостью смотрю на них.

— Вы ко мне? — обращаюсь к девушке.

— Н-е-т! — с дрожанием в голосе произносит она.

— Тогда какого хрена ты здесь торчишь? — рыкаю на неё. — Работы мало? Я найду. Или ты будешь искать новую.

Она испуганно бежит глазами и скрывает из приемной.

Подхожу к двери в коридор, где уже столпились сотрудники.

— Это всех касается! — рывкаю на них. — Если через минуту увижу хоть одну живую душу, шарахающуюся по офису без дела — уволю к чертовой матери!

Коридор быстро пустеет.

Я возвращаюсь к двери своего кабинета. В проёме стоит Мишка.

— Ты чего народ кошмаришь?

— Достали все! Только языками чесать могут, — вхожу в кабинет и плюхаюсь в кресло.

Он заходит за мной и плотно закрывает дверь.

— Что с настроением? — садится напротив меня.

— Его нет...

— Я заехал с утра к тебе, но горничная сказала, что ты вечером собрала чемодан и уехала. Поехал сюда...

— Да, я съехала из дома, — тянусь за стикером на своём столе.

— Подарок мужа на годовщину не понравился? — шутит он.

— Понравился. Охуенный! Во! — язвлю в ответ, показав большой палец вверх. — Застукала его с любовницей в Хилтоне.

Он открывает рот.

— Охренеть!

— Не то слово! — достаю телефон и выписываю на бумажку номер, с которого пришёл компромат.

— Найди мне хозяина этого контакта, — подаю его Мишке.

— No problem. А зачем? — забирает и запихивает в карман пиджака.

— Отблагодарить хочу... Это явно кто-то из работников отеля или поклонников. Иначе нахрена его палить.

— О'кей. Пошлю охрану пробить в администрации отеля, есть ли служащий с таким номером.

— Хорошо. Но найди обязательно...

— Если он зарегистрирован, то найдем. Я так понимаю, тебе сейчас не до работы?

— Почему? — откидываюсь в кресле. — Знаешь, мне плевать. Через пару тройку дней

по-любому накроет, а пока я в шоке — мне пофиг. Даже дышать как-то свободно стало. А может и не накроет. Я сегодня ночью прекрасно выпалась, — рассматриваю какую-то бумажку со стола.

Ничего важного, комкаю и выбрасываю в мусорное ведро.

— Тогда я тебе бумаги оставлю с предложениями. Они по папкам: реклама, музыка, кино.

— Оставляй... Освобожусь — посмотрю что там, — беру у него документы и кидаю на стол сбоку. — И приготовься к атаке журналистов. Думаю, про наш развод они скоро пронюхают.

— Всегда готов, — салютует мне. — У тебя ночная смена сегодня, не забывай. В семь надо быть на площадке, — встаёт и направляется к двери.

— Помню. Вали давай!

Достаю папку с эскизами новых работ, которые принесли на одобрение из дизайнерского отдела.

Листы выпадают и рассыпаются по полу.

— Фак! — лезу под стол их собирать.

Когда складываю обратно в папку и поднимаюсь, то обнаруживаю, что я в кабинете не одна. У стола стоит Рон...

Всегда, сука, беззвучно заходит.

— Ничего себе! Это откуда к нам такого красивого дяденьку замело? Иль чё забыл, сказать пришёл? — всё равно не поймет юмора. — Я тебя слушаю. Давай, начинай это ваше — ты не так всё поняла, у меня с ней ничего не было, мы просто репетировали или рядом лежали. Или что вы ещё в уши льёте?

— Я с себя вины не снимаю...

— Да что ты!

— Но это всего лишь мимолётное увлечение...

— Ну, вот и иди, увлекайся дальше.

— Я никуда не уйду! — садится в кресло у стола. — Пока мы не поговорим.

Я встаю, открываю сейф, достаю из него папку и кидаю на стол перед ним.

— Что это? — вскидывает вопросительно брови.

— Наш брачный контракт. Помнишь что там написано? — смотрю на него жёстко. — Я напомню. По нему в случае измены ты остаёшься только с тем, что у тебя было до свадьбы. Но я не жадная. Дом здесь, в Лос-Анджелесе и Ницце можешь оставить себе. А так же веси парк машин. Плюс у тебя есть акции компании, по которым ты будешь получать проценты. Сумма солидная набирается.

— Мне ничего не нужно!

— А мне от тебя ничего не надо и подавно. И тебя я рядом больше видеть не хочу, — цежу сквозь зубы. — Надеюсь, ты не будешь вставлять палки в колеса, и затягивать наш развод. Это бессмысленно... Только потратишь время и нервы. А так разойдемся тихо-мирно и всё. Детей у нас нет. Имущество поделено, — показываю глазами на папку у него перед носом.

— Знаешь, — подскакивает, — а ты сама виновата!

Опять та же песня.

— Ты ведь не любила меня все эти годы. Я в лепёшку разбивался, пытаюсь тебе угодить. Ты всё это, — обводит рукой кабинет. — От скуки затеяла, чтобы меня реже видеть. Чтоб не

мельтешил постоянно перед глазами. Тебе было на меня плевать. У тебя была только работа. И отсутствие детей — это всего лишь предлог. У многих пар их нет и ничего страшного, живут и любят друг друга. Тебе вот это было важно, — тыкает пальцем на шкаф с наградами премий.

— Выговорился? — спокойно смотрю на него.

— Да!

— Ну, слава Богу! А то я уже боялась, что ты, как вчера будешь стоять и молчать. Знаешь, а ты прав. Когда выходила за тебя — не любила. Мстила... Не понятно только кому... Но обвинять меня в равнодушии к тебе — не смей. Я за эти годы ни разу на другого мужчину не посмотрела, была верной. А ты вот как со мной... Я даже рада, что это случилось. Я теперь свободу чувствую. Крылья появились. Осталось их только расправить... Свободен! — резко, указывая ему на дверь.

****

Вечером начальник охраны скинул имя и адрес человека, которому принадлежит номер телефона, с которого пришло сообщение.

Из-за съёмок поехать смогла только вечером следующего дня.

Дверь небольшой квартиры открыл парень.

Я внимательно смотрю на него, а он широко открытыми глазами на меня. Это тот самый официант из отеля.

— Маркус Холт? — спрашиваю у него.

— Да... — проговаривает, заикаясь.

— Можно? — прошу разрешения войти.

— Да, конечно... — мнётся он, пропуская меня в небольшую комнату.

Следом за мной заходит охранник с кейсом.

Парень суетится, собирая разбросанные вещи и складывая в стопку книги и тетради.

Он студент. Учится на медицинском. Родом из Дублина. В отеле подрабатывает по ночам. Охрана его пробила.

Я беру со стола один из учебников. Анатомия... Пролистываю книгу с картинками и возвращаю на место. Окидываю взглядом маленькую квартиру.

Две комнаты и ванна. Кухня пристроена в углу гостиной.

Всё это время парень стоит и смотрит на меня с удивлением.

На небольшом диване лежит журнал. Ему месяца три уже... На обложке — я.

— Откуда ты узнал мой номер? — спрашиваю его строго.

— Я состою в официальном фанклубе, у руководителя есть ваш номер, она и дала, — запинаясь отвечает он, поняв о чём речь.

Это правда.

— Часто он там был?

— Я видел раза три, но другие говорят, что он и в их смены приходил.

— Спасибо! — улыбаюсь парню.

Его глаза заискрились, и он тоже расплывается в улыбке.

Жестом показываю охраннику, чтобы поставил дипломат на стол. Он выполняет, и я открываю замки. Приподнимаю крышку.

— Здесь полмиллиона фунтов. Это мой подарок тебе.

— Зачем? — возмущается парнишка. — Я же просто не хотел, чтобы он вас обманывал.

— Ты спас мне миллиарды. И не дал загубить жизнь рядом с предателем. Так что это

маленькая капля. Снимешь нормальную квартиру, поможешь маме, — намекаю, что знаю о проблемах с её здоровьем. — Заплатишь за учебу.

Направляюсь к двери.

— И ещё, не меняй номер телефона. Вдруг мне в суде свидетель понадобится, — прошу его.

Он согласно качает головой.

Глава 3

Сидим с друзьями в ресторане, когда раздаётся звонок на телефоне.

Мишка?

Мы с ним уже пару лет не общались... Столкнулись как-то на музыкальной премии, где он был вместе с Сельванной и перекинулись парой фраз.

— Да, — отвечаю на вызов.

— Алекс, привет! — слышу взволнованный голос на том конце трубки.

— Привет! Не ожидал, что ты позвонишь...

— У меня дело деликатное. Даже не знаю к кому с ним ещё обратиться, кроме тебя...

— Говори, если смогу помочь, то помогу, — встаю из-за стола и отхожу в сторону, чтобы друзья не слышали наш разговор.

— Нужно Сэл забрать из одного ночного клуба в Москве. Я не могу, в Лондоне, Алёнка три дня назад родила...

— Поздравляю! — радуюсь за них.

— Спасибо! А Антон и Стася в Питере на подписании какого-то договора. Не Валентину Ивановну или Владимира Николаевича просить же.

— Можно и его, — смеюсь, — он точно мозги вправлять умеет.

— С ней он не справится, тебе это прекрасно известно. Алекс... Мне реально некого попросить, кроме тебя...

— А охрана куда смотрит?

— Какая охрана? Она уволила всех к хренам!

Эта может.

— Уже месяц развод отмечает, — жалуется Миша.

Внутри становится как-то тепло от этих слов.

Я знал, что она разводится, Стаська поделилась, когда был у них в гостях, навещал крестницу. Не думал, что уже.

— Ладно... Как клуб называется?

— "Kiss", — я цокаю языком, услышав знакомое название. — Отзвонись, как заберёшь.

— О'кей.

Подхожу к столику, выпиваю остатки воды из стакана и собираюсь уйти.

— Ты куда, Алекс? — спрашивает Ник, обнимая свою жену Алису.

Красивые. И счастливые... Тоже разбежались, но судьба свела снова. Двоих детишек нарожали. По-хорошему завидую.

— Надо одно старое дело решить...

— Помощь нужна?

— Я и один справлюсь. Пока, — машу им рукой.

Торможу недалеко от входа в клуб.

И что вас всех туда так тянет? Медом что ли намазано? Несколько раз забирал Юльку, свою невесту, из него.

Стрипуха... По пятницам женский день, как сегодня.

Выхожу из машины. В лицо ударяет холодный ветер. Май на дворе, а холодина, как в марте. Пришлось даже пальто надеть. Приподнимаю воротник и направляюсь к входу. Дорогу перегораживает здоровенный охранник.

— Вход только для девушек, — осведомляет меня.

— Ты берега попутал? Не видишь, кто перед тобой? — наезжаю на него.

— Да хоть папа римский, — щерится на меня. — Вход только для девушек, — повторяет и показывает на вывеску.

— Пропусти его, Коля, — раздаётся низкий прокуренный женский голос за спиной амбала.

Клара... Хозяйка как минимум трёх элитных стрипбаров в Москве.

Здоровяк отодвигается в сторону и пропускает меня.

— Алекс, котик, не ожидала увидеть тебя у себя в гостях, — проводит пальчиком по вороту пальто Карла.

— Я ненадолго, — прохожу внутрь, огибая её.

В зале аншлаг. На сцене танцуют накачанные полуголые парни. Женский визг и восторги.

— Твоей девушки здесь нет, — прямо заявляет Клара.

— Я знаю. Зато есть другая... — смотрю на неё пристально.

— Догадываюсь за кем ты, — отводит она глаза в сторону.

О нашем с Сэл романе пять лет назад не знали только что слепоглухонемые.

— Попроси официанта, чтобы принес её счёт.

Она делает знак одному из служащих, тот выслушивает её и через минуту у меня в руках чек, а у него терминал. Оплачиваю и пробегаюсь глазами по заказу.

Твою мать! Только не это!

— Где она? — взволнованный голос срывается на крик.

— У неё приват, придется подождать...

— Некогда ждать. Где она? — сжимаю в тиски её запястье.

Она морщится от боли и показывает на дверь сбоку зала.

Я быстрым шагом направляюсь туда.

В счёте бутылка шампанского.

В просторной и полутемной комнате Сэл и трое стриптезеров. Только она не наслаждается их танцами, а активно в них участвует, извиваясь под "Пошла жара".

Приваливаюсь плечом к косяку, наблюдая за ней. Я скучаю по её танцам. Иногда она устраивала для меня стриптиз и я крышей ехал от этих плавных и сексуальных движений.

Теперь всё это словно в прошлой жизни.

Трое перекачанных ушлепков лапают её.

Захотелось втащить каждому по морде.

Подхожу к столику. На столе только один пустой бокал и из бутылки отпито примерно два.

Блядь!

Беру её куртку, подхожу к небольшой сцене и, уловив момент, накидываю на плечи Сэл. Потом подхватываю за ноги и перекидываю через плечо.

— Эй, мужик ты чего? — останавливаются качки.

— Деньги из трусов не растеряйте. Вечеринка окончена! — разворачиваюсь, подхватываю на ходу её сумочку и направляюсь к выходу.

— Отпусти, громила! — отчаянно колотит мне в спину кулачками. — Животное!

— Давай, продолжай придумывать необходимые оскорбления, киска, — вырывается у меня, как в старые времена.

Пока нёс до машины, её сопротивления ослабли, а потом и вовсе прекратились. Она как-то странно обмякла.

Открываю переднюю дверь с пассажирской стороны и усаживаю в кресло. Длинные волосы рассыпаются вокруг, закрывая лицо. Убираю их за плечи. Она без сознания.

— Вовремя... — проговариваю, пристегивая её ремнём безопасности.

Сажусь за руль и набираю Мишку.

— Она со мной. Что делать дальше?

— Как она?

Я протягиваю руку к её лицу, беру за подбородок и кручу головой из стороны в сторону. Никакой реакции.

— В отключке. Шампанское пила.

— Фак! Можешь присмотреть за ней до завтрашнего обеда? Я купил билет, в час буду у тебя.

— Ты издеваешься? Что я с ней делать буду, если невеста заявится? Я женюсь через месяц.

— Поздравляю! Но кроме тебя некому. Спрячешь куда-нибудь в шкаф, — смеётся. — Она до обеда вряд ли очухается.

Я отвожу трубу в сторону и изображаю немой крик. Снова смотрю на Сэл. Спит, как младенец.

— Ладно... — бурчу в ответ и отключаюсь.

Пока ехал домой, раз пять проверял её пульс. Мне казалось, что она не дышит. Я Сэл в таком состоянии никогда не видел. Но все было нормально, дыхание ровное... По рассказам Мишки весь пиздец случится, когда проснётся.

С трудом дотаскиваю её тряпичное тельце до квартиры и приземляю на диван в гостиной. Он мягкий, сам сотню раз на нём засыпал, ничего не болит. Приношу подушку и подкладываю ей под голову, накрываю одеялом. Поправляю волосы, которые всё время падают на лицо и струятся шейфом до пола.

Рука сама собой задерживается на щеке Сэл.

Я забыл уже эти ощущения покалывания кожи от прикосновения к ней. Больше я такое ни с кем не испытывал.

Достаю из аптечки таблетки, кладу на журнальный столик рядом с бутылкой и стаканом воды.

Одну выпиваю сам. После аварии меня время от времени мучают сильные головные боли от стресса или перенапряжения.

Устраиваюсь в кресле напротив дивана. Глаза не отрываются от неё, я упиваюсь возможностью смотреть на самую желанную девушку на свете.

Какая же она красивая!

Последний раз видел её чуть больше года назад, на съёмках юмористического шоу. О ней тогда все новости писали. Оскар, Грэмми и ещё куча наград... Заполучить её в виде гостыи программы — хотели все.

Она была вместе с мужем. На меня посмотрела мельком, как на пустое место. Тогда я понял, что потерял её навсегда...

Через месяц на приеме, который устраивал отец, познакомился с Юлькой, дочерью его партнёра. Внешне она полная противоположность Сельванны — мелкая голубоглазая блондинка. Да и характер покладистый, терпит любые мои выходки.

Сам не заметил, как начали встречаться, а три месяца назад предложение сделал. Мне скоро тридцать два. Пора думать о семье, детях, а не о любви и страсти. Родители и так весь мозг чайной ложечкой съели — когда внуков нам подаришь?

От новости о свадьбе, отец был в полном восторге — две семьи объединятся. Укрепление бизнес-связей и прочее.

А сейчас я смотрю на ту, которая забрала моё сердце десять лет назад и не вернула...

Глава 4

Просыпаюсь от звука падения. Открываю глаза, я заснул сидя в кресле. Кидаю взгляд на часы — десять утра. До обеда, говоришь, не проснётся.

На полу на коленях сидит Сэл и держится за голову. Мычит от боли. Это она свалилась с дивана. Потом озирается по сторонам в попытке понять, где она.

Присаживаюсь перед ней на корточки, подаю две таблетки и стакан воды. Смотрит на меня мутными глазами.

— Что это? — произносит еле слышно.

— Обезболивающее. Очень хорошее... Мне врач прописал пить при сильных головных болях.

Сэл трясущимися руками берёт таблетки и закидывает в рот. Я подношу ей стакан и держу, пока она пьёт.

— Спасибо! — кладет голову на диван.

— Может, лучше снова ляжешь? — касаюсь плеча.

Она одёргивает.

— Нет. Я в туалет хочу... — приподнимается с пола и идёт в нужном направлении.

Я умываюсь под краном на кухне. Включаю кофемашину.

Когда она возвращается, протягиваю ей чашку с кофе.

— Нет, — взмахивает руками. — Будет только хуже. Лучше чай и если есть, то зелёный.

И огурцы маринованные...

— Есть, — включаю чайник и достаю банку заварки с полки.

— Как я оказалась у тебя? — садится за стол и кладёт на него сначала руки, а на них голову, в ожидании, когда я открою банку с огурцами.

— Я привёз... Мне позвонил Мишка и попросил забрать тебя из клуба.

— Фух... — выдыхает. — Я подумала, что сама уже припёрлась... — прикладывается к горлышку банки и осушает почти весь рассол.

Не завидую ей. Похмелье — это жуть.

— Он прилетит в обед.

— Зачем? — резко поднимает голову и сморщится.

— Чтобы тебя домой забрать.

— Я не хочу домой! У меня отпуск.

— Ну, это ты с ним решай, — ставлю перед ней кружку с чаем. — Осторожно, горячий.

— У него жена родила, а он за мной бегаёт в другую страну.

— Если бы ты не ушла в загул, то и он бы был рядом с женой, а не за тобой мотался.

— А у меня праздник — развод.

— Да, я слышал, что сейчас разводы круче свадеб отмечают, — ухмыляюсь.

Раздаётся звонок в дверь.

Кто это может быть? Мишка? Он сказал не раньше часа приедет.

Бросаю взгляд на Сэл, она на секунду замирает с огурцом в руках, потом кидает его в рот и аппетитно хрустит.

— Сиди здесь, — тыкаю в неё пальцем, а сам иду к двери, глянуть на экран камеры.

Чёрт! Юлька приехала. Ну что ж ты так не вовремя-то?!

Разворачиваюсь, чтобы пойти на кухню и спрятать Сэл, а она стоит сзади с кружкой

чая. Чуть не налетел на неё.

— Я же просил подождать там, — шепчу я. — Почему ты никогда не слушаешься?!

— Я не дрессированная собачка, чтобы команды твои выполнять, — огрызается в ответ.

Я подхватываю её под локоть и волоку за собой по коридору в самую дальнюю комнату, усаживаю на кровать.

— Побудь здесь немного, пожалуйста. Я её быстро спроважу и выйдешь. Хорошо?

Она медленно моргает глазами в согласии.

****

— Почему так долго не открывал? — целует меня Юлька, заходя в квартиру.

— Только проснулся...

— Ух, ты моя соня, — треплет меня по щеке. — А я с утра уже съездила в ивент-агентство. Представляешь, они там что-то с оформлением напутали. Мы просили в персиковом цвете, а они сделали в абрикосовом.

— А есть разница?

— Конечно, это же разные цвета. Это для вас, мужчин, они одинаковые. Ещё папа забыл оплатить заказ на цветы, а их надо сейчас заказать, иначе они не приедут к сроку.

— Я понял, — беру со столика портмоне, достаю карточку и отдаю ей. — Вот. Оплати сама.

— Котик, ты такая душка! А можно я ещё зайду в магазин и куплю для тебя в подарок кружевное белье? — хлопает ресницами.

— Можно...

Сзади раздаётся смех.

У меня сердце в пятки уходит.

Сэл, ну почему ты не слушаешься?!

— Не знала, Алекс, что ты теперь носишь кружевное белье, — снова смех. — Кстати, спасибо за таблетки. Реально отпустило...

— Пожалуйста... — чуть слышно в ответ.

— Ал, что здесь делает твоя бывшая? — визжит Юля.

— Да не вопи ты так! — морщится Сэл, затыкая руками уши. — У меня только голова болеть перестала. И по поводу белья. Алекс ненавидит кружевное, предпочитает лайкровое, шёлковое или бесшовное с завышенной талией. Не ошиблась? — смотрит с ухмылкой на меня.

— Нет... — цежу сквозь зубы.

— Алекс! Значит, я покупала его, а тебе не нравилось? — переходит на ультразвук Юлька, злобно смотря на меня.

Я молчу. Специально предпочитал в девушках всё то, что мне не нравилось. Чтобы о ней ничего даже близко не напоминало.

— А лучше вообще без него, — хихикает Сельванна, открывая бутылку воды, которую достала из холодильника. — И не голоси так. Твой жених приютил бедную девушку на ночь и всего-то.

— Это ты-то бедная? — ставит руки в боки Юля.

— Вот ты душная... — стонет Сельванна.

— Сэл! — осаживаю её.

— Я лучше пойду, душ приму, я так понимаю, меня отсюда до приезда моего менеджера всё равно не выпустят, — виляя бёдрами, направляется в ванную.

— Что она здесь делает? — шипит на меня невеста.

— Она же сказала. Я, правда, просто пустил её переночевать, — опускаю я некоторые нюансы. — Она даже на диване спала, — показываю в сторону него.

Там ещё до сих пор подушка и одеяло лежат.

— И долго она здесь пробудет?

— Мишка приедет забрать её после часа.

— Мне нужно за цветы заплатить до этого времени, а уже почти одиннадцать.

— Езжай и плати.

— И оставить тебя с ней?

— Ты её видела? У неё похмелье. Ей сейчас не до меня. Ну, и у меня есть ты, — обнимаю и быстро целую.

— Ладно, — надувает губы. — Только не дай Бог она к тебе приблизится... — грозит мне пальцем.

— ...Ты её убьёшь, — договариваю за неё.

Она согласно качнула головой.

"Только скорее она тебя", — произносит внутренний голос.

Стою рядом с дверью в ванную и жду, когда из неё выйдет Сэл.

Как только она её открывает, я так быстро поворачиваюсь, что цепляю полотенце и сдёргиваю его. Оно падает на пол.

От вида её обнаженного красивого тела резко ускоряется сердце, а кровь бьёт в голову.

Она нагибается, подхватывает его и заматывается обратно. А я стою и смотрю как замороженный.

— Чего под дверью караулишь? — выводит своим вопросом меня из ступора.

— Так сложно было посидеть в комнате? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Я пить хотела.

— У тебя был чай!

— После него ещё больше пить хочется. И хватит пялиться! — прикрикивает на меня.

Я действительно разглядываю на её длинные стройные ноги, которые не прикрыты. Представляю, что под куцым полотенцем, которое с трудом прикрывает задницу, она абсолютно голая.

Теперь кровь ударяет в пах.

Эх, не того ты, Юлька, боялась...

Здесь скорее я маньяк.

— Одолжишь что-нибудь из одежды?

— Да. Там, — показываю на гардеробную, отворачиваясь в сторону.

Смотреть дальше невыносимо. Я боюсь не сдержаться и накинуться на неё. Такого сексуального голода я ещё не испытывал.

Внутри в истерике забились бабочки.

Через пару минут она выходит в моей футболке и спортивных штанах, которые затянуты на талии. На ней они смотрятся лучше, чем на Юле, но всё равно большие.

Раньше я обожал, когда она надевала мои вещи. Особенно рубашки на голое тело. Это очень эротично.

Рука машинально тянется, как раньше, заправить её локон волос за ухо, но она отводит голову.

— Твоей невесте это не понравится, — возвращает меня к реальности.

Я глубоко и шумно вдыхаю и выдыхаю.
Не знаю, как бороться с этим соблазном...

Около половины второго приехал Мишка. Налегке, в руках только небольшая спортивная сумка со всем необходимым.

— Где она? — спрашивает с порога.

Я молча показываю в сторону той самой комнаты, в которую затащил Сэл, чтобы спрятать от невесты.

Сэл прыгает и танцует на кровати, с телефоном в руках, из которого играет музыка. Два Липа, кажется...

— Почему она таким бодрячком? — удивленно смотрит на меня.

— Я ей свои таблетки дал...

— Запиши мне их название, — входит в комнату.

Сэл, увидев его, бросает телефон, радостно спрыгивает с кровати и повисает на шее.

В сердце колет ревность.

Раньше я к Мишке никогда не ревновал. Если только в самом начале, когда у нас и отношений-то не было, а про них ходили слухи. Я знаю, что для него кроме Алёны больше никого не существует.

— Нагулялась кошка? — отстраняется он у неё.

Я, усмехаясь, хмыкаю. Кошка — прям в точку.

— Пора домой. Я уже распорядился, чтобы завтра к обеду твой самолёт был готов, — говорит ей Миша.

— Я не хочу, — хныкает и надувает полные губки, усаживаясь на перевёрнутую постель.

— Сэл, давай ты не будешь спорить? У меня тоже отпуск ещё целый месяц. Жена и ребенок в больнице...

— Он миленький? — перебивает, улыбаясь с горящими глазами.

— Миленький... Послезавтра мне их нужно забрать из клиники. Так что — поехали домой.

— "А у меня больше нет дома", — разводит руки. — "Я птица вольная. Куда хочу — туда лечу".

— Похвально, что ты помнишь советские мультики. Но давай твой путь будет проложен через Лондон, — приседает перед ней на корточки.

— Я всё равно через месяц в Нью-Йорк переезжаю, — проговаривает она тихо.

От неожиданной новости уставился на них.

После медового месяца мы с Юлькой тоже на год собирались уехать в Нью-Йорк. У неё там какая-то дизайнерская практика, она занимается оформлением интерьеров. А у меня — контракт с рекламной и звукозаписывающей компаниями на выпуск англоязычного альбома в сотрудничестве с американскими артистами.

Через четыре дня я должен быть и в Лондоне, оговаривать все детали фита с европейским популярным диджеем.

Фалькон делает мне знак рукой, чтобы ушёл. Послушно удаляюсь.

— Уложил её спать, — подходит ко мне Мишка спустя полчаса и опирается боком на стекло панорамного окна. — И вот так месяц. Отлавливаю её по разным городам и странам.

Я усмехаюсь.

— Что дальше с ней будешь делать?

— Без понятия... — вздыхает он. — Я даже охрану к ней приставить не могу. Увольняет всех нахрен и сбегает.

— Найди того, кто не будет её слушаться.

— Где? Там же все исполнительные, — делает ударение на последнем слове. — Мне хотя бы на две недели... Потом будет к переезду готовиться — ей не до гулянок будет.

— Навсегда в Штаты?

— Нет... Пока на полгода или год. Мы получили разрешение на открытие магазинов там, она хочет контролировать всё лично. И её на сезон пригласили ведущей какого-то модного шоу.

Я встаю в метре от него, прислонившись спиной к прохладному стеклу.

— Хочешь, я за ней присмотрю? — задаю неожиданный вопрос.

— Ты? У тебя свадьба через месяц, — удивляется он.

— Через месяц же. А тебе две недели надо. К свадьбе и без меня отлично приготовятся. Мне всё равно в Лондон лететь на запись.

— Не боишься?

— Её? — киваю в сторону комнаты, в которой спит Сэл. — Боюсь. Ты же знаешь, что она с пулей в голове.

— Я не про это...

— Как раньше уже не будет... — скрещиваю руки на груди. — Она смотрит на меня, как на какого-то червяка.

— Ты сам виноват.

— Самое обидное, что ни в чём я не виноват... — опускаю обречённо руки.

— Не понял...

— Это всё подстроили. Мой бывший директор Иван. Помнишь такого?

— Припоминаю... — кивает.

— Когда я заявил, что собираюсь переехать к Сельванне в Лондон, он решил, что курица, которая несёт золотые яйца от него сбегает. И устроил всё это. Напоил меня чем-то у себя на дне рождения, чтобы я отрубился, а потом ничего не смог вспомнить. Подсунул девку ко мне в постель. А в презервативах мыло было, — горько усмехаюсь я.

— Нихрена себе! Когда узнал?

— Полгода назад. Он по пьяни признался, когда мы победу в очередной премии отмечали. Преподнес, как достижение. Я его выгнал. И всю его команду.

— Почему ей не рассказал?

— И что бы это изменило? Я видел, как она на меня смотрела. Ненавидит.

— Она хотя бы знала... И то, что ненавидит — это только ты так думаешь. Она до сих пор следит за всеми новостями о тебе. Только я ничего не говорил, — хитро улыбается и показывает молнию на губах.

Сельванна.

Вылет самолёта задерживаем уже на час из-за Алекса. Он сказал, что ему нужно решить перед отъездом какое-то важное дело и приедет прямо в аэропорт.

Наконец-то появляется.

— Извините, были проблемы, — усаживается напротив меня.

— Теперь придется ждать, пока полоса освободится, — недовольно зыркаю на него.

— Я торопился, как мог, — оправдывается.

Отворачиваюсь от него к иллюминатору, наблюдая, как выезжает на взлётную другой

самолёт.

Через полчаса и мы в небе.

Я открываю ноутбук и просматриваю документы, которые пришли на почту, фотографии новых изделий, отмечая, что нужно переснять для будущего каталога.

Миша обсуждает с кем-то что-то по телефону.

Алекс разваливается в кресле, откинувшись на спинку, и закрывает глаза. Делает вид, что спит. Но по вздрагивающим ресницам и напряжённым мышцам понятно, что это не так.

Изменился, стал взрослее и спокойнее. Пропало ребячество. Редко улыбается. Только его глаза смотрят по-прежнему. Искрятся и горят при виде меня. В другое время в них грусть.

— Зачем тебе это? — задаю вопрос в лоб.

— Что это? — медленно открывает глаза.

Я не ошиблась — не спит.

— Следить за мной. Няньчиться. Я не маленькая девочка, мне уже тридцать лет.

— А ведёшь себя, как глупый подросток.

— Хочешь сказать, что твой внутренний ребенок вырос? Сколько ему сейчас? Четырнадцать? Как раз пубертатный период.

— Мой внутренний ребенок слишком быстро повзрослел... — закрывает снова глаза. — Я не собираюсь за тобой следить. Присматривать — да, — поднимает палец вверх.

— Это одно и то же. У тебя, что дел нет? Свадьба на носу, а ты невесту одну всем заниматься бросил.

— Она прекрасно со всем справится сама, — произносит с каким-то явным раздражением. — Главное, чтобы на карте деньги были.

— Очередная меркантильная дурочка. Где ты только их таких находишь? — усмехаюсь и снова упираюсь взглядом в экран ноутбука.

— Они сами ко мне липнут...

— Ещё бы! Всё равно не понимаю, зачем добровольно лезть в петлю?

— Ты о браке? Не всем же так не везёт, как тебе, — поддевает меня.

— Я про себя! Ты стал мазохистом?

— Я всегда им был, — садится прямо. — Просто не хочу, чтобы ты скатилась в синюю яму. Тебе ещё матерью становится. А пьющая мать — горе в семье.

Меня разбирает смех.

— Ну, это мне точно не светит!

— Что именно? — смотрит на меня с прищуром.

— Оба варианта.

Он вопросительно поднимает бровь.

— Пью я не так часто, как ты думаешь. Просто последние полгода из-за развода была вся на нервах. Немного оторвалась. Имею право! И матерью мне тоже стать не светит, — понижаю голос и гляжу в экран.

— Это ещё почему? — озадаченно всматривается в меня.

— Практически бесплодие. Если не веришь — могу вот такую кучу заключений врачей показать, — развожу руки на полметра.

— Это же лечится...

— Не в моём случае. В моём — надежда только на чудо, что найдётся супер-пупер мэн с живчиками, которые мне подойдут. А пока оно случится, я состарюсь и нафиг никому не

буду нужна. Так что я всерьез думаю об усыновлении.

Он протягивает руку и прикасается к моим пальцам в желании поддержать, но я их отдергиваю.

Его прикосновения как удар тока для меня. Внутри просыпается гейзер и бьёт в мозг... Сдерживать себя очень трудно, а показывать безразличие ещё труднее.

Я видела, как он смотрел на невесту, когда целовал её. И как смотрел на меня в момент падения полотенца. Небо и земля.

При виде меня у него вспыхнул в глазах дикий огонь желания.

Ничего не изменилось за это время. Мы всё так же хотим друг друга. Только он женится... И этим всё сказано.

Кидаю ключи на столик в холле и прохожу в огромную гостиную.

Следом Алекс, волоча чемоданы.

Мишка сразу из аэропорта рванул в больницу. Я бы тоже рванула, но...

— Спальни наверху, — показываю рукой. — Моя первая слева, ты можешь выбрать любую из четырёх других. Ванная и туалет есть на обоих этажах.

Он кивает и тащит чемоданы по лестнице. А я плюхаюсь на диван рядом с окном во всю стену и закрываю глаза.

Моя двухнедельная пытка началась.

Как её пережить?..

Достаю из сумочки телефон и открываю приложение заказа доставки еды. Ходить по магазинам сегодня я не собираюсь, а холодильник пустой.

Поднимаюсь наверх, в спальне, напротив моей, открыта дверь. Стучусь о косяк и вхожу.

Тут же застываю в дверях — перехватывает дыхание...

Алекс стоит у кровати без верха. Красивое рельефное тело с каждой прочерченной мышцей. А на правом боку красуется татуировка в виде дорожки из пяти кошачьих лапок.

Раньше её не было.

— Милое тату, — брякаю, пряча глаза.

Он только хмыкает в ответ и надевает футболку.

— Что тебе на ужин заказать? Готовить пока не из чего.

— Не знаю. Выбери на свой вкус, — пожимает плечами.

Его вкусы я прекрасно помню. Но решила перестраховаться, вдруг за последние годы они изменились. Я же научилась, есть омлет.

— Хорошо, — кликаю на кнопку "заказать", подтверждая свой прежний выбор.

Ужинаем практически молча. Перекинулись всего лишь парой фраз.

Я, немного поковырявшись в еде, откидываюсь на спинку стула с бокалом лёгкого вина и пристально смотрю на Алекса.

Хочется вывести его хоть на какие-то эмоции, а то эта тишина уже слух режет. Но он молчит. Только мышцы под футболкой напряжены. Его эта обстановка, похоже, тоже давит.

Мой взгляд скользит по его сильным рукам. На правой довольно большой шрам.

— Откуда это? — показываю кивком головы.

— После падения остался.

— Как это случилось?

— Случайно выпал, поскользнулся, — сжимает сильнее вилку.

Я слышала другую версию.

— Ты это сделал сам. Зачем?

— Это придумки журналистов, — говорит глухо.

— Я видела видео... Не обманывай. Зачем?

Ни звука.

— Я не стою того, — ставлю пустой бокал на стол. — Никто не стоит...

Я знаю причину — посвятил его отец. Он звонил мне и орал в трубку, как ненормальный, обвинял в желании убить их сына.

— Давай сменим тему...

Он сводит челюсти так, что слышится скрип зубов.

— Окей, предлагай другую.

— Почему ты развелась?

— Думаю, ты прекрасно знаешь причину. Моя сестрёнка наверняка поделилась.

— Нет. Мы почти не разговаривали о тебе.

— Странно...

— Так почему?

— Он изменял мне на протяжении последнего года.

Алекс удивленно вскидывает брови.

— А что ты удивляешься? Вы все изменяете...

— Я не изменял! — выпаливает он.

— Я не слепая, Алекс.

— Это был спектакль для одного зрителя — тебя.

— Значит, ты хреновый актёр, раз на такое согласился, — отвожу глаза в сторону.

— Я не соглашался! Меня подставили! — взвинчивается Гроу.

— И кому это надо было?

— Моему директору. Он решил не отпускать меня с тобой. И придумал всё это. А ты поверила.

— Трудно было не поверить. Но это уже не важно... Не изменил тогда, изменил бы потом, — веду плечами.

— Что за бред!

— Бред? А что ты делаешь сейчас? Не изменяешь своей невесте? Да, пусть не физически, но там, — стучу я пальцем по голове. — А это порой намного хуже. Думаешь, я не видела, как ты на меня смотрел, когда полотенце упало?

— Ты тоже из себя невинность не строишь, — дерзит в ответ.

— У меня ни перед кем обязательств нет. Я свободна. Повторяю — зря ты согласился приехать.

Беру его пустые тарелки и свои, с которых вываливаю еду в мусор, запихиваю их в посудомойку.

Решительным шагом направляюсь в свою спальню вверх. Алекс идёт сзади. Я чувствую его тяжёлый прожигающий взгляд на своей спине. От этого ноги плохо слушаются, и я оступаю.

Крепкая рука Алекса обхватывает меня за талию и не даёт упасть. Он прижимает к себе так сильно, что я ощущаю, как его губы слегка касаются моей шеи сзади. По телу пробегает предательская дрожь, а сердце бешено колотится, желая выпрыгнуть из груди.

Он делает шаг и встаёт на одну ступеньку со мной, не отпуская из объятий.

— Осторожно. Так можно и свою красивую шейку сломать, — хрипит рядом с ухом.

Откидывает мой хвост на другую сторону и прикасается губами к коже. Я немею и закрываю глаза от удовольствия. Жаркая волна мгновенно накрывает меня.

"У тебя просто давно секса не было", — стучит в моей голове.

Но не с Алексом...

Я зареклась наступать на одни и те же грабли. Поэтому отбрасываю его руку с моей талии и поднимаюсь на этаж. Разворачиваюсь к нему, застывшему на лестнице.

— Спасибо! Но это лишнее.

И ухожу в комнату, хлопнув дверью. Напротив тоже громкий хлопок.

Перед сном делаю заказ доставки завтрака из французской кофейни к восьми утра. Потом принимаю душ и в постель.

Сон не приходит. Слишком много волнующих событий за пару дней. Бывало и похуже, но тогда рядом не было Алекса. Именно его присутствие заводит меня.

Пару раз в голове появляется мысль плюнуть на всё, ворваться к нему в спальню и заняться диким сексом. Но это просто гормоны шалят. Я этого не сделаю... Но хочу... Зачем себе врать...

Сколько я там уже без мужчины?

Семь месяцев? Тут любая на стену полезет...

Утром завтрак привезли почти минута в минуту. Я уже к этому времени собрана на работу. Строгий черный брючный костюм, туфли лодочки. Аккуратно собраны волосы. И деловой неброский макияж.

Бизнес леди...

Довольно улыбаюсь своему отражению в зеркале и направляюсь будить Алекса, через полчаса подъедет машина, чтобы ехать в офис.

Но он уже не спит. Выходит из душа и идёт в мою сторону. Из одежды — полотенце на бедрах. По телу рассыпаны капли воды.

Чёрт! Ну, почему ты такой красивый и сексуальный?!

— Советую поторопиться, у меня в половине десятого совещание. Завтрак внизу.

— Слушаюсь, мэ! — отдаёт честь, второй рукой придерживая полотенце, чтобы не упало.

Я возвращаюсь к лестнице, но сделав пару шагов снова разворачиваюсь к нему.

— Халаты висят в шкафчике в ванной справа от двери.

— Я запомню, — ухмыляется, окинув меня с ног до головы обжигающим взглядом.

Наглец вернулся.

В офисе все сразу засуетились, стоило мне только выйти из лифта.

Я здесь месяц не была, отрывалась в отпуске то там, то сям.

Следом выходит Алекс. На нём черный по фигуре костюм и черная рубашка. Верхние две пуговицы расстегнуты. Всё дополняют модные итальянские туфли.

Умеет создать впечатление гад!

Офисные девушки тут же глаза увеличили при виде моего нового "охранника".

— Доброе утро, Молли! Напомните всем руководителям отделов про совещание, — мимо стола секретарши.

Я распахиваю дверь и знаком предлагаю Алексу войти, что он и делает. Сама иду следом, оставив в приемной свою помощницу с открытым от недоумения ртом.

Бросаю сумку на рабочий стол.

— Устраивайся, где тебе будет удобно, — обвожу руками кабинет. — Рабочий день в офисе длинный.

Сама занимаю место в своём кресле.

Он подходит к дивану и берёт в руки мягкую игрушку, которая там лежит.

— Фурия? Серьёзно? — показывает мне дракончика.

— А что тут такого? У всех есть свои маленькие слабости. Я игрушки люблю...

— Тебе, кажется, куклы нравились. Я лично пару антикварных покупал.

— Они остались в доме мужа, — бросаю взгляд в экран загружающегося компьютера.

Кстати, надо забрать всю коллекцию.

Алекс недовольно фыркает и плюхается на диван.

— Пароль от вай-фай какой?

Я пишу на бумажке, подхожу и отдаю ему. Пусть только сидит тихонько и помалкивает. Мне на совещание ещё настроиться надо.

Когда берёт её из моей руки, специально прикасается к моим пальцам. Я смущённо опускаю глаза в пол, пульс подскакивает. А он внимательно наблюдает за моей реакцией, ухмыляясь одним краем рта. Разворачиваюсь на каблуках и отправляюсь к своему столу, ощущая на спине горячий взгляд, от которого мурашки побежали наперегонки.

Не надо...

Через двадцать минут все вызванные сотрудники собрались за столом в моём кабинете. Я облегчённо выдыхаю, ближайшее время мне не придется быть с Алексом наедине.

Присутствие Гроу не осталось без внимания. На него постоянно кто-нибудь да оборачивается. А он смотрит в телефон, который почти непрерывно вибрирует. Вчера я не слышала из него ни звука, я вообще не видела у Алекса его в руках.

Дизайнеры представили новые работы, как готовые, так и эскизы. Кое-что пришлось отправить в корзину, что-то решено запустить в производство. Новое направление — очки. Уже выпущены и ушли в продажу ограниченные серии, большая часть которых разлетелась, как горячие пирожки. У меня на столе стоит коробка с теми, что остались, как первые образцы.

После совещания, которое длилось почти два часа, Алекс подходит к столу, выуживает понравившиеся и надевает.

— Тебе идёт... — мельком гляжу на него поверх бумаг.

— Я есть хочу, пойдём, пообедаем где-нибудь, — раскручивает стоящее рядом кресло.

Я достаю из стола красную папку и кидаю перед ним.

— Что это? — смотрит на неё непонимающе.

— Меню. Выбирай, говори номер и через двадцать минут тебе всё привезут.

— Вот он — прогресс! Я так не хочу... Посмотри, какая погода за окном. Поехали в какой-нибудь ресторанчик, — наклоняется и ставит руки на мои подлокотники.

Взгляд в окно. Пасмурно, вот-вот пойдёт дождь.

— Так себе погодка, — бурчу я, глядя ему прямо в глаза.

Он нависает надо мной.

В этих голубых омутках глаз можно утонуть.

— Самая то, для посиделок в уютном ресторанчике с чашкой горячего кофе, — улыбается мне.

— Здесь чай больше любят...

— Да пофигу. Поехали, а?

Где он прятал старого Алекса? Почему сейчас передо мной тот, кого я любила пять лет назад? Тот, кому невозможно сопротивляться.

— Ладно, — сдаюсь я.

Он довольно расплывается в улыбке и подаёт мне руку. Я с осторожностью прикасаюсь к ней. Место соприкосновения колет иголками, поэтому почти сразу отдергиваю.

Он нахмурится.

Я выключаю компьютер. Не глядя, делаю шаг, чтобы идти к двери и упираюсь в торс Алекса. Он вплотную.

— Ты меня боишься? — произносит тихо, не отрывая глаз от моего лица.

— Нет. Беспokoюсь о спокойствии твоей будущей жены.

— Тебе не нужно об этом волноваться. С ней всё нормально будет.

— Может, пойдём? Ты есть хотел... — напоминаю ему.

Он несколько секунд всё так же пристально смотрит в глаза, а потом отходит в сторону и пропускает меня вперёд.

Мы приехали в небольшой ресторанчик, который находится в нескольких кварталах от офиса. Я сюда захожу иногда выпить чай.

Официант узнаёт меня и прямоком отводит в отдельную маленькую комнату. Большинство ресторанов рядом с бизнес центрами имеют такие. Богатые и знаменитые не любят есть у всех на виду.

Мы удобно устраиваемся в мягких креслах друг напротив друга. Алекс изучает несколько минут меню, потом убирает в сторону.

— Закажи что-нибудь ты. Я слышал про традиционную британскую кухню, здесь хвосты и копыта едят. Я такое не хочу.

Смешно.

— Про копыта не знаю, а хвосты действительно едят. Ещё желудки, кишки.

Алекс сморщится. Я снова смеюсь.

Какой же ты брезгливый!

— Ладно. Нам Стью, Уолтдорф, Эрл Грей и Трайфл с малиной, — перечисляю официанту.

— Вино? — спрашивает он у меня.

— Нет.

— Хорошо, — кладёт блокнот в карман и удаляется.

— Надеюсь это вкусно? — интересуется у меня Гроу. — Раньше мы не посещали рестораны с английской кухней.

— Вкусно. И твоя психика не пострадает от вида блюд из внутренностей. Англичане предпочитают больше курицу, это ещё со времён индийских колоний. А то что ты перечислил чаще популярно к северу — Шотландия, Ирландия.

— Как ты тут живёшь без русского борща или жареной картошки?

Я снова смеюсь. Разве дело в еде?

— Я сама это могу приготовить. Да и русских ресторанов тут полно.

— Отлично. Ужинать идём туда.

— Ужинать мы будем дома, — заявляю твёрдо. — Я сама приготовлю.

— Почему ты не наймешь домработницу?

— Времени нет. А старая с мужем осталась. Есть приходящая уборщица.

— Куклы, домработница, что ещё с ним осталось? — облакачивается о стол и складывает руки в замок.

— Всё, кроме компании, квартиры в Москве и моих счетов. Общих у нас не было. Даже квартира, в которой мы живём, мне не принадлежит.

— Ему?

— Нет, записана на фирму.

— Как так получилось, что ты, по сути, осталась на улице?

— Я сама отдала. К сожалению, здесь даже наш брачный контракт имеет маленькую силу, они вне закона. Если бы не отдала это всё — лишилась бы половины, так как я более финансово обеспечена. Дома, яхты, машины можно купить, а вот потерять своё дело я не могу, слишком много времени и сил вложила. Он и так получил десять процентов акций, которые были на нём записаны. Я могла вернуться в старый таунхаус, в котором прожила здесь много лет, но там слишком много воспоминаний.

Официант приносит наш заказ.

— Как Мария Ивановна поживает?

— Она умерла полтора года назад от рака желудка. Болезнь развивалась очень стремительно.

— Жаль... Милая была старушка... Как же ты тогда бы поселилась там?

— Она оставила всё мне...

— У неё вроде сын был, — сводит брови Алекс.

— У неё да, а у него её не было. Ему на мать было наплевать, прилетел только на похороны. Она до последнего надеялась, что он приедет с ней попрощаться.

— Ублюдок, — выпаливает Алекс.

Я согласна с ним.

Пока обедаем, телефон Гроу звонит раз десять. Я замечаю, что это отец.

— Поговори с ним. Наверное, что-то важное, раз звонит столько раз.

— Я знаю, что он скажет...

— Знаешь, я бы всё сейчас отдала, чтобы хотя бы минуту поговорить со своим отцом. Очень жалею, что когда-то вот так же скидывала звонки от своих родителей.

Он смотрит на меня задумчиво.

Телефон снова трезвонит. Алекс мнётся. Явно не хоче, чтобы я слышала их разговор.

— Извини, я отойду ненадолго...

Я качаю головой.

Его не было минут десять. Вернулся дёрганный и на взводе.

— Всё нормально?

— Да, — натянуто и неестественно улыбается.

— Не похоже.

— Просто он спокойно разговаривать не умеет.

— Это точно, — брякаю вслух.

— Ты о чём? — подозрительно прищуривается Алекс.

— Да так...

— Он тебе звонил?

— Да, после твоего падения. Орал на меня, как ненормальный. Пришлось его послать.

— Вот почему он против тебя. Назвал дерзкой дрянью.

— Хорошо хоть цензурно, — ухмыляюсь. — А вы разговаривали обо мне?

— Раньше... — прячет глаза Алекс.

Что-то ты от меня скрываешь.

Глава 8

Мой водитель паркует машину на стоянке гипермаркета. Открывает мне дверь, и я направляюсь к магазину, но сделав несколько шагов, обнаруживаю, что Алекс не идёт за мной. Возвращаюсь обратно и сажусь в автомобиль. Он сидит, уткнувшись в телефон.

— Не поняла, — произношу строго. — Почему ты здесь?

— А где я должен быть? Ты пошла в магазин, а мне что делать?

— Наверное, оторвать задницу от удобного кресла и следовать за мной.

— Зачем? Ненавижу по продуктовым ходить, — строит гримасу.

— Я, по-твоему, должна сама всё таскать? — злюсь на него с желанием отвесить леща.

— А водитель помочь не может?

— Нет! Это не входит в его обязанности.

Входит, конечно. Но я хочу, чтоб он пошёл.

Он корчит недовольную рожу и выходит из машины.

Идёт за мной в вразвалочку, засунув руки в карманы брюк, чем привлекает внимание огромного количества домохозяек с тележками забитыми продуктами. Парочка даже столкнулись, устроив мини аварию.

— Руки из карманов вынь, — шиплю на него. — И возьми тележку.

Он скусающе плетётся за мной, пока я выбираю всё необходимое. Читает что-то на пачках, несколько кидает в корзину.

Мы привлекаем слишком много внимания, а я здесь постоянно закупаюсь. Кое-кто даже на телефон снимает.

Неужели люди думают, что мы питаемся радугой и какаем бабочками? Мы такие же, как все.

— Что это? — показывает мне баночку Алекс. — Я не знаю, как это переводится.

— И не надо, редкостная дрянь на любителя. Её только местные едят, — отбираю у него пасту Marmite и ставлю обратно на полку. — Нам нужно ещё в молочный и мясной отделы.

Он опять недовольно гримасничает.

Через час мы выезжаем из магазина с полным багажником продуктов.

— Не умер? — обращаюсь к нему.

— Хуже похода за продуктами — поход в магазин за новогодними подарками. Потому что всего на полках дохрена, а выбрать нечего, — гундит в ответ.

— Радуйся, что Новый год раз в году.

Я стою у плиты, когда Алекс появляется на кухне. И опять с голым торсом.

Как же бесишь! Надо его ещё в магазин одежды отвезти, а то он, похоже, всё дома оставил.

— Помочь?

— Да, можешь овощи на салат порезать, — отвожу от него взгляд в сторону.

Он замечает моё смущение и подходит почти вплотную, чтобы подразнить. От него привычно пахнет любимым парфюмом, а пару дней назад был другой запах.

Я глубоко вдыхаю. К голове приливает кровь и в висках стучит.

Берёт меня за руку, в которой нож и медленно вытягивает его за лезвие.

Вторую руку я тяну к вешалке, которая была на расстоянии полуметра от нас, снимаю с неё фартук и сую ему.

— Прикройся!

Он развратно улыбается и урчит как кот.

— И будь добр — не разгуливай так по дому.

— Не нравится? А я так старался, в зал ходил три раза в неделю.

— Это неприлично! — цежу сквозь зубы, сдерживая себя.

— Кроме нас двоих тут никого больше нет, — шепчет у моего уха. — Да и вряд ли у меня есть что-то, чего ты не видела.

— Ну, например, это тату, — показываю на следы кошачьих лапок на боку. — Что она означает?

— А твои разбитые сердечки на шее? — надевает фартук.

— Я первая спросила.

— То, что моя любимая кошечка от меня сбежала, один год — одна лапка.

А их пять...

— Теперь твоя очередь, — берёт со стола кусочек морковки и кидает в рот.

— Количество предателей, которые разбили мне сердце, — смотрю на него с укором.

Он кладёт нож на разделочную доску и одной рукой притягивает меня за талию к себе. Взгляд прямо в глаза. Жёстко и с вызовом. По спине пробегает холодок.

— Я не предавал! — проговаривает хрипло, почти касаясь моих губ.

— Я это уже слышала... — отвожу голову назад.

Он запускает руку мне в волосы и за затылок тянет обратно.

— Сэл, не буди во мне зверя.

— Я не боюсь хомячков, — отшучиваюсь.

Напрасно я это сделала. После этой фразы его глаза вспыхивают огнем, и он впивается своими губами в мои.

Топчет, давит, ломает все преграды. Моё тело становится безвольным в его руках. Я проклиная себя, что так легко сдаюсь ему. Каждая моя клеточка хочет к нему. Но я должна сопротивляться.

Он женится на другой!

Эта фраза в голове отрезвляет меня.

Я набираюсь силы и отталкиваю.

— Не смей больше это делать! — проговариваю по слогам каждое слово чужим для меня голосом.

Он звучит ниже обычного.

Алекс берёт нож и втыкает его со злостью в доску.

Подпрыгиваю от неожиданности.

Снимает фартук и швыряет на стол.

— Я сыт! — злобно рычит и уходит к себе в комнату.

Ужинаю я в одиночестве.

Слышу, как он с кем-то громко разговаривает по телефону, но суть разговора не улавливаю. Понимаю только фразу "это мой выбор и вам придется смириться", потому что сказал он её очень громко.

Интересно, кто и с чем должен это сделать?

Потом опять беспокойная ночь. Присутствие Алекса где-то рядом выводит из равновесия.

Я встаю, чтобы спуститься и попить воды. На обратном пути не сдерживаюсь и

заглядываю в его комнату. Он спит на животе, закинув руки под подушки. Его любимая поза...

Сажусь на край кровати. Кончиками пальцев слегка касаюсь его спины. Моё тело даже от этого лёгкого прикосновения трепещет, а дыхание замедляется.

Почему ты до сих пор так влияешь на меня? Столько лет прошло, а ничего не изменилось, по-моему, даже сильнее стало. Ведь я научилась жить без тебя, пусть сначала и ломало, как наркомана от нехватки дозы. Хотелось плюнуть на принципы и простить, но я выдержала. А теперь снова умираю от желания рядом с тобой.

Выхожу от греха подальше из его комнаты, пока он не проснулся, оставив стакан с водой на тумбочке у кровати. Только вернувшись к себе, замечаю это, но возвращаться не буду. Когда выходила, он перевернулся на бок.

К завтраку он, как и просила, выходит полностью одетый в тонкий белый джемпер и тёмно-серые брюки. На шее красуется цепочка с бриллиантами.

Кроме "доброе утро" я от него ничего не услышала. По дороге в офис он тоже молчит, а в кабине садится на диван и сидит там, зависая в телефоне, до самого обеда. Его я заказываю в офис, некогда по ресторанам расхаживать. У нас всего три месяца на запуск новой осенней коллекции. Они пролетят, как пуля.

Мы доедаем свой обед за небольшим столиком в углу моего кабинета, когда он спрашивает:

— Ты ночью приходила ко мне?

— Нет, — взгляд в тарелку.

— Тогда откуда на прикроватной тумбочке стакан воды появился?

— Без понятия, — пожимаю плечами. — Ты, наверное, лунатишь...

Он строго смотрит на меня. Потом качает головой и молча поджимает губы.

Больше за день не обронил ни слова.

Так же было и на следующий, и на последующий.

Заговаривает только вечером, когда шофер привёз нас в школу танцев, в которой я занимаюсь по четвергам.

— Стриптиз? — вырывается первое за два дня слово от Алекса, когда входим в зал.

— Не стриптиз, а полдэнс, молодой человек, — поправляет его мой учитель Мэг, стоя за его спиной.

Алекс разворачивается на её голос.

Мэг — красивая высокая мулатка с точеной фигурой. Сейчас она одета в спортивное белье и туфли на высоченном каблуке.

— Кто этот невежа, Сэл? — встаёт рядом со мной и по-хозяйски кладёт руку на плечо.

— Мой новый охранник, — отвечаю ей, покосившись на Алекса.

Его глаза в мгновение темнеют от злости и выступают сжатые скулы.

— Раньше твои охранники были скромнее, — окидывает его любопытным взглядом с головы до ног Мэг.

— А это элитное агентство, — шучу.

— Ну, конечно. Ты-то можешь себе позволить. Переодевайся. А вы, молодой человек, подождите за дверью, — указывает она пальцем.

— Нет! — резко выпаливает Алекс, вступая в игру. — Я охранник и должен держать объект наблюдения в поле зрения, — с наглостью глядит на меня.

Мэг уходит и возвращается со стулом, который ставит в середине зала.

— Тогда это ваше место, — приглашает рукой.

Молодец Мэг! Не зря мы дружим четыре года. Издеваться над мужчинами она знатно умеет, но предпочитает слабый пол.

— Признавайся, что здесь делает твой бывший? — спрашивает меня в раздевалке. — Думаешь, я его не узнаю? И не втирай про охрану.

— Почти. Миша приставил его ко мне, пока сам занят с Элен и малышом.

— А ему что делать нечего? — показывает в сторону зала.

— Решил, наверное, перед женитьбой гульнуть напоследок, — равнодушно жму плечами.

— Он ещё и женится?! Вот козёл! А невеста куда смотрит?

— Да там такая невеста, на глазах которой он будет кого-нибудь трахать, а она ничего не скажет. Пропищит что-то своим ультразвуком и всё, — морщусь, вспомнив её голос.

Мэг смеётся.

— Понятно, охотница на богатых и знаменитых.

— Скорее второе. Она сама из обеспеченной семьи.

— Значит, будем брать его на твой "Кислород", — подмигивает Мэг.

Тут мы смеёмся обе.

От танца под эту песню ни один мужчина не устоял, пусть она и на русском языке. А Алекс точно поймёт.

Я надеваю стрипы и направляюсь в зал...

Мэг выключает общий свет, оставляя только точечно, там, где пилон и Алекс.

Гроу теряется и осматривается по сторонам.

Подруга врубает музыку.

(Саунд: Артём Пивоваров — Кислород)

Сексуально вышагиваю из темноты на свет в такт музыке. Ловлю взгляд Алекса, который из растерянного превращается в наглый, а на губах появляется пошлая улыбочка.

Я знаю, что ты такое любишь.

Не уводит взгляд, когда я поднимаюсь на шест и раскручиваюсь вниз головой с раздвинутыми ногами.

Губу прикусил и ловит каждое движение глазами.

Перехожу в партер, извиваясь на полу. Руками по изгибам тела, сжимаю грудь.

Он закрывает глаза, сдерживаясь, чтобы не сорваться.

Смешно.

Перебираюсь на его колени, трую об его бёдра. Обхватываю голову Алекса и откидываю назад. Носиком по коже на шее.

Он грубо и рвано дышит. Пытается сжать меня руками, вдавливая в себя.

Чувствую я, что ты хочешь...

Но получает по шаловливым и убирает их.

Издаёт булькающие звуки вперемешку с рычанием.

Дышу ему в ухо в такт музыке.

Алекс прикрывает глаза, а они мутные и чёрные от расширенных зрачков.

Медленно сползаю с него. Теперь танцует только моя попа у его ног.

Выводит из транса танца удар упавшего на пол стула.

Гроу быстрыми шагами удаляется из зала.

***

— Слабак твой Алекс! После песни сбежал от перевозбуждения, — ржёт Мэг, подавая мне чашку чая.

Обычная традиция после наших тренировок.

— Он не мой...

— Да какая разница! Вот твой бывший муж был покрепче, почти до конца досиживал. Но думаю, он просто хотел меньше. У этого в глазах было такое, что я сама возбуждалась.

— Мэг!

— Что Мэг? Не похож он на парня, у которого через месяц свадьба. Кто в здравом уме согласится приехать сюда и жить с тобой наедине в одной квартире?

— Он.

— Вот это и подозрительно, — откусывает шоколадку. — Давай на чистоту, у вас уже что-то было?

— Нет!

— Не ври! Хочешь сказать, что и пальцем не прикоснулся?

Я закатываю глаза.

— Ага! Значит, что-то было, — хитро улыбается.

— Поцеловал меня два дня назад, — признаюсь подруге.

От неё интимных тайн у меня нет. Она единственная, с кем я об этом могу говорить откровенно. Доверие какое-то.

— И что?

— Ничего. Я его оттолкнула, и он теперь со мной не разговаривает.

— Я не про это, — кривится Мэг, отставляет чашку. — Что ты почувствовала?

— Не знаю... У меня внутри будто бабочки запорхали, — произношу задумчиво.

— Во-о-т!

— Что "вот"! Я зареклась наступать на одни и те же грабли! Сколько можно? Что за сплошные флэшбэки в моей жизни?!

— А если это любовь?

— Нет уже никакой любви...

— Давай проверим, — играет Мэг бровями. — Помнишь своего мужа четыре года назад, когда мы с тобой познакомились?

— О, нет! — машу я руками.

— О, да! Когда мужик ревнует, то в его голове замыкание, и он всё высказывает.

— Это опасно. Алекс — не Рон, он очень ревнивый. И если там что-то осталось, — стучу по груди, — то он разнесёт всё к чертовой матери!

— Выплатишь Марку компенсацию.

— Нет!

— Да! Завтра как раз пятница.

Я тяжело вздыхаю. Затея подруги не предвещает ничего хорошего.

Я понял — решила поиздеваться. И подруга эта с ней заодно. Следила за мной пристально, пока я плавился от танцев Сэл, сидя на стуле напротив пилона.

Не смог больше выдержать, побоялся, что взорвусь и ушёл на улицу.

Стреляю у водителя сигарету.

Последний раз курил лет в девятнадцать, горький вкус дыма перехватывает дыхание. Но я смог сдержаться и не закашлять.

Нервы как струны гитары, тронь и зазвучит музыка. Я и так последний два дня с трудом держу себя в руках. Не подхожу, не прикасаюсь, даже не разговариваю. Иначе накинусь на неё, как голодный.

Зачем обманула, что не приходила ночью? Я слышал, как закрылась дверь. И стакан на тумбочке оставила.

Если бы я проснулся на минуту раньше — никуда бы не отпустил. Заставил бы кричать от моих ласк. Но я опоздал, а следом не пошёл.

Бегло гляжу на часы... Половина девятого. Через полчаса я должен быть в ресторане на встрече с диджеем.

Достаю телефон, чтобы позвонить и поторопить Сэл, но она сама в это время выходит из двери школы, прощаясь с подругой.

— У меня через полчаса встреча в ресторане, так что я возьму такси, а ты езжай домой, — стараюсь говорить холодно и не смотреть на неё.

Перед глазами до сих пор её извивающееся тело, чуть прикрытое спортивным бельём.

— С кем? — подозрительно.

— DJ Black.

— Вместе поедем, — отвечает серьезно, не по-доброму блеснув глазами.

— Ладно, — пожимаю плечами в недоумении и сажусь в машину.

***

Выбранный ресторан в центре города, а он вечером забит. Приходится немного пройтись пешком до нужного места от свободной парковки.

— Сэл? — с удивлением и растерянностью смотрят на нас диджей и его менеджер.

— А что тебя удивляет Лэнс? — усаживается на стул напротив них Сельванна.

— Я не знал, что Алекс один из твоих подопечных...

— Он и не мой... подопечный, — осекается она на последнем слове. — Я здесь, как юридический гарант в отсутствии его директора.

Парни переглядываются. Не нравится мне это.

— У нас уже всё оговорено, осталось только подписать контракт. Он стандартный, — достаёт из папки бумаги и ручку менеджер и двигает по столу ко мне.

— Можно я посмотрю? — спрашивает у меня Сэл.

— Да, конечно, — отдаю их ей.

Ребята заметно занервничали.

Сельванна внимательно читает контракт и возвращает его мне, глядя прямо на парней.

— Не подписывай!

— Что? Почему? — не понимаю.

— Пункт 5.8.

Я пролистываю пару страниц и читаю нужную графу.

Вот суки! По контракту мне полагается всего тридцать процентов прибыли.

— Мы договаривались пятьдесят на пятьдесят! — злюсь я.

— Опять шельмуете? У меня сразу слово "стандартный" вызвало подозрение, — сухо цедит слова Сэл.

— Мы же не думали, что он под твоим крылышком, — лепечет Лэнс.

— Бросайте вы эту схему. Вам одного суда было мало?

— Мы согласны на равные права, — заявляет менеджер.

— А мы нет, — тихо, подавшись вперёд, говорит им Сэл. — Шестьдесят на сорок в нашу пользу.

— Это обдиралово!

— Это компенсация за неудобства. Идём, Алекс, — встаёт из-за стола. — Решите согласиться — позвоните Мише.

— Как ты поняла, что они хотят обмануть? — интересуюсь у Сэл, когда выходим из ресторана.

— Да ты уже не первый кого так разводят. Во время переговоров очень много раз обсуждаются равные права. Морочат голову. Потом приходят с контрактом, в котором они получают все сливки. Артист подписывает не глядя, доверяет. А когда приходит время делить бабло, оказывается, что он получит не всё, что причитается. Обычно это нью неймы, но с хорошей фан базой. Сейчас же всё в интернете. И у новичков, которые пилят музыку, как сморкаются, поклонников больше, чем у маститых артистов. Особенно в странах Восточной Европы и СНГ. Как ты попался на эту удочку, я не понимаю.

— Я никогда не слышал о таких схемах.

— Она очень старая, почти никто ей не пользуется. В этом минус самостоятельности. Продюсеры на этом собаку съели.

— Продюсеры ничем не отличаются от них, — показываю в сторону ресторана.

— Знаю, поэтому у меня его нет. Поехали домой, — произносит устало.

На телефон приходит сообщение.

"Мы согласны" разворачиваю я экран смартфона к Сэл. Она усмехается.

— Напомни, чтобы я купил тебе цветы, — открываю перед ней дверь машины.

— Женщины не обязаны об этом напоминать.

— Кстати, что они имели в виду под словами "один из твоих подопечных"?

— Тебе послышалось, — загадочно.

Сэл наверху у себя, я сажусь за фортепиано, которое стоит в углу гостиной.

В голову пришла мелодия, которую решил наиграть. Ноты появляются в сознании одна за другой.

— Красиво, — слышу за спиной. — Что это?

Она спустилась на звуки музыки.

— Не знаю, только что в голову пришло.

— Можешь повторить, — подходит она ко мне и берёт с инструмента блокнот и ручку.

— Могу.

Наигрываю мелодию.

Она что-то записывает. Когда я останавливаюсь, протягивает мне листок, на нём ноты.

— Так?

— Так, только здесь вместо "ми" "ля".

— Собирайся! — направляется быстро к лестнице.

— Куда? — встаю, не понимая, что происходит.

Она останавливается на середине ступенек, перегибается через перила и смотрит вниз на меня.

— В студию. Куда ещё. Это нужно записать.

— Сейчас?

— Потом вдохновение уйдёт. Советую надеть толстую кофту или куртку, — убегает к себе.

Через десять минут мы стоим в лифте, спускаясь в подземный паркинг. На Сэл обтягивающие штаны, кожаная черная куртка и ботинки на массивной плоской подошве. Волосы заплетены в косу.

Наряд подчеркивает каждый изгиб её тела. Кровь в моих жилах сразу закипает и ударяет в голову. Я от этого тела так тащусь, что меня скоро разорвёт на части.

На парковке мы проходим в дальний угол, и она сдергивает полог со стоящего там мотоцикла. Спортивный BMW.

— Единственное что не досталось мужу после развода, — с любящими горящими глазами гладит железного коня.

Снимает с ручек каски и одну кидает мне в руки.

— Мы на нём поедим? — округляю глаза.

— Зассал? — заговаривает, как заправский байкер.

— Нет!

— Тогда садись и не выпендривайся, — заводит мотор.

Я надеваю каску и устраиваюсь сзади. Она что-то нажимает на моём шлеме.

— Сильно не прижимайся, когда поедим, — слышу отчётливо её голос.

В них встроены наушники и микрофоны.

— А если мне страшно будет? — флиртую.

— Тогда пойдёшь пешком.

Я не боюсь.

У меня и права на мотоцикл есть, и гонял я до первой аварии. Просто в машине мне комфортнее.

Выехав с паркинга, вклиниваемся в поток машин. Почти одиннадцать, куда едут все эти люди?

Сэл ведёт аккуратно, плавно огибая машины.

Знаю, что есть девушки- опытные байкеры, но лично сталкиваться не приходилось. О любви Сельванны к мотоциклам тоже знаю, но за время, пока мы встречались, она ни разу на них не села. Два до сих пор стоят в гараже у Антона и Стаськи на Рублёвке.

— Нам далеко? — двигаюсь ближе к ней и обнимаю одной рукой.

— Не очень. Минут пятнадцать езды. И не сжимай меня так, мне нужно свободно ориентироваться.

— Окей, — убираю руку назад.

— Вот так лучше.

— Откуда такие шлемы?

— Киношники подарили, мы в них на съёмках гоняли. Нам же как-то нужно слышать команды режиссёра и друг друга.

— И часто тебе дарят реквизит?

— Всё, что захочу, — отвечает и делает резкий поворот.

Я от неожиданности снова прижимаюсь к ней.

Сзади свистят чьи-то тормоза.

— Полегче!

— Ты тоже! Я задохнусь!

Ослабляю хватку, но не отпускаю. От неё всего можно ожидать.

Как и обещала, через пятнадцать минут мы тормозим у здания, в котором находится студия.

— Здесь ещё кто-то есть? — снимаю шлем и делаю глубокий вдох свежего воздуха.

— Круглосуточно. Как и везде муза всех посещает по ночам.

Мы поднимаемся на третий этаж. В коридоре стоят несколько мужчин и что-то обсуждают, разбавляя разговор смехом.

Один поворачивается в нашу сторону и громко на весь холл:

— Ребята, разбегаемся! Леди босс приехала!

Сэл хмыкает и шуточно отвешивает ему подзатыльник в воздухе, а он так же в шутку морщится, почёсывает затылок и скрывается за дверью. Остальные здороваются и уходят по другим кабинетам.

Сельванна берётся за дверную ручку комнаты, в которой скрылся первый парень.

— Я не знал, что у тебя есть студия, — останавливаю её.

— Формально она не моя. Мишкина. Но кто здесь хозяйка все знают. И да, мы занимаемся продюсированием, поэтому тебя и приняли за моего артиста, — скрывается за дверью студии.

— Алекс, это Гордон. Человек, который помог написать почти все мои хиты за последние семь лет.

Жмём руки в приветствии.

— Чем обязан таким дорогим гостям в нашей скромной обители?

— Не обращай на него внимания, — говорит мне Сэл. — Это у него юмор такой. Бородатый, как и он.

Гордон довольно гладит себя по бороде. Сэл вынимает листок с нотами и отдаёт ему.

— Из этого надо сделать шедевр.

Он вглядывается в бумажку, выдвигает сбоку от себя клавиши и наигрывает мелодию.

— Неплохо... Твоё? — ко мне.

— Моё...

— А слова?

— Слова он тоже сочинит, — подвигает ко мне стул Сэл, надавливает на плечи, чтобы я сел.

— Со словами проблема, — немного диковатый взгляд. — Я сам уже года три не пишу ничего. Муза меня покинула...

Она недовольно кривит губы.

— Мы поможем, — рассматривает Гордон нас по очереди.

Работа закипела.

— Не хватает чего-то, — нервно выдыхает Сэл спустя четыре часа. — Лион на месте?

— Если не слинял, что вряд ли, то у себя в пятой. Сходить? — спрашивает аранжировщик.

— Я сама, — уходит.

— Кто такой Лион?

— Битмейкер наш. Из любого говна конфетку сделает.

Сельванна возвращается с парнем лет двадцати пяти. Описать его можно одним словом

— рыжий.

Он прослушивает то, что мы записали и сваливает. Приходит со своим ноутбуком и за пять минут подбирает необходимые биты.

К утру всё готово.

Сэл помогает со словами и бэк вокалом, записывает скрипку. И пританцовывала всё время, пока я писал свой звук.

— Всё, я сейчас усну, — хныкает, выйдя на улицу.

— Давай ключи, я обратно поведу.

Она удивляется, но вкладывает мне брелок с ключами в ладонь.

— Не забывай, что здесь левостороннее движение, — ловко запрыгивает сзади меня.

Я специально делаю наклоны, чтобы она обняла меня. Хочу почувствовать её руки на себе. Она не делала этого, пока мы не подскакиваем на люке.

— Поосторожнее! Ты мне байк угробишь! — прикрикивает на меня.

— Держись крепче, а то и тебя уроню.

Сэл робко обхватывает меня, но после очередного резкого поворота вжимается в мою спину.

От её близости по телу проходит горячая волна. Я издаю слабый стон. Она дергается и хочет убрать руки, но хватаю одной своей и удерживаю.

Чёртов микрофон!

— Руль держи! — рыкает на меня.

***

— Я спать, — зевает во весь рот Сэл, только мы заходим в квартиру.

— А работа?

— Не волк, не убежит.

Я тоже ухожу в свою комнату, на ходу стягиваю худи и плашмя падаю на кровать. Сон накрывает сразу.

С трудом просыпаюсь около трёх часов дня. Сельванны дома нет, на холодильнике примагничена записка " Уехала в магазин".

Готовлю себе кофе и бутерброды.

Странно, но есть почти не хочется, кое-как проглотил один кусок хлеба с сыром.

Сэл появляется дома под вечер с кучей пакетов из разных бутиков.

— Это тебе, — суёт два мне в руки.

В них четыре футболки и два хлопковых джемпера.

— Это чтобы ты не ходил по дому полуголый. Я стесняюсь. Надеюсь, с размером не ошиблась.

— Спасибо! Но я и сам могу себе купить.

— Пока тебя дождешься, — направляется с покупками наверх, в спальню.

Она научилась ходить по магазинам? Когда мы выходили на шопинг, максимум, что она себе покупала — это очередной спортивный костюм. Вечернее платье один раз три часа выбирали.

После ужина она жалуется, что очень устала ходить по магазинам, и пошла спать.

Я около пары часов рублюсь в игру на ноуте.

Отвлекает звонок Мишки:

— Как у вас дела?

— Нормально, зависаем дома, — поднимаюсь с кровати и подхожу к окну.

С высоты двадцатого этажа видны лишь огни города.

— А у вас? Растёте?

— Ага, а ещё спим, едим, пукаем, — смеётся он.

— Как это быть отцом?

— Я если честно ещё не понял, — признаётся Мишка. — Слушай, можешь передать Сэл, что в понедельник утром ей нужно съездить на студию и переснять сцену. У них там что-то не получилось.

— Хорошо, сейчас. Повиси, — направляюсь к её спальне.

Дверь приоткрыта, я стучу и вхожу. На кровати разбросаны, по меньшей мере, десять коктейльных платьев.

— Сэл? — зову громко.

Но в ответ только тишина. Быстро слетаю с лестницы вниз, но там тоже никого.

— Мишка, её нигде нет! — кричу в телефон.

- Что значит — нигде нет? — взволнованно переспрашивает он.
- Вот так! Ни в комнате, ни в ванной, ни вообще в квартире. Нигде!
- Как ты её упустил?
- Играл на компьютере. Она сказала, что спать пойдет...
- Вот дрянь! Каждый раз умудряется провести, — ругается Мишка.
- И где её искать?

— Погоди немного, я сейчас, — пропадает куда-то.

Я ставлю телефон на громкую связь, а сам вымеряю комнату шагами.

— Она за городом, — голос Фалькона из телефона

— Ты за ней следишь?

— Приходится. Как ты думаешь, я весь этот месяц узнавал, где она? Следилка в телефоне.

— Что там? — возвращаю его к прежнему разговору.

— Тебе не понравится...

— Почему?

— Клуб "Экзот".

— Твою мать! — выдыхаю я.

— Знаком с этим местом?

— Да! — лезу в шкаф за костюмом.

Элитный закрытый клуб для богатых. Его хозяин брат Антона — Марк. Год назад я там выступал по приглашению на частной вечеринке по случаю дня рождения дочери какого-то нашего бизнесмена. В обычные дни — это рассадник порока. Алкоголь, наркотики, секс. И всё в огромном количестве.

Что Сэл там забыла?

— Надень костюм, иначе не пустят.

— Знаю, — застегиваю уже рубашку.

— Ещё нужен пароль для входа.

— Это ещё зачем?

— Чтобы левые не приходили, — объясняет мне. — Подожди немного, я узнаю.

Я уже надеваю пиджак, когда Мишка снова выходит на связь.

— Пароль- Angel wings.

— Крылья ангела? Там точно собрались извращенцы. Вопрос — у Сэл есть машина или только тот байк, что внизу?

— Белый спортивный BMW рядом с мотоциклом на паркинге тоже её. После развода купила. Ключи ищи на полке у двери.

— Окей. Я полетел.

— Напиши, как найдешь.

— Ладно, — отключаюсь и быстро сбегая по лестнице.

Ключи нахожу сразу, заодно прихватываю запасные от квартиры, вдруг я не найду эту сразу.

Спорткар приветливо подмигивает фарами, когда снимаю его с блокировки.

Машина мчит по улице, ревя мотором. В навигатор забиваю только название места, где

находится клуб. Самого клуба нет ни на одной карте. Такие места для избранных, а не для всех.

Минут через пятьдесят я на месте. Охранник, которому я говорю пароль, пропускает меня внутрь.

Это не привычный ночной клуб. Это целый комплекс с несколькими зданиями. Найти здесь человека непросто. Но я знаю, кто знает, где находятся все. Марк.

Пару раз меня пытаются остановить разодетые и подвыпившие дамочки, а может и под кайфом, я не разобрал.

— Где найти Марка? — спрашиваю у верзилы охранника, который слонялся по территории.

Он молча указывает на большое стеклянное здание.

Но даже там отыскать его оказывается сложной задачей. Он сидит в тёмном углу, развалившись на диване в компании четырех девочек. Одна из них крутится у него на коленях.

При виде меня, он пересаживает её на диван и встаёт.

— Алекс? Какими судьбами? Не знал, что ты здесь.

— Где Сельванна? — сразу в лоб, без приветствий.

Он меняется в лице. Взгляд становится колючий, а на шее вздуваются вены.

Столько лет прошло, а ты всё не угомонишься. Я знаю, про его одержимость Сэл. Стаська как-то проболталась. Странно, что он ничего не делает, чтобы хоть на шаг приблизиться к мечте.

— С чего ты взял, что она здесь? — решает меня обмануть.

— Знаю и всё. Где она? — твёрдо, чтобы поверил, что я шутить не собираюсь.

Он делает знак, чтобы я следовал за ним. Мы проходим в другое здание. Там звучит громкая музыка и много танцующих. Марк показывает наверх.

На втором этаже стоит Сэл с каким-то мужиком. Он одной рукой обнимает её за обнажённую спину, а вторая лежит на её попе, которая едва прикрыта коротким платьем. Они о чём-то разговаривают лицом к лицу. Вдруг он целует её в щеку, а она кокетливо смеётся.

Внутри я закипаю от злости и ревности. Я рвусь к ним, но меня за локоть перехватывает Марк.

— Без рукоприкладства! Хочешь ему втащить- жди за территорией. Но не советую, большой чел в медийном мире.

— Я понял, — отдергиваю руку.

Иду к ним, не обращая внимания на других людей, поэтому даже не замечаю, что кого-то толкаю. Я вижу только их двоих. Кулаки сами собой непроизвольно сжимаются. Но я обещал Марку не трогать этого ушлепка.

Поэтому когда подхожу, то сильно дёргаю Сэл на себя. Она открывает от удивления рот.

— Алекс? Что ты тут делаешь?

— Руки от неё убери! — рычу на козла, который теперь держит её за бедра.

Там кроме завязок платья ничего нет.

Он опускает руки и отходит на шаг назад.

— Извини, Грэг! — виновато смотрит на него, а потом поворачивается и ударяет кулачком мне в грудь. — Ты что творишь? Ты знаешь кто это?

— Мне плевать! Он к тебе больше не прикоснётся, иначе я ему руки сломаю.

— Совсем с катушек слетел? — толкает.

Я хватаю её за руку и тащу за собой.

— Отпусти! — вырывается, пытаюсь меня царапать за руку.

На улице, когда мы отходим на приличное расстояние от людей, она всё же вырывается.

— Ты ненормальный! Зачем ты приехал?

— За тобой.

— Я никуда с тобой не поеду!

— Поедешь, — нависаю над ней.

Она собирается толкнуть меня в грудь, но я перехватываю обе руки и хорошенько встряхиваю её.

У неё в глазах появляется одновременно и страх, и дерзкий вызов.

— Мы едем домой, — медленно проговариваю каждое слово.

И не отпуская её руки, двигаюсь к машине.

Силой запикиваю в неё и пристегиваю ремень. Срываюсь на скорости с места.

Она ругается и несколько раз бьёт меня по плечу кулаками. Наплевать, хоть битой по голове, но туда ты не вернёшься.

— Останови машину! — кричит мне на ухо.

Резко ударяю по тормозам. Она отстегивает ремень и выбегает из машины в сторону клуба. Я настигаю её очень быстро. Обхватываю двумя руками и прижимаю к себе

— На каблуках далеко ты не убежишь, — хриплю на ухо.

Вся эта ситуация жутко заводит. Она брыкается и царапается, при этом трётся своей милой попкой об меня, возбуждая до скрежета зубов. Я сейчас похож на маньяка.

— Пусти!

Я разворачиваю её к себе и снова сжимаю её руки.

— Ты поедешь со мной!

— Зачем? Слушать, как ты спишь в соседней комнате?

— Можешь спать рядом. Я не против.

— Я против! Я не сплю с чужими женихами!

— Какими женихами? — кричу на неё.

— Такими! В зеркало посмотри! — тоже срывается на крик. — Ты на другой женишься, и мне жить, как я хочу, не даёшь.

— Ни на ком я не женюсь! Я отметил свадьбу в день отъезда сюда, поэтому и опоздал, — встряхиваю её.

Она смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Почему? — произносит тихо.

— Потому что не люблю её. Нечего было сразу эту женитьбу затевать. Знал, что не смогу с ней жить. Тянул до последнего, ждал чего-то. И дождался. Тебя... Не задумываясь, отменил всё. Поэтому отец звонил сто раз, пытался меня на "путь истинный" поставить. Ему гарантии партнёрства нужны, а не моё счастье. Ему на меня похрен.

— Если бы ему было на тебя плевать, он бы не орал на меня после той ситуации с тобой, — шепчет и всхлипывает.

— Это единственный раз, когда я поверил, что для него что-то значу. Дочки у него хорошие и послушные, а я — неблагодарный оболтус.

Она высвобождает руки и направляется к машине:

— Поехали домой...

Сэл снимает туфли и с ногами залезает на кресло, вжавшись в него.

Я такой её впервые вижу.

Вру — видел.

Первый раз у неё дома, она была точно такой же — маленькой и ранимой девочкой.

Пытаюсь взять её за руку, но она убирает её.

— Сэл, прости меня! Надо было сразу тебе сказать, но я не знал, как ты на меня отреагируешь. Может от злости, голову мне оторвешь, — хочу пошутить.

— Надо было... — бубнит в ответ.

***

В спальне она сгребает все платья с кровати на пол и ложится, свернувшись калачиком:

— Уходи. Мне надо подумать...

— Спокойной ночи...

Сам принял душ и лёг спать, перед этим отправив Мишке сообщение, что мы дома.

На душе и легко, и тяжело одновременно. Легко — от того, что рассказал правду, а тяжело, потому что не представляю, что делать дальше.

Как вести себя с ней? Быть наглым и напористым уже не получится. А сидеть и молчать я не хочу.

Господи, помоги мне всё разрулить.

Я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от ощущения присутствия кого-то в комнате.

— Твою мать! — хватаюсь за сердце.

У кровати стоит Сэл и смотрит, как я сплю. С длинными распущенными волосами она была похожа на привидение из фильма "Звонок".

Я приподнимаюсь на подушки.

— Сэл? Что-то случилось?

— Тшц, — прикладывает палец к губам.

Потом медленно стягивает с меня одеяло. Встаёт на кровать на четвереньки и ползёт в мою сторону. Её руки скользят по моим ногам. Кожу обоживает как огнём от горячих ладоней. Она продолжает путешествие по моему телу, остановившись на груди. Облизывает каждый сосок и слегка прикусывает. Голова мгновенно начинает кружиться, а по телу пробегает дрожь.

Нежно и легко целует в шею, а у меня чуть сердце не выскакивает из груди.

Она медленно спускается по моему торсу вниз, оставляя на коже горящие отметины поцелуи.

Мои боксеры улетают в неизвестном направлении.

Целует каждый сантиметр под ними, не касаясь самого главного. И не надо. Я взорвусь.

— Сэл, не надо...

Она хихикает и облизывает головку члена. А потом берёт в рот.

Фак! Меня как молнией ударяет. Руки судорожно сжимают простынь, ткань трещит.

А она продолжает ласкать руками, губами, языком, доводя меня до сумасшествия.

Мой стон оглушает, не скрывая удовольствия. Подаюсь вперёд, когда она заглывает или слегка прикусывает плоть.

Водит шаловливыми пальчиками, пока я не кончаю ей прямо на лицо. Сэл проводит пальцем по каплям спермы, собирая их, и облизывает его.

Развратная...

Усаживается на мои ноги, расстёгивает и медленно снимает с себя платье через голову. Под ним ничего нет.

Ты так на вечеринку ходила? Совсем страх потеряла?!

В висках стучит кровь. Меня снова захлестывает ревность.

Я сажусь, запускаю руку в её волосы и давя на затылок заставляю приблизиться ко мне. С жадностью впиваюсь в её губы. Такие пухлые и желанные. Слегка прикусываю нижнюю, а потом обвожу языком. Сэл стонет и приоткрывает рот. Спасибо за приглашение!

Я, не задумываясь, углубляя свой поцелуй, запускаю язык в её сладкий и горячий ротик.

Как же это круто!

Все, кто был до неё, всего лишь — жалкие бесчувственный куклы. Только она способна дать мне то, что я хочу. И я беру. Беру по полной, наслаждаясь каждой её клеточкой.

Губами впиваюсь в её сосок, терзая его. Руки сжимают попу. Она выгибается и громко стонет. Да, я хочу слышать только эти стоны и чем громче, тем лучше.

Рукой приподнимаю ее немного и вхожу в лоно. Она вскрикивает и откидывается назад, становится почти в мостик.

Одной рукой помогаю ей двигаться со мной в одном ритме, вторая тянется к её шее. Я сдавливаю, но не сильно. Сэл ноготками впивается мне в бедра и издаёт приглушённый хрип.

С губ слетает звериный рык. Нет здесь хомячков. Ты будишь во мне льва.

В мгновение она оказывается подо мной. Я хочу видеть, как она кончает, как закатывает в этот момент глаза и стонет.

Мои движения грубые и глубокие. Но она кайфует тот них. Просит продолжать и не останавливаться. О, да! Кошечка хочет своего котика. Я только ускоряю свой темп, чувствую, что вот-вот оргазм и эякуляция.

Сэл громко вскрикивает и начинает отталкивать. Её тело судорожно трясется, а влагалище быстро и сильно сжимается. Я прижимаю её бёдрами к кровати. Немного спустя в моей голове что-то взрывается, разлетаясь миллионом звёзд перед глазами. Я истекаю в неё.

Какое-то время мы лежим так, сплетаясь друг с другом. Я покрываю поцелуями её мокрое тело. Она не издаёт ни звука.

— Сэл? — тихо зову её.

Ноль реакции.

Мать твою! Она в отключке.

Глава 11

— Ты опять полуголый расхаживаешь по дому, — упрекаю Алекса, который хозяйничает на моей кухне.

— Я думал, этот конфликт исчерпан, — нагло улыбается, притягивая меня к себе.

— Это не конфликт, это просьба, — уворачивается от его поцелуя.

Он хмурится и слегка встряхивает меня в своих руках.

— Не смей!

— Уже и пошутить нельзя? — обхватываю руками его лицо и вызывающе смотрю в глаза.

— Мне не нравится эта шутка. Я слишком долго был без тебя, от ревности вчера чуть с ума не сошел.

— Мэг была права — ты сломаешься...

— Стоп! — глядит мне как будто прямо в душу. — Вы это подстроили? Ты обвела меня вокруг пальца!

Я виновато сжимаю губы и дергаю плечами.

— Она моя подруга и я с ней иногда делюсь своими личными проблемами. Обсудив, мы решили вывести тебя на чистую воду. А как ещё это сделать? Правильно — ревность. Только так у мужчин развязывается язык, — вырисовываю пальцем на обнаженной груди Алекса круги.

— В который раз убеждаюсь, что все женщины стервы.

— А тебе досталась самая стервозная, — обнимаю его за пояс.

— Но самая любимая, — легко касается поцелуем моих губ. — Обещай, что больше не сбежишь от меня и никогда не забудешь о том, что я тебя люблю.

— Обещаю. Забыть тебя невозможно, я пробовала, поверь мне. У меня не получилось... А ты обещай, что будешь одеваться полностью, а не соблазнять меня своими шестью кубиками, — щипаю его за живот. — Иначе я за себя не ручаюсь.

— Я после сегодняшней ночи уже боюсь к тебе приставать. Вдруг ты опять сознание потеряешь. Это вообще нормально?

Я прыскаю от смеха.

— Вполне. Иногда от переизбытка эмоций и перевозбуждения девушки отключаются.

— Ты меня испугала. Второй раз за неделю вырубается при мне.

— Ну, что поделаешь, если я от тебя голову теряю, — треплю его по щеке. — Так ты собираешься кормить меня завтраком?

— Собираюсь.

Он быстро накрывает на стол.

— А где омлет? — когда вижу на своей тарелке яичницу.

— Какой омлет?

— Обычный. Из двух яиц и половины стакана молока.

— Ты не ешь омлет, я помню.

— Ты ошибаешься. Я ем.

Алекс недовольно щурит глаза.

— Просто со временем у людей меняются вкусы. Это как с оливками, — виновато.

— Ешь! Забыл тебе сказать, что утром в понедельник тебе нужно быть в студии, чтобы

что-то там переснять.

— Я знаю. Они мне тоже звонили.

— Чем займёмся на выходных, кроме того, что будем наверстывать упущенное время? — с озорным блеском к глазам дёргает бровями Алекс.

— Есть идея, — решаю воплотить давнюю мечту. — Только не забудь прихватить с собой костюм.

— Зачем?

— Потому что в джинсах туда не пускают.

***

Через три часа мы летим в моём самолёте в Париж.

Заселяемся в отель с самым лучшим видом на Эйфелеву башню.

— Почему Париж? — берёт меня за руку Алекс, когда мы вечером медленно идём по улице в сторону бутика.

Костюм он всё же забыл дома.

— Давняя мечта приехать сюда с любимым мужчиной.

— Ты раньше этого не делала? Со мной-то точно.

— В период влюбленности как-то не получалось. Я много раз здесь была, начиная с десяти лет, но... это другое. Париж ведь город любви и романтики...

— Я в первый раз приехал в Париж лет в восемнадцать. Моя первая самостоятельная поездка в Европу. Мы устроили маленькое турне с двумя моими друзьями. Париж — Рим — Амстердам — Берлин — Мадрид — Ибица. Было круто.

— Подозреваю, что самым крутым был Амстердам, — нахмуриваюсь с осуждением.

— Я его почти не помню, — смеётся. — Был молодым и дурным, что ты от меня хочешь?! — разводит руками.

— А что изменилось за эти годы?! — подкалываю его.

Он мягко толкается своим боком о мой.

В бутике выбираем для Алекса костюм. Благо у него хорошая фигура, даже подгонять ничего не надо, сел как влитой.

— Шикарно! — оцениваю его.

— Вышла бы за такого замуж? — бросает взгляд исподлобья, застёгивая пуговицы.

— Не знаю. Теперь на роль мужа я буду тщательно фильтровать кандидатуры, — остро.

Алекс меняет добрый взгляд на недовольный.

— Считай, отбор закончен.

— Это предложение?

— Это предупреждение!

Его слова вызывают у меня смех.

Я расправляю лацканы его пиджака, разглаживаю и без того ровную ткань и целую в губы.

— За тобой хоть на край света, любимый, — шепотом так, чтоб услышал только он.

И без того вокруг собрались все сотрудники магазина.

И пусть они наверняка не понимают по-русски, всё же эти слова должен слышать только Алекс. Они предназначены ему.

Я прекрасно понимаю, что скрыть наши отношения не получится, слишком часто мы вместе мелькаем на людях и в прессе уже появились статьи с фотографиями и предположениями воссоединения, но очень хочется оградить его от всей этой желтухи. Если

раньше его фанатки накидывались на меня, то теперь рвать будут его.

Но и жить за семью замками я не хочу. Всё время находиться в страхе, что нас где-то увидят или снимут вместе. Поклонников нашей пары тоже в своё время было немало, как и адекватных людей, которым откровенно пофиг на чужую личную жизнь.

***

Романтический ужин на Эйфелевой башне с прекрасным видом на ночной город. Внизу мелькают фары проезжающих мимо машин, а сверху спокойствие и умиротворение.

— Так вот какой у тебя был сюрприз, — растягивает улыбку Алекс, когда мы садимся за столик, и нам приносят заказ.

— Да. Наконец-то я нашла причину поужинать здесь.

— Похоже, я тебя уже не переплюну.

— Брось! В мире очень много интересных мест, — кладу свою руку на его ладонь.

Он сплетает наши пальцы в замок. И я таю от такой близости.

— Какие, например? Что бы тебе хотелось посетить? — отвлекает.

— Например... — задумываюсь. — Качели конца света в Эквадоре.

— Нет! — отрезает Гроу. — Я слышал про них, как и о дороге смерти.

— О, её я бы тоже посетила.

— Любишь щекотать себе нервы? Это опасно!

— Жить вообще опасно. Ты не знаешь, что тебя ждёт через минуту. Может, ты сейчас подавишься и всё.

Алекс отодвигает тарелку.

— Я шучу! — провожу ноготками по ладони.

Его зрачки расширяются, а в глазах загораются знакомые искры.

Э, нет, парень! Ты съешь этого чертового лобстера и только тогда мы отправимся в отель.

Насаживаю кусочек на вилку и заставляю его открыть рот. Алекс, улыбаясь, неспешно прожевывает еду.

Дальше мы разговариваем о том, что в нашей жизни произошло за последние пять лет, которые мы не виделись.

Я следила за его работой, и порой мне совершенно не нравилось то, что он делал, но все проходят подобные периоды.

У меня сейчас в музыке застой, почти год я не выпускаю ничего нового. После высших наград приходит расслабление и желание ничего не делать, ты же уже и так получил желаемое.

А Алексу есть ещё куда стремиться. И если я смогу ему помочь, то приложу для этого все усилия. Пусть он и против.

Вернувшись из ресторана, ночь проводим так, что засыпаем только под утро. Я с трудом дышу, а ноги плохо слушаются даже днём. При одной мысли, что происходило в постели, тело начинает трепетать и гореть огнем.

Как я жила столько лет без этого? Без любви... Без Алекса.

Жизнь ли это была?

Существование...

Сейчас, не смотря на любовный туман в голове, мысли, как никогда, чистые и лёгкие. Я вижу всё совсем с другой стороны, и она не так плоха, как мне казалось.

Я не хочу больше существовать... Я жить хочу.

Утро понедельника и мы на киностудии.

Я мог остаться дома, теперь я доверяю Сэл и знаю, что не наделает глупостей, но воспользоваться её предложением, попасть на съёмочную площадку исторического фильма не мог.

Всегда была интересна внутренняя кухня таких съёмок, как это у киношников, а не клипмейкеров происходит. Разные же совершенно направления, пусть и пересекаются в основе.

Съёмки проходят в огромном павильоне, большая часть которого была занята огромным хромокеем, не меньше ста метров, а то и больше.

Им нужно переснять сцену с падением со скалы.

Сэл пару часов проводит в гримёрке, где из неё создают богиню или ведьму. Но красивую, зараза, ведьму. Недаром главный герой в неё влюбляется.

История о викингах и кельтских богах. Я так и не разобрался в чем сюжет, хоть Сельванна и пыталась мне объяснить. Подожду до выхода фильма.

Я просто сижу и наблюдаю за ней в зеркало, пока любимой наводят красоту.

Я бы в такую тоже влюбился в то время. В любое бы влюбился...

Потом её подвешивают на страховочных тросах над "пропастью", где она изображает страх и нежелание упасть. Дурачится и раскачивается на этих страховках.

Режиссер просит сделать ещё один запасной дубль, когда у меня звонит телефон. Я отвлекаюсь всего на пару минут.

Вдруг сзади раздаётся мощный шлепок об маты, а следом скрежет и удар металла о пол.

Я поворачиваюсь и внутри от увиденного просто всё сковывает льдом.

На полу лежит распростертая Сэл, а сверху над ней железный кран, к которому крепились страховка.

От ужаса у меня останавливается сердце, но я рвусь к ней, что есть мочи.

Рабочие уже снимают с неё эту гребанную железяку. Я помогаю. Подскакиваю к ней. Первое желание — взять и унести её с этого кошмарного места. Но меня кто-то хватает за руки и говорит:

— Нельзя! У неё может быть сломан позвоночник, до приезда врачей трогать не положено.

— Тогда вызывайте! — отчаянно кричу на него.

Внутри всё сжимается от безысходности. Перелом позвоночника... Я знаю, что это. Пусть у меня была лишь трещина после аварии, и то сейчас без постоянных физических нагрузок я буду мучиться болями в спине, как Стаська, которая из спортзала не вылезает просто.

К уху Сэл стекает тонкая струйка крови. Я провожу рукой по её голове. Чуть выше лба в волосах небольшое рассечение, ударило краем конструкции.

Минут через пять приезжает скорая. Сэл грузят и увозят в больницу. Мне с ней не разрешают поехать, говорят только название госпиталя.

Я мчусь туда сам. По пути звоню Мишке, он приезжает в больницу уже спустя пять минут после меня.

— Что говорят? — озабоченно спрашивает, переводя дыхание, похоже, бежал.

— Ничего. Закрытая черепно-мозговая. Других внешних повреждений нет. Маты смягчили удар. Сейчас её врачи осматривают.

— Может и ничего страшного, — пытается меня успокоить.

— Может быть, но пока не скажут точно, как-то не легче... — прячу лицо за руками.

Страшно... Очень страшно...

Мы ждём почти два часа, прежде чем к нам выходит доктор.

— Как она? — кидаемся я к нему.

— Черепно-мозговая травма. Кости целы, у неё крепкий скелет. Рана на голове тоже не глубокая, наложили четыре шва. Но всё равно существует опасность распространения отёка мозга из-за внутренней гематомы. Мы хотим ввести её в медикаментозную кому. Для этого нужно согласие близких родственников. Мы связались с мужем.

— Каким ещё мужем? — рявкаю я. — Она в разводе.

— В документах указан контактным лицом он, — с металлическими нотками в голосе проговаривает врач.

— Каких документах?

— Успокойся, Алекс! — хватает меня за плечо Мишка и сильно надавливает. — Медицинская страховка, там указывают человека, кому первому в случае необходимости нужно позвонить и если он является близким родственником, то и решения принимает он. Обычная процедура. Она забыла поменять имя.

— Он ей больше никто! — хриплю я чужим голосом.

— У них предписания и они им следуют.

— Кто тогда будет решать этот вопрос? — смотрит на нас доктор.

— Я! — заявляю ему.

— Ты не можешь, Алекс. Формально ты никто, — не соглашается Мишка.

Я смотрю на него как на врага.

С какого, блядь, я никто!

— Я позвоню Стасе и всё расскажу, попрошу прилететь.

— Кто это? — спрашивает доктор.

— Её сестра.

— Сестра — отлично. Но у вас не очень много времени. Максимум двенадцать часов.

— Хорошо...

Мишка уходит звонить Стаске и заодно поднять на крыло самолёт, чтобы её привезти.

Через полчаса в коридоре нарисовывается Рон.

— Какого хрена ты припёрся? — огрызаюсь на него.

— Мне позвонили из администрации больницы, я приехал.

— Не сильно торопился.

— Я был за городом. Как она?

— Хреново. Врачи хотят в искусственную кому ввести, нужно разрешение родственников.

— Я как раз здесь за этим.

— Ты ей больше не муж! — с кулаками на него.

— Алекс! Угомонись! Ты понимаешь, что от него зависит её жизнь? — прикрикивает на меня вернувшийся Мишка.

— А если бы у неё никого из родных не было?

— Это бы решали тогда другие органы и врачебный консилиум.

— Вот и пусть его собирают.

— У неё есть родственники!

— Так что будем ждать, когда отёк пойдет дальше или я подпишу бумаги? — интересуется с превосходством Рон.

Знает гад, что только он может быстро решить проблему.

— Подписывай! — пилю его ненавидящим взглядом.

К вечеру на Сэл страшно смотреть. Бледная, будто обескровленная, она лежит неподвижно на кровати вся в трубках и проводах. Рядом что-то гудит и пищит.

Почему все эти приборы не сделать бесшумными? Они же только мешают!

Я всю ночь провожу у её постели, наплевав на слова врачей и медсестёр, которые говорят, что она сама не проснётся. Просто сижу и смотрю на неё со слезами на глазах.

Господи, не такой помощи я у тебя просил... Совсем не такой...

Утром в больницу приехала Стаська и выгнала меня домой. Но и там я не мог найти себе место.

Всё время тянет в больницу, туда, где весь смысл моей жизни.

Я тупо брожу из комнаты в комнату. Рассматриваю вещи в спальне Сэл. Трогаю каждое платье в её шкафу.

А если она больше их никогда не наденет?

Эта мысль приводит меня в ещё больший ужас.

Я не могу её потерять сейчас... Не хочу! Мы только всё вернули.

Так длится неделя. Потом доктора оповещают, что опасность миновала, и начинают постепенный вывод её из сна.

С души камень упал. Нет. Огромный валун, который все эти дни давил на меня.

Это постепенный процесс и занял он пару дней.

В последний мне, как на зло нужно было отлучиться на студию для записи.

К Сэл всё равно никого не подпускаю пока. А мне надо отвлечься. И я уезжаю. Может быть, и не сделал бы этого, но Мишка и Стаська настаивают.

К концу дня приходит сообщение от младшей Селивановой:

" Она пришла в себя!"

Сидеть на студии дальше нет смысла, всё сделано, и я молнией в больницу. Да и не могу я после этого спокойно работать.

Мишка встречает в больничном коридоре.

— Всё нормально? — набрасываюсь с вопросами на него.

— Нормально, — проговаривает как-то сдавленно.

По глазам видно, что что-то не так.

В палату.

Сэл сидит в кровати и о чём-то разговаривает со Стаськой, на которой нет лица. Но я не сразу это замечаю, а бросаюсь к любимой с поцелуем.

Она вцепляется в мою рубашку и отталкивает от себя.

— Какого хрена ты тут делаешь, Гроу? — смотрит с отвращением в глаза.

Глава 13

— В смысле, какого хрена? — не понимаю её вопроса.

— Алекс, пойдём! — тянет меня за плечи Стаська. — Она тебя не помнит, — тихо произносит, когда мы выходим из палаты.

— Как не помнит? — бросаю взгляд на дверь.

— Вот так! Мишу тоже. Вернее, тебя она не помнит, как своего парня. Последние десять лет стёрлись из её памяти. Врачи сказали — это временно и память вернётся. Нужно немного подождать.

— Во-о-бще ничего?

— Вообще... Она спросила у меня, как дела у папы и мамы, — закрывает лицо рукой. — Очень редко такой большой временной кусок выпадает из памяти, обычно недели или месяцы.

— Я думал, что такое только в кино бывает, — прикладываюсь лбом к холодной стене.

От новости меня бросило в жар.

— Я тоже... С завтрашнего дня с ней проведут все необходимые тесты, будут работать психологи и психиатры. Если понадобится, назначат лекарства. Миша подключит лучших специалистов. Она вспомнит, Алекс, обязательно... — легко касается моего плеча. — Я буду рядом, пока она проходит терапию.

— Спасибо! — прислоняюсь к стене и откидываю голову, несколько раз несильно ей стучу. — А дети?

— Лёльку привезу сюда, а у Арса ещё неделя до каникул, хотя родители Антона его вряд ли отпустят, но я попробую их убедить. Думаю, ей будет полезно пообщаться с племянниками.

В палату заходит медсестра и делает Сэл укол.

Я перехватываю её на выходе.

— Что это?

— Успокоительное, — смотрит на мою руку, которой я сжимаю ей локоть. — Доктор Гранд назначил. Не верите — спросите у него.

— Она и так неделю спала, этого мало?

— У неё ретроградная амнезия, каждая информация — сильный стресс.

— Сказали же, что это временно.

— По-всякому бывает... — пожимает она плечами и дергает рукой. — Мне нужно идти работать.

Я отпускаю. Захожу в палату.

— Алекс, она спит. Да и не нужно тебе пока к ней приходить, — Стася пытается убедить меня уйти. — Я так думаю... — запинаясь, увидев мой грозный взгляд. — Не смотри на меня так! Ты бы хотел увидеть постороннего человека рядом с собой?

— Я их постоянно вижу.

— Но они не представляются твоими парнями.

— Я на минуту, — закрываю дверь изнутри.

Сэл спокойно спит. Бледности на лице больше нет. Наоборот, на щеках проступает слабый румянец.

Я подхожу и нежно глажу её по руке.

— Даже если ты меня не вспомнишь, я завоюю тебя снова, — обещаю скорее сам себе.
Прикасаюсь её губ лёгким поцелуем и выхожу из палаты.

***

— Алекс, уже всё остыло, — выводит меня из ступора Стася.

Я ковыряюсь вилкой в тарелке с ужином, глядя в стену напротив.

— Извини, я не голоден, — отодвигаю еду.

— Так нельзя! У тебя должны быть силы и крепкие нервы, чтобы всё это выдержать. И спать нужно. Думаешь, я не знаю, что ты по ночам интернет мониторишь? Что ты там ищешь?

— Информацию... Сначала о травмах, отёках мозга. Теперь об амнезии.

— И что она тебе даст?

— Я хочу знать, как быстрее вернуть ей память!

— Время само это сделает, — поднимается из-за стола и забирает тарелки.

— Иногда шоковые ситуации ускоряют процесс. Я звонил жене Ника. Она психотерапевт. Алиса как врач против, конечно, такого, но говорит, что подобная терапия часто помогает. А ещё сказала, что амнезия сейчас неплохо лечится гипнозом.

— Даже не вздумай придумать что-нибудь, чтобы это сделать! — грозит мне. — Для неё сейчас всё будет шок. Я не представляю, как мне ей про родителей рассказать, а ты соображаешь, сидишь. У неё треть жизни выпала из сознания. Последнее, что помнит — майские каникулы с Роном. Она на меня посмотрела, как на чужую, пока не поняла, кто я. Мишку вообще не узнала.

— Меня она всё равно должна помнить.

— Да, только тогда у вас ничего не было, — напоминает мне. — Ты был просто настойчивым поклонником. Наберись терпения! Оно тебе понадобится. Не нужно её пугать своей прямолинейностью и напором. Нагнуть её не получится, ты же знаешь.

— Знаю, — тру рукой лоб. — А как же её работа? У неё там контракт какой-то в Нью-Йорке, открытие магазинов, компания, в конце концов.

— Мишка займётся этим. В фирме уже и так всё подготовлено к её отъезду, есть временный управляющий. Всё равно до выздоровления она не сможет вернуться к ней.

— Надеюсь, это случится скоро.

— Я тоже...

Стася.

— Доброе утро! — улыбаюсь, как можно шире, входя в палату Аньки.

— Привет! — смотрит в мою сторону и тоже улыбается.

— Как у тебя дела? — достаю из сумки три апельсина и кладу на столик рядом с её кроватью. — В Британии принято виноград больным приносить, но я по привычке. По-нашему...

— Нормально. Спасибо! Кстати, почему я в Лондоне? Я переехала к Рону?

— Не совсем... Ты переехала по работе...

Она удивлённо вскидывает бровь.

— Ты подписала контракт с музыкальным лейблом.

— Я певица?

— Да. И не только... Ещё ты известная актриса, модель, блогер, продюсер и бизнес леди.

— Врешь? — прищуривается недоверчиво.

— Чистая правда. Как врачи разрешат тебе пользоваться телефоном или планшетом, сама увидишь.

— Ещё скажи, что у меня Оскар, — смеётся.

— Два.

— Охренеть! — закатывает глаза. — Кстати, почему Гроу здесь?

— Он... твой парень, — выпаливаю я.

Анька от удивления открывает рот.

— Мой? Шутишь? Он же озабоченный, похотливый пизик! Я не могла связаться с таким.

— Это был твой выбор. Ты сама сделала первый шаг.

— Вы меня проверяли у психиатра? В здравом уме и светлой памяти я бы такое не сотворила.

— Алекс хороший. Ты это поймёшь. Со временем...

— Я даже не собираюсь этого делать! — возмущается.

— Тебе придется. Он почти родственник.

— Если я сдуру приняла его предложение, то забудь! Это ещё не родственник.

— Он крестный моей дочери Оли.

Анькино лицо становится каменным.

— Похоже, я действительно долго спала. Сколько ей и кто отец?

— Ей только-только исполнилось шесть. Отец — Антон.

— Звезда в шоке. Надеюсь, я так могу говорить?!

— Ещё у нас сын. Ему восемь.

— Стаська, ты рехнулась?! Как родители позволили тебе родить в семнадцать? — возмущённо.

— У него другая мать. Ань, ты только не нервничай. Ладно? — присаживаюсь на её кровать.

— После этих слов в кино всегда дерьмо случается, — бурчит она.

Беру в свои её руки. Холодные...

— Мамы и папы больше нет... Они погибли десять лет назад в аварии. Чуть больше недели назад была годовщина.

Анька бледнеет, а в глазах появляются слёзы.

— Нет! Ты врёшь? — надломленным голосом.

Это больно... И шокирующе...

Я отрицательно качаю головой. Мои глаза тоже начинают застилать слёзы. Я обнимаю сестрёнку и прижимаю к себе.

Мы ревём очень долго.

Не хотела бы быть на месте Аньки. Пережить такое дважды — это кошмар.

Я отлично помню, как она, вот так же в больнице, рассказывала мне о смерти родителей. И как всё внутри разрывалось от противоречий.

Боль не проходит, она притупляется. Я до сих пор по ночам вижу ужасные сны о том дне. В памяти всплывают обрывки. Каждый раз просыпаюсь в холодном поту.

Так и не научилась водить машину, боюсь до дрожи садиться за руль. Не разрешаю Антону пить, если предстоит куда-то ехать или езжу только с водителем.

Тело напоминает болью о пережитом. Иногда очень сильной, такой, что дышать тяжело.

Но я жива, а их нет...

И сейчас мы заново переживаем эту потерю.

Я спускаюсь сверху, когда Сэл, Стася и Мишка заходят в квартиру. Застываю на лестнице.

Я не видел её почти две недели, пока не выписали.

Это пытка.

Сердце гулко забилося, ударяя по ребрам. Дыхание становится глубоким и редким. В животе стягивается узел.

Сельванна робко проходит в гостиную и осматривается вокруг.

— Это моя квартира? — глядит на Мишку.

— Она принадлежит твоей компании.

— Понятно...

Подходит к столу и проводит по нему рукой. Потом к окну.

— Потрясный вид.

— Поэтому ты её и купила, — замечает Миша.

Я делаю несколько шагов по ступенькам. Сэл поворачивается на звук.

— Что он здесь делает? — упирается в меня ненавидящим взглядом.

— Он здесь живёт. И будет продолжать это делать, — твёрдо говорит Стасья, заступившись за меня.

— Это лишнее!

— Я могу съехать. Но из своей жизни ты меня не выкинешь, — говорю с уверенностью.

— Нет! Ты останешься здесь и точка! — решительно отвечает Стася. — И это больше не обсуждается.

— Где моя комната?

— Первая слева, — показываю рукой наверх.

Сэл поднимается по лестнице. Когда мы равняемся, смотрит на меня холодно и с презрением.

— Наберись терпения, — успокаивает Стася, когда я спускаюсь и сажусь в кресло.

— Она так смотрит, будто я чудовище.

— Для неё каждый день — это открытие. Видел бы ты, как она о себе новости читала. Глаза были словно блюдца. Хорошо, всё сейчас можно в интернете найти. Но там и лжи предостаточно.

— Я поеду... У меня работы куча. До завтра! — прощается Мишка и опускает чемодан, который держал всё время.

Я провожаю его до двери.

— Крепись, мужик! — хлопает меня по плечу перед уходом. — Сложно, но можно...

— Спасибо! У меня всё равно нет другого выхода.

Я снова поднимаюсь наверх. Комната Сэл открыта. Она стоит у шкафа и перебирает свою одежду. Встаю рядом и облакачиваюсь на дверцу.

— Это моё любимое, — указываю на белое винтажное кружевное платье.

Она хранит его все эти годы.

— Это? Ужас! — выкидывает на пол. — Что ещё из моего гардероба тебе нравилось? Наверняка бельё. Какое? Чёрное, красное, кружевное? — открывает ящики по очереди, пока не находит нужный. — Наверное, такое? — достаёт и разворачивает лайкровые трусики. —

Не в моём вкусе, я такое терпеть не могу, а значит, угождала тебе.

Выгребает всё из ящика и выбрасывает.

Желание — схватить её и встряхнуть, как следует. А ещё больше поцеловать. Так, чтоб вспомнила сразу всё. Сжать в объятиях и любить, чтобы кричала.

Но я не мог этого сделать. Поэтому просто тихо ругаюсь и ухожу к себе в комнату, хлопнув дверью.

***

Уже за полночь, а я всё ещё торчу в интернете. Информации вагон, а толку мало. Я уже консультировался с несколькими нашими крутыми психиатрами по поводу диагноза Сэл, но они ничего нового не предлагают. Всё тоже, что и говорила Алиса.

У меня медленно едет крыша от происходящего. От своей беспомощности. Я ничем не могу помочь.

От чтения статьи на каком-то сайте отвлекает шум с первого этажа, как будто что-то упало. Убираю ноутбук и отправляюсь посмотреть. Звуки доносятся с кухни. Щёлкаю выключателем, который включает свет по фартуку.

— Не знал, что ты хомячишь по ночам, — ловлю Сэл за столом в темноте.

Она трескает котлеты.

— Соскучилась по домашней еде. Даже здесь в больницах кормят отвратительно. А Стаська вкусные котлеты готовит, как у бабушки, — бубнит с набитым ртом.

Наливаю ей чай.

— Подавишься, всухомятку есть, — ставлю перед ней чашку.

Она так странно на меня смотрит. Не знаю, что это — удивление или замешательство.

— Спасибо! Будешь? — протягивает тарелку.

Я беру одну и откусываю. Котлеты действительно очень вкусные и сочные, даже холодные.

Или это голод? Я в очередной раз отказался от ужина.

— Там ещё оливье есть, — кивает на холодильник.

— Утром ты на меня смотрела, как на врага, а сейчас предлагаешь разделить с тобой трапезу? — делаю ударение на последнем слове.

— Жалко тебя, помрёшь с голоду, сестра мне не простит такое. Ты же для неё РОДСТВЕННИК! Не понимаю, как я могла с тобой связаться?

— Влюбилась...

— Издеваешься?! Или ты мне какое-то любовное зелье подлил? Как в Гарри Поттере?

Смешно.

— Нет.

— Тогда я точно не в своём уме была! Не могла я так опуститься. Мы же разошлись полюбовно и тихо после той вечеринки. И больше не виделись.

— Мы начали общаться после твоего расставания с Роном.

— И даже ни разу не скандалили?

— Скандалили и не раз, — посмеиваюсь.

— Нормальная практика. Сколько мы встречались?

— Год. Хотели завести детей.

Она замирает на какое-то время.

— Враньё. Иначе бы я не вышла замуж за Рона. Кто накосячил из нас двоих?

— Это моя вина. Точнее не моя... но это сейчас не важно.

— Важно. Измена?

— Подстава с изменой. Меня усыпили и обставили всё так, чтобы ты поверила, что я переспал с другой.

— А ты этого не делал? — присматривается внимательно.

— Нет!

— Не верю! Горбатого могила исправит.

— Когда ты выходила замуж, ты тоже не думала, что он тебе изменять будет.

— Рон не мог. Он меня любит...

— Любил. Давно. И когда вы разошлись, он ушёл к любовнице. Он тебе целый год изменял, — проговариваю жёстко, ударяя каждым словом.

— Это неправда... — в её глазах появляются слёзы.

— Жестокая, но правда...

Она опять смотрит на меня, как на ничтожество, вытирая слезинки.

Я не сдерживаюсь и прижимаю Сэл к груди.

Я сделал ей больно, и эта боль теперь передаётся мне, разрывая душу в клочья.

— Пусти! — стучит кулачками мне по плечам, захлебываясь слезами.

Но не отпускаю, держу крепко. Нельзя отпускать, она сама так говорила. А я послушный парень, по крайней мере, с ней.

Постепенно Сэл перестаёт сопротивляться и просто плачет.

— Тшц, — глажу её по голове, как котёнка. — Не надо лить слёзы из-за какого морального уroda.

— Чем ты лучше? — всхлипывает.

— Ничем... Просто я тебя люблю.

Она отстраняется и вглядывается в меня внимательно, прожигая своими черными дырами.

— А я тебе нет, — толкает со всей силы и убегает к себе в комнату.

А кто тебе сказал, Алекс, что будет легко? С ней всегда было трудно. На каждое слово найдет своё "но".

Только от меня не убежишь. Где-то глубоко внутри неё под колпаком сидит та Сэл, которая знает и любит меня. И я помогу ей выбраться оттуда, чего бы мне это не стоило. Расшибусь в лепёшку, но разобью этот чёртов купол, который похоронил её память.

— Алекс, ты чего не спишь? — отрывает меня от мыслей голос Стаси.

Она стоит сонная в пижаме посреди кухни. Бросает взгляд на стол, где остались тарелка и чашка после Сэл.

— Говорила же — иди есть. Теперь по ночам холодильник бомбишь...

— Пойдем спать, — слегка приобнимаю её за плечи и целую по-братски в висок.

Стаська шоркает ногами в тапочках по коридору и скрывается в своей комнате.

А я остаюсь стоять и смотреть на закрытую дверь в комнату Сельванны. Я знаю, она там плачет, но я не могу помочь. Ей нужно справиться с этим самой. Пройти через все эмоции, самые болезненные и неприятные. Обычно они являются триггерами к возвращению памяти.

Собирать свою жизнь по крупицам — тяжёлый труд. Особенно когда ты ничего не помнишь и не знаешь где правда, а где ложь.

Иногда в шоке от услышанного о себе.

Я прочитала и пересмотрела все свои интервью. Хорошо Миша хранит все издания, где про меня писали хоть слово. Изучила весь свой плейлист и фильмографию.

Складываю все события последних десяти лет, как картинку из пазла. Но много кусочков не хватает. Очень много. И я в целом не вижу всей картины. Изучать — это одно, вспомнить — другое. А моя память может меня легко обмануть, заменив реальное на вымысел.

Мы часами разговариваем со Стаськой. И я нашла общий язык с Мишей, он знает обо мне всё, даже то, о чём не в курсе сестра. И жена у него чудесная, жаль, что я не помню о том, что мы лучшие подруги.

Надо обязательно съездить в магазин детских товаров и купить их малышу что-нибудь в подарок.

Воспоминания возникают в голове, как вспышки. Но это просто какие-то лица, вещи, места, имена и названия. Секунда и они снова пропадают, оставляя ещё больше вопросов. Кто эти люди? Что это за места?

Голова раскалывается.

Я отчаянно пытаюсь припомнить хоть что-то, часто выходит, но этого мало.

Когда этот наглый громила обнял меня вчера, на какое-то мгновение показалось, что я знаю эти ощущения. Тепла, уюта и спокойствия. Какое-то родство...

Ещё и про любовь заговорил. Вот в кого я точно не могла влюбиться — так это в него. Для Гроу же девушки не дороже жевательной резинки. Как одноразовые шприцы. Ширнулся — получил кайф и в помойку. Я всерьёз его чувства никогда не принимала.

И не хрен ко мне приставать! Ищи другую подстилку! Желаящие всегда найдутся.

Кстати, что там про него в интернете пишут?

Забиваю в браузере поиск шизуку.

***

— Доброе утро! — плюхаюсь на удобный мягкий стул у накрытого для завтрака стола и поджимаю одну ногу к груди.

Алекс и Стаська сидят напротив.

— Ань! А нормально одеться было нельзя? — наезжает sister.

— Что не так? — осматриваю себя.

На мне короткие облегающие попу шорты и прикрывающая их свободная футболка. Обычный домашний наряд.

— С нами Алекс живёт, а ты полуголая расхаживаешь!

— Если Алекс был моим парнем, то он меня и в чём мать родила, видел, — нагло ухмыляюсь, глядя на него в упор. — Это мой дом — хожу, как хочу.

Гроу улыбается и опускает голову.

— Чем кормите? — смотрю на свою тарелку.

К горлу подступает тошнота.

— Что это?

— Омлет. Два яйца и полстакана молока. Как ты любишь, — произносит наглец с ухмылочкой.

— Смешно. Я такое не ем, — отодвигаю тарелку.

— Ешь, ещё как ешь. Обожаешь.

Я злобно фыркаю, беру яблоко и выхожу из-за стола.

Сами такое жрите!

***

— Ань, ну что ты бесишься? Я понимаю, что тебя, как и нас всех эта ситуация напрягает, — заговаривает со мной Стаська, когда я устраиваюсь на нижних ступенях лестницы.

— Ты права, sister, меня она очень напрягает. Это не вы нихрена не помните, а я. Ещё и этот своим присутствием выводит из себя, — кивок на входную дверь, за которой скрылся пять минут назад Алекс.

— Его не трогай! Я уже говорила, что он совсем не такой, как ты думаешь. Ты о нём ничего не знаешь... вернее не помнишь.

— Ну почему же? Алекс Гроу, в миру Алексей Алексеевич Громов, родился 7 июля 1992 года. Знак зодиака Рак. После окончания школы подписал контракт с продюсерским центром Владимира Хромова, в котором проработал шесть лет. Владелец нескольких десятков платиновых синглов, номинант и многократный победитель музыкальных премий и бла-бла-бла, — руками уточку. — Из последних новостей — бросил невесту накануне свадьбы, которая должна была состояться... — делаю вид, что задумываюсь. — Ах, да, позавчера.

— Из-за тебя, между прочим, бросил, — открывает секретную причину Стаська.

В интернете об этом нет ни слова.

— Я его не просила. Женился бы себе, нарожали спиногрызов и жили как все — скучно и обыденно.

— Если бы ты не приехала в Москву и не пустилась там во все тяжкие, шатаясь по клубам и стриптиз барам, то может быть и женился. Но ты же спокойно не можешь!

— Что я такого сделала, что он невестушке отставку дал?

— Да тебе и делать ничего не надо было. Достаточно на горизонте появиться, чтобы у него снова крышу снесло. Он с тобой, не задумываясь, в Лондон полетел. Потому что любит тебя до одурения. А ты... — не договаривает сестра.

Да и так понятно, что хотела сказать.

— Что ж ушел тогда?

— Чтобы подальше от тебя быть и не сорваться. Мишка его временно за себя в студии поставил, в этом он разбирается. У него своя в Москве. А сам в компании разруливает, пока тебя нет.

— У него, надеюсь, разрешение на работу есть?

— Не борзей! Всё у него есть. Как он концерты, по-твоему, даёт за границей? А натравишь на него миграционную службу — я тебя лично своими руками придушу, — шипит сестра.

— Ладно-ладно, — поднимаю руки в знак применения. — Не собираюсь я ничего ему делать. Сам сбежит.

— Кстати, послезавтра я поеду домой, чтобы привезти сюда Лёльку. Меня не будет три дня. Пообещай, что вы за это время тут друг друга не поубиваете?! — предупреждает

Стаська.

— Клянусь, не выходить из своей комнаты всё это время, — скрещиваю и показываю пальцы.

— Дура!

— Сама такая! — поднимаюсь вверх по лестнице к себе, но меня останавливает звонок в домофон.

Доставка цветов.

Курьер привез огромный букет пионов.

"С выздоровлением. Марк".

— А мой преданный поклонник всё ещё таким является? — спрашиваю у Стаси.

— Как видишь...

— У него до сих пор клуб?

— Три.

— Надо навестить, поблагодарить за цветы, — втягиваю сногшибательный аромат.

— Нет! Врачи тебе запретили.

— Врачи прописали позитивные эмоции, а что может быть лучше танцев, — направляюсь снова наверх, прижимая букет.

— Попрошу Алекса, чтобы глаз с тебя не сводил.

— Правильно, потрави ему душу. Хочешь пустить козла в огород?

— Он не козёл!

— Ой, ты меня поняла! — отмахиваюсь от неё.

Ставлю букет в вазу прямо на пол. Комната сразу наполняется запахом любимых цветов, кружащим голову.

Обожаю их с детства, в саду на Рублёвке растет не меньше сотни сортов этих душистых цветов.

А ещё садовник засаживал большие клумбы маргаритками. Их я тоже очень люблю.

Снова нюхаю цветы.

Пишу сообщение Марку с благодарностью. Он присылает в ответ сердечко.

Романтик, блин!

Интересно, он хоть раз попытался приблизиться ко мне?

Вряд ли... Всегда вызывал какое-то отторжение своими сексуальными предпочтениями. Со мной только был сдержанным. Я — исключение из правил, так он говорил. Но это ему не помогло. А принуждать Марк не желал, хотел, чтобы я сама пришла. Напрасно... Я больно не люблю.

Открываю Облако, чтобы просмотреть старые фотографии. Их тысячи. Мне и дня не хватит все изучить. На глаза попадает папка под названием "с Алексом". С минуту раздумываю открывать или нет. Но потом всё же кликаю на неё.

Листаю фото одно за другим. Доказательства того, что я была с ним. Здесь мы смеёмся, здесь обнимаемся, целуемся. В кино, в ресторане, селфи в зеркале какого-то туалета и лифта. Видео со студии, записываем что-то. Бесимся в бассейне. Танцуем на, чёрт знает, какой вечеринке. Катаемся на коньках и сноубордах. Плюстик в карму Гроу за умение владеть доской.

Мы действительно выглядим влюблёнными и счастливыми. Разве такое возможно? Что я в нём особенного нашла, если полюбила?

Заботливым быть он может — это факт. Чай налил, утешить пытался. Гладил так

нежно, что заурчать захотелось, как кошка. Но этого мало.

Нет, он и раньше был внимательным. Переживал всегда за меня. Помогал. Но этого было мало.

Придётся покопаться в нём поглубже.

Глава 16

— Вы меня так и будете всё время взаперти держать? — готова прибить взглядом Стаську за ужином. — Я на свежий воздух хочу!

— Тебе пока опасно выходить на улицу, — заявляет сестра.

— Мне и через неделю будет опасно. Я ж ни хрена не помню! В парк хотя бы можно выйти? Вот здесь недалеко есть симпатичный, из окна видела, — показываю вилкой направление. — Я даже согласна на конвой из этого громилы, — киваю на Алекса. — Сколько ты ростом, кстати?

— Метр девяносто, — спокойно отвечает он.

Понятно, почему я со своими метр семьдесят два на него снизу вверх смотрю. А я не такая уж и коротышка.

Они заговорщически переглядываются.

— Хорошо, ты пойдешь в компании Алекса, — соглашается сестра.

— Благодетели вы мои! Спасибо! — складываю ладони, как для молитвы и кланяюсь, ударив головой о стол. — Никогда не думала, что моей жизнью будет рулить младшая сестра. Обычно наоборот.

— Просто твоя сестра гораздо мудрее, — колет замечанием Алекс.

— Простите, дуру грешную, что позволяю себе жить, как хочется, — напевая церковным мотивом.

— Перестань паясничать! — стучит по столу Стаська.

А у неё характер. Материнский. Она по-любому своих в ежовых рукавицах держит. Я-то думала, что это я в мать пошла. А нет!

***

— За мной мой Цербер, — направляюсь к воротам парка, когда выходим из машины. — Или ты больше предпочитаешь — Пушок?

— Я предпочитаю кошек.

— Странно... А похож на кобеля, который трахает всё подряд: коврик, игрушку, подушку...

— Тебя... — язвит Алекс.

Подкол засчитан. Удар ниже пояса.

— Не напоминай. Я как подумаю об этом — в дрожь бросает.

— От желания? — нагло ухмыляется и засовывает руки в карманы спортивных брюк.

— От ужаса!

— Зря! Тебе нравилось, кисонька, — проговаривает почти у уха и урчит как кот. Потом обгоняет меня на несколько шагов.

А я застываю. Эта его "кисонька" и урчание показались до боли знакомыми.

— Ты чего? — останавливается и смотрит с беспокойством.

— Ничего... Просто показалось...

Он подходит вплотную ко мне. Даже на улице мне вдруг резко стало не хватать воздуха.

— Что показалось? В твоей ситуации любое "показалось" может быть воспоминанием, за которое можно зацепиться, — говорит серьезно, как доктор.

— То, что ты назвал меня кисой и это урчание. Они как будто знакомы...

Алекс легко сжимает мне плечи и глядит прямо в глаза.

— Я всегда тебя так называл.

— И урчал?

— И это тоже, — его глаза светятся каким-то ясным светом.

Он улыбается. По-доброму.

Тепло его рук передаётся и прокатывается волной по моему телу. Мне это нравится.

А потом бесит.

— Убери руки! — с шипением на него.

Он делает шаг назад и отпускает меня, выставляя руки вперёд.

Мы медленно идём по дорожке на расстоянии метра друг от друга.

Алекс вышагивает вальяжно, а я, уткнувшись взглядом в кончики своих кроссовок.

Несколько раз кто-то подходит с просьбой сфотографироваться. В эти моменты я смотрю на Гроу и жду его одобрения. Он кивает головой, и тогда соглашаюсь. Для меня непривычно такое внимание, точнее — для меня нынешней. Как себя вести в этой ситуации я не знаю, а он на этом собаку съел.

— Как мы начали встречаться? — нарушаю затянувшееся молчание, когда мы снова бредём по дорожке.

— Как всё... — пожимает плечами.

— Не поверю. Я тебе тогда в клубе чуть кадык не сломала. И ты так спокойно мне это простил? Нервы мотал полгода.

— Нет, — смеётся. — За это я отомстил, натравив на тебя своих поклонниц.

— Как?

— Поцеловал на сцене прямо вовремя концерта в зале на десять тысяч человек.

Я торможу и открываю рот от возмущения.

— Это подло!

— Знаю... За что и был наказан увесистой оплеухой от твоей щедрой ручки.

— Я молодец!

— Нифига! Именно тогда ты и ступила на эту скользкую дорожку. Я же ещё в первую встречу поставил цель добиться тебя. А тут сам Бог велел. С Роном у тебя не сложилось, и путь был свободен. Уговорил записать совместный трек, потом пригласил на свидание в Лос-Анджелесе.

— Я не согласилась? — предполагаю.

— Ну почему же? Согласилась... И это было самое лучшее свидание в нашей жизни. Особенно, когда мы проснулись утром вместе.

— Фу! Не могла я так быстро с тобой... Ну, ты понял! — морщит нос.

— Не волнуйся, не было ничего. Я два года был во френдзоне.

— Вот в это поверю.

— Но первая ты шаг сделала...

— Ты врешь!

— Ты болела, и я бы себе не позволил перейти эту грань. Но ты захотела сама.

— Вот же! Я была не в себе!

— Почти год потом тоже не контролировала себя? Я предложение собирался сделать, кольцо купил. А потом...

— Дальше я знаю, — прерываю его.

Алекс тяжело вздыхает. Груз всё ещё давит. Но если он здесь, значит, я его простила, пусть и через годы.

Мимо нас проезжает велосипедист, чуть не сбив меня. Гроу ловко притягивает меня к себе, чтобы избежать столкновения. Моя спина впечатывается в его сильный торс. Я чувствую каждую его мышцу, твердую, как камень. Рука лежит на моей талии. От его близости и запаха спирает дыхание. Тело покрывает гусиная кожа.

— Осторожно... — шепчет на ухо.

— Так можно и свою красивую шейку сломать... — продолжаю за него.

Почему я это сказала?

А потом ахаю...

Его губы касаются моей шеи. Тело трепещет. Внизу появляется тянущее и пульсирующее чувство.

Я до боли закусываю нижнюю губу и закрываю глаза. В своей голове я стою не посреди парка, а на лестнице в моей квартире.

— Алекс... — на выдохе его имя.

— Знаю, что хочешь сказать. Отвали... Но я просто хочу показать тебе, что память не только в глубинах сознания, — хрипит на ухо. — Тело тоже всё помнит, и его не обманешь. А вот ты обманула. Обещала не забывать, а сама забыла.

— Я не виновата...

— Но от этого не легче. Трудно привыкнуть к тому, что ты меня ненавидишь...

— Ты привыкнешь!

Сказала это и опять в памяти что-то скользит еле уловимое и знакомое. Поворот в руках Алекса к нему лицом. На его губах довольная улыбка.

— Что ты лыбишься? — ударяю кулаком по плечу.

Он даже бровью не повёл.

— Ничего...

— Тогда отпусти меня! Нас могут увидеть. Я, так понимаю, теперь не простой человек и мне публичные проявления чувств запрещены.

— Уже сумерки и здесь почти никого не осталось, — осматривается по сторонам. — Расслабься.

Алекс наклоняется и нежно касается губами моих губ. Поцелуй лёгкий, но в голове звенит.

Руки сами тянутся к его голове, и я запускаю пальцы в его волосы. Провожу от затылка к макушке. Он издаёт слабый стон и сильнее притягивает к себе.

Поцелуй становится настойчивее. Голова кружится, ноги подкашиваются. Контроль потерян напрочь. Руками ему под футболку и слегка царапаю по спине. Он вздрагивает, издаёт гортанный рык, хватает меня за хвост и тянет его вниз. Моя голова откидывается. Он снова завладевает моей шеей. Целует, слегка покусывает, снова целует.

Я горю в пламени его объятий. Так не должно быть!

Он последний с кем я хочу этого. Совсем недавно я сходила с ума совсем от другого мужчины. Так же теряла голову. И вдруг Алекс!

Цепляюсь руками в его футболку и надавливаю, как можно сильнее. Нужно оттолкнуть, освободиться из его объятий, не таять от этих головокружительных поцелуев.

— Пусти, пожалуйста, — упираюсь в его плечи и сиплю низким голосом.

Он неудовлетворенно рыкает и опускает руки.

Я отхожу на несколько шагов от него, а потом бегом по дорожке к выходу из парка.

Возле машины долго пытаюсь отдышаться и прийти в себя. Алекс не торопится за мной,

чему я благодарна. Думаю, ему тоже нужно время, чтобы собраться.

Как можно позволить себе так растечься от его поцелуев? Губы и шея до сих пор горят. Тру место, которого касались его губы. Я же не юная девица, которая от прикосновения к коленке теряет сознание. Я должна заставить контролировать себя. Не поддаваться на все его эти штучки.

А с другой стороны... Мозг ведь потерял жизненный опыт за десять лет.

— Поехали домой, — притрагивается невесомо моего плеча Алекс.

Но я всё равно подпрыгиваю от неожиданности.

Он абсолютно спокоен или мне так только кажется?

— Да, поехали... — сажусь в машину.

Погуляли, блин...

Глава 17

— Как прошла прогулка? — заходит в спальню Стаська и растягивается на моей кровати.

— Нормально, — веду безразлично плечами.

— А мне кажется, нет. Алекс пошёл напрямиком в душ.

— А что ещё делать мужику со спермотоксикозом, — достаю из шкафа белую шёлковую пижаму и кидаю рядом с сестрой.

— В смысле?

— Ой, Стась, ты ж не маленькая! Знаешь, как они решают проблемы неудовлетворённости.

Она хихикает.

— Блин! Я теперь на него без смеха смотреть не смогу.

— Даже не вздумай, — со злобой грожу ей пальцем. — Сам виноват. Нечего было лезть с поцелуями.

Сестра разевает рот. В глазах мелькает девичий интерес.

— И как это было?

— Никак!

— Не ври! Дерганная вся. Уже весь шкаф вещей перебрала.

Я действительно стою и снимаю с вешалки то одну, то другую вещь и возвращаю на место.

— Хорошо! Хочешь правду? Мне понравилось. А ещё когда он обнимал меня, я вспомнила, как это было раньше. Всего секунды пролетели в памяти.

— Это же круто! Значит, есть подвижки! Только как мне вас теперь одних тут оставлять?

— Да нормально всё будет. Запрусь от него в комнате. Надо ещё квартиру обыскать. Я девушка одинокая, наверняка где-то бейсбольная бита припрятана, — отшучиваюсь.

— Ань!

— Что? Я в парке от него с трудом отбрыкалась, а тут вдвоем на одной площади. Он же громила.

— Ты же сама сказала — тебе понравилось, — хитро улыбается.

— Но прыгать к нему в постель, как он мечтает, я не собираюсь. И пускать в свою спальню тоже.

— А я бы пустила, — игриво произносит Стаська. — Если бы на его месте был Антон, — поправляется, заметив мой недобрый взгляд. — Пойду я спать. Мне завтра вставать рано.

Стаська уходит, оставив меня одну со своими мыслями.

Она права. Остаться наедине с Алексом в одной квартире — это испытание. Испытание на стойкость. Я должна его выдержать и не сдаться.

Прихватив пижаму, иду в ванную.

В коридоре сталкиваюсь с Алексом.

— Долго моешься, — язвлю.

Он ничего не отвечает. Только окидывает бесстыжим взглядом голубых глаз. Останавливает его на пижаме.

— Мило. Обожаю шелк на твоём теле. Как новогодняя обёртка на подарке.

Сжимаю от злости зубы.

Он скабрёзно улыбается и скрывается за дверью своей комнаты.

Вот гад!

Долго стою под водой, пытаюсь смыть с себя всё произошедшее за этот вечер. Его объятия, прикосновения, поцелуи.

Хочется опять стукнуться головой и забыть всё вновь. Не хочу. Не хочу его любить!
Вообще никого не хочу.

Надеваю пижаму на голое тело.

Он прав.

Похожа на блестящую новогоднюю упаковку. Только я не подарок. Далеко не подарок...

***

— Привет, sister! — зевая во весь рот.

Ночью поспать, толком не вышло. Сны эротические замучили.

— Привет! — отвлекается Стаська, запихивая какие-то контейнеры в холодильник. —
Это обед и ужин. Разогреешь.

— Не надо было париться, поесть я могу и сама приготовить. В крайнем случае, заказать, — наливаю себе чай и стягиваю булочку со стола.

— Ты вроде намеревалась закрыться в комнате на время моего отсутствия, чтобы с Алексом не пересекаться.

— А где он, кстати?

— Уже уехал на студию, у него сегодня песня новая выходит, поэтому он на взводе.

— Было бы из-за чего нервничать. Фигня какая-нибудь, как его последний альбом. Как он стал платиновым, ума не приложу.

— Вообще-то это ваша совместная песня. И очень красивая, — просвещает сестрёнка.

Я аж давлюсь. Она хлопает меня по спине.

— Пообещай, что после моего отъезда ты будешь сидеть дома и никуда не сбежишь, — сводит, глядя на меня, брови.

— Обещаю. Я и не собиралась. Хочу просмотреть рабочие документы и фотографии. Если я один раз разобралась во всём этом, то и второй раз смогу.

— Вот и правильно! Глядишь, что-нибудь вспомнишь.

— Завтра пройду по магазинам, надо подготовиться к приезду племянников.

— Не надо ничего! Они уже большие. Арсу достаточно игровой приставки на все каникулы, а Лёльке пары кукол, которые мы захватим с собой.

— Кстати, о куклах. Моя коллекция в доме на Рублёвке?

— С чего бы это?! Ты её ещё четыре года назад в Лондон перевезла. Она в доме твоего мужа осталась.

— Вот как... — задумываюсь.

— Ты всё забрать хотела, но некогда было. Увезла только награды с премий.

— И где они? Здесь их нет. Я всё обшарила.

— В офисе стоят.

— Ах, вот оно что...

— Ты же здесь на время поселилась, поэтому и оставила их в кабинете.

— Нет ничего более постоянного, чем временное.

— Это точно, — соглашается со мной.

Надо нагрнуть в дом Рона и забрать своё.

Я обманула сестру, и сразу же после её отъезда спускаюсь на подземную парковку с ключами, которые нашла в прихожей.

Нажимаю на кнопку на брелке и мне подмигивает белая BMW i8.

— Какая красивая детка, — глажу железную зверюгу по капоту.

Внутри тоже всё, как я люблю: кожа, звук, встроенный компьютер.

Одна лишь проблема — я не помню адреса нашего с Роном дома.

— Надеюсь, ты мне поможешь, — обращаюсь к навигатору. — Домой.

Но эта дрянь показывает место, в котором я нахожусь.

— Ммм, поместье Мэдлтон, — делаю предположение, и гаджет тут же выстраивает маршрут. — Отлично!

Включив музыку погромче, рву с места, заревев двигателем.

Ехать пришлось не меньше часа даже без пробок. Оказывается, дом за городом.

Естественно... Рон всегда хотел растить своих отпрысков вне загазованного города.

Непонятно только почему я ему так и не родила.

Ах, да! Я ж за него назло Гроу вышла. Но мы прожили пять лет, а значит, смогли притереться. Стаська сказала, что если бы не его измена, то я бы и дальше с ним была.

А детей нет.

Вопрос без ответа...

Ммм... Пока.

Охрана без проблем пропускает на территорию поместья.

Господи, действительно, как помещики какие-то! Огромная площадь, засаженная деревьями, кустами и везде цветы.

— Миссис Мэдлтон? — удивляется женщина, открывшая дверь.

По виду напоминает домработницу. И как её зовут?

А не всё ли равно?!

— Рон дома? — спрашиваю у неё.

— Да, мистер Мэдлтон у себя. Доложить? — провожает меня в просторный холл.

— Доложите.

Пока она ходит за бывшим мужем, я захожу гостиную и осматриваюсь.

К обстановке я явно приложила руку. Всё в моём вкусе.

Слышу шаги сзади.

— Сэл? Тебя уже выписали? — спрашивает меня.

Передо мной стоит взрослый и мужественный мужчина. Только внешнее сходство и глаза выдают в нём Рона.

Он сильно изменился. Стал крепче, вырос в плечах и мышцах. Черты лица более грубые, очерченные и выступающие. Но, как и прежде остаётся красавчиком.

Но больше его присутствие рядом меня не волнует, как прежде.

Он окидывает меня взглядом. На мне свободный летний спортивный костюм и кроссовки. Судя по последним фотографиям, я так давно не одеваюсь.

— Да. Несколько дней назад, — отвечаю на его вопрос. — Пришла лично поблагодарить за то, что не дал мне умереть.

— Пустяки. Ты бы сделала тоже самое.

Ну, не знаю. Я бы ещё подумала.

Но это я сказала в голове, вслух не произнесла.

— Может быть, чаю? — изображает хорошего хозяина.

— Нет. У меня ещё одна причина для визита.

— Какая?

— Моя коллекция.

— Куклы? Да, конечно, ты можешь забрать, — показывает рукой вверх на лестницу.

Знать бы еще, где они там.

— Проводишь? — нахожу выход.

— Конечно, — соглашается.

— И мне нужны коробки.

— Я скажу, чтобы принесли из подвала.

Мы поднимаемся.

Рон открывает дверь в комнату, в которой находятся мои куклы.

Твою мать!

— Я не думала, что их так много! — шокировано, глядя на коллекцию.

Не меньше полутысячи игрушек.

— Их количество заметно выросло за последние года три, после того, как ты её показала журналистам. Все стали дарить тебе исключительно кукол.

— Да, я помню, — решаю не выдавать себя.

Он не знает о потере памяти.

Служанка приносит несколько коробок.

— Их не хватит, — говорит ей Рон и отправляет за новой партией.

Мы паковали больше двух часов. Около двадцати больших коробок.

Он неплохо знает историю каждой, рассказывает, кто и где купил или заказал. Откуда привезли вот эту розововолосую красавицу и в каком магазине купили фарфоровую кудряшку. Удивительно. Мужчины обычно к такому равнодушны.

В мою машину влезают всего четыре бокса. Остальные договариваемся привезти службой доставки.

За всё время пребывания в моём бывшем доме я ни разу не почувствовала ничего родного.

Даже рядом с Роном, если не считать первой встречи, не ощутила никакого душевного трепета. Абсолютное спокойствие и равнодушие. Будто и не любила никогда.

Ни-че-го...

Когда выезжаю из ворот поместья, то замечаю большой чёрный джип, припаркованный недалеко в кустах.

Я его уже видела возле своего дома. А потом ещё на светофоре он стоял в соседнем ряду.

Почему-то моя рука потянулась под сиденье. Я ощущаю что-то твёрдое и продолговатое.

Хмыкаю и улыбаюсь.

Бита.

— Так вот где ты спрятана. Я же говорила, что, по-любому, где-то есть.

Выхожу из машины и решительно направляюсь к джипу. Стекла затонированы, кто там я не вижу. Но и страха нет почему-то.

Я размахиваюсь и ударяю по фаре. Стекло разлетается в стороны. Следом отлетает зеркало.

С водительского места вылезает мужчина. Здоровяк лет тридцати пяти с короткой

стрижкой и в черном костюме.

Он не орёт на меня, что я дура или чокнутая. Просто поднимает руки. С пассажирского вылезает ещё один, почти копия первого.

— Не надоело вам людей караулить и тайком снимать. Про неприкосновенность личной жизни слышали? — кричу, приняв их за журналистов.

— Миссис Мэдлтон, вы нас не за тех принимаете, — проговаривает сдавленно первый. Я смотрю на него, гневно прищурился глаза.

— Мы ваша охрана, — подаёт голос второй. — Нас Миша Фалькон нанял, чтобы присматривать за вами. Он подумал, что после отъезда вашей сестры вы можете покинуть дом и оказался прав. Мы просто следим за вашей безопасностью.

Ммм... Нехорошо получилось...

Разворачиваюсь обратно к своей машине, но сделав несколько шагов, останавливаюсь.

Они осматривают повреждения на машине. Увидев, что я на них смотрю, вытягиваются по струнке.

— Багажник свободен? — киваю в сторону их джипа.

Первый согласно мотает головой.

— Сюда поставьте, — указываю на пол у лестницы.

Мои горе охранники втаскивают по коробке с куклами, ставят и уходят за другими.

— Где ты была? — раздаётся злой голос со стороны гостиной.

Там стоит Алекс, сложив руки на груди. Глаза метают гром и молнии. По спине пробегает холодок. Но я не подаю вида, что его тон вызвал во мне какие-то чувства.

— Ездила к бывшему мужу забрать кое-что своё, — гордо задираю подбородок и вызывающе смотрю ему в глаза.

— Тебя же просили не покидать квартиру. Почему ты каждый раз нарушаешь свои обещания?

— Может не стоит просить о том, что я не собираюсь соблюдать?

— Ты могла бы дождаться меня, и мы бы съездили вместе!

— Что ты так нервничаешь? Я же не одна была. Вы с Мишей сами ко мне охрану приставили.

— Потому и приставили, что знаем тебя, как облупленную. Что не будешь ты сидеть дома, как только останешься одна, — делает шаг в мою сторону.

— Хреновая охрана, я их довольно быстро срисовала.

— Так у них не было приказа прятаться, был приказ наблюдать и в случае чего прийти на помощь, — ещё пара шагов ко мне и нависает надо мной.

Его глаза холодные, как лёд. Смотрит жёстко и пронизывающе насквозь.

В это время входят парни и заносят коробки.

— Как видишь, их помощь пригодилась.

Взгляд Алекса неожиданно смягчается.

— Что в них?

Я приседаю на корточки и открываю одну.

— Мои сокровища, — достаю из короба куклу. — Японская БЖД. Сделана на заказ по моему портрету. Родители подарили, когда мне было восемнадцать.

— Похожа, — берёт из моих рук шарнирку Алекс.

— Ага. Лет с тринадцати родители дарили по одной в год, заказывали у разных мастеров. Так и началась моя коллекция.

— Да, я знаю. Ты рассказывала. Но здесь их гораздо больше, чем было раньше, — оглядывает коробки.

И это ещё не все принесли с машины. Несколько боксов осталось в доме Рона. Не влезли.

— Семьсот восемьдесят три, — уточняю я цифру. — Завтра ещё подвезут. Я не все смогла увезти.

Алекс вскидывает брови.

— Ещё говорят мужчины — это большие мальчишки.

— Так и есть, — расправляю платье на другой кукле. — Подари вам машинку на пульте или вертолётик, и у вас глаза счастьем светятся.

— Ты бы свои сейчас видела! — усмехается он. — Дай свой телефон, анбоксинг снимем, — протягивает руку.

— Это ещё зачем? — непонимающе смотрю на него.

— Это сейчас модно.

Отдаю ему телефон, он снимает несколько роликов и возвращает, перед этим скинув всё на мою страницу...

Помогает перетаскать все коробки наверх и уходит в кабинет, оставив наедине со своим "богатством".

Я ещё долго рассаживаю кукол по полкам в шкафу, из которого выгребла всё, что там стояло для идеальности интерьера. Часть переезжает жить в комнату, где поселятся племянники.

— Нужно ещё пару шкафов купить, — делаю заключение, оглядев не все пустые коробки.

Полки уже закончились.

— Ладно, завтра этим займусь, — гляжу на часы.

Половина одиннадцатого. Ничего себе!

Так увлеклась, что поужинать забыла.

Спускаюсь вниз и разогреваю в микроволновке один из оставленных Стаськой контейнеров. С тарелкой иду в кабинет, там никого.

Похоже, Алекс ушел спать.

Включаю телевизор, чтобы посмотреть вечернее шоу. Но оно кажется мне скучным, выключаю и, воткнув в уши наушники с музыкой, прямиком в душ.

В ванной на ходу скидываю кофту и штаны, оставшись только в белье. Распускаю волосы и смотрю на себя в зеркало.

Только сейчас в отражении замечаю, что стенки душевой кабины, которая находится в метре от меня, покрыты конденсатом. В один миг разворот в её сторону.

В душе Алекс. Какого черта тебе не спится?

Взгляд цепляется за стройную накаченную мужскую фигуру. Узкие бедра. Широкие плечи. Каждая мышца выделяется. Глаза скользят ниже. Упругий зад. В голове мелькает мысль хорошенько по нему шлёпнуть.

О чём ты думаешь?

Мотаю головой, прогоняя дурные фантазии.

Алекс будто почувствовал, что на него кто-то пялится, и поворачивается лицом ко мне.

Взор сам падает туда.

Ого!

Понятно, что в нём находят поклонницы.

У меня перехватило дыхание, я просто стою и таращу на него зенки, как под гипнозом. Даже не замечаю, что он открывает дверь и, схватив за руку, затаскивает в душ.

— Подглядываешь? — пристально глядит в глаза.

Вопрос я читаю по губам. В ушах наушники. Быстро их вынимаю из ушей.

— Я не слышала, что ты здесь, — съезживаюсь от его близости.

Отступаю назад и упираюсь спиной в стеклянную стенку. Стараюсь не опускать взгляд ниже пояса и смотреть только в глаза. Но там полыхает такое, что и это выдержать сложно. Я зажмуриваюсь. Он ставит руки на стекло по бокам от моей головы.

Я ничего не вижу, только чувствую его близость и тяжёлое дыхание. Это давит, не даёт дышать. Страшно, что от того тока, который сейчас между нами, коротнёт.

— Открой глаза, — хрипит его голос над ухом.

Я отрицательно кручу головой.

Почему я не могу вломить ему, как при первой встрече? Вмазать так, чтобы потерялся и забыл, как меня зовут.

Но не получается: рука не поднимается.

Какой-то внутренний блок — его обижать нельзя. Защитить можно, обидеть — нет.

Губы настойчиво впиваются в мои. От поцелуя захлестывает внутри горячей волной. Мозг погружается в пучину. Хочется набрать воздуха и закричать, что есть мочи, но я издаю только слабый стон.

Алекс одной рукой ловко расстёгивает мой бюстгальтер и отбрасывает мокрую тряпку на пол, не отрываясь от моих губ.

Его ладони жадно бродят по моему телу.

Мне не хватает кислорода. Надо вдохнуть. Упираюсь руками ему в щеки и отталкиваю.

Глубокий вдох. Вовремя. Он опять завладевает моими губами. Жадно, как голодный покусывает их. Они распухают и пульсируют.

Животом чувствую его возбуждение. Твердая, как камень, плоть упирается в меня.

Боже, дай сил прекратить это!

Но их нет...

Тело само тянется к нему, хочет его. С этим пороком тяжело бороться.

Его большие руки накрывают обе мои груди и теребят соски. По телу пробегает разряд. Я подаюсь вперёд в ожидании продолжения ласки, откинув голову назад.

Алекс покрывает грудь лёгкими поцелуями, а такое ощущение, что палит её зажигалкой.

Каждый сосок попадает под его немилостивые зубы. Терзает их, то прикусывая, то отпуская.

Мои ноги подкашиваются, но почувствовав это, он сильно хватает меня за попу и прижимает к себе.

Даже вода не охлаждает. Тело горит, как в лихорадке, и трепещет в его руках.

Рывком разворачивает меня спиной к себе. Немного отводит трусики в сторону и входит.

Глубоко, наполняя всю до сладкой боли.

Придерживая меня за шею и подбородок, двигается быстро и жёстко, сильными толчками пробирая остротой ощущений до костей.

А потом мир вокруг взрывается и разлетается на тысячи осколков. Меня захлестывает волна оргазма. Алекс кончает вместе со мной. Я ощущаю вздрагивание его члена во мне и звериный рык, который он издаёт, впиваясь пальцами в мои бедра.

Я дышать не могу, у меня горит всё внутри.

— Ты не предохранялся, — говорю, когда мысли начинают приходить в норму.

— Это ни к чему... — намыливает меня.

— Почему?

Он смотрит на меня и в его глазах мелькает разочарование. Потом делает глубокий и шумный вдох и выдох.

— У тебя не может быть детей... — произносит с сожалением.

Я замираю.

Эта новость ударяет похлеще кулака.

Я просто стою и гляжу на него, не мигая. По мне вместе с мылом стекает вода.

— Не переживай так, — обнимает меня. — Есть шанс на чудо. Я верю... А если нет... Ну, ничего. Усыновим кого-нибудь.

— Я никого с тобой усыновлять не буду, — злюсь и отшвыриваю его.

Выбегаю из ванной и запираюсь в своей комнате.

Сдергиваю с кровати покрывало и заворачиваюсь в него.

Тело колотит от произошедшего и от услышанного.

Как можно быть такой слабой? Позволить крутить собой! Где старая Сэл, которая парней к себе на километр не подпускала? Куда делась моя уверенность и непоколебимость?

Ничего нет... Я стала управляемой этим наглецом. Он знает на какие кнопки нажать, чтобы я растеклась лужицей.

От этого противнее всего.

У меня не будет детей? Как это может быть? Почему?

Я не верю!

Никогда не было проблем с женским здоровьем. Откуда такой диагноз?

Тысячи вопросов и ни одного ответа.

Сейчас я больше всего жалею, что ничего не помню.

Глава 19

Хотела быстро и незаметно проскользнуть к двери, чтобы поехать за покупками в магазин, но была поймана на месте преступления.

— Куда собралась? — приваливается к двери плечом Алекс, отчего она захлопывается, чуть не придавив мне пальцы.

— За покупками. Племянники приедут, надо купить подарки, — смотрю на него решительно, скрестив руки на груди.

— Ты хоть знаешь, как они выглядят? — щурится.

— Видела на фотографиях.

— Какой у них рост, вес, интересы? — пытается дальше.

— Нет. Вернее не помню...

Он вырывает у меня из рук ключи.

— Вместе поедem, — открывает встроенный в стену шкаф и достаёт оттуда тонкую куртку.

На улице дождь.

Когда едем в торговый центр, то я стараюсь не смотреть на Алекса. Делаю вид, что за окном много интересного. А он спокойно ведёт машину.

Похоже, уже привык к тому, что здесь всё шиворот навыворот.

Неожиданно он берёт меня за руку и сжимает пальцы. Потом тянется их поцеловать, но я отдергиваю руку.

— Ты что делаешь?

— Раньше тебе нравилось.

— Так! Давай договоримся, — ёрзая в кресле. — То, что произошло между нами этой ночью, ничего не значит. Это был просто... — запинаюсь.

— Секс, — заканчивает он.

— Да! И ничего больше. Это не обязывает нас продолжать отношения. Никакой романтики и всей сопливой тягомотины.

Он согласно покачивает головой, пока я говорю.

Отлично!

— Нет! — вдруг отрезает Алекс.

— Что? Почему?

— Потому! Я всё понимаю. У тебя сейчас мозги набекрень. Но не нужно доводить до маразма! Одноразовый перепихон — это уже давно не про меня, — злится Гроу.

— С каких пор?

— С тех самых! Пусть ты меня не помнишь, но это не значит, что ты будешь пользоваться мной, когда тебе приспичит.

Я немею от его наглости.

— Это я тобой попользовалась?

— А разве нет? — отвлекается от дороги и смотрит на меня. — Ты пришла ко мне в душ. Сама! Заметь. Сама разделась.

— Да, я была в наушниках и не услышала звук воды! — возмущаюсь. — Иначе бы не зашла в ванную.

— Скажи ещё, не видела меня? Ты стояла и разглядывала. А могла уйти.

— Я...я...

— Нечего сказать? Вот тогда и помолчи. Я уже сказал — своё тело ты не обманешь. Если не помнишь, окей, я согласен начать всё сначала. Что там нужно? Свидания, цветы, подарки? Я готов!

— Засунь их себе...

— Знаю куда. Кстати, с этого всё и началось. Ты меня оскорбляла, а я терпел. Однажды из моей руки хотела шашлык даже сделать, — косится на меня. — Что ты удивляешься? Чуть ножом мне руку не пропорол.

— Враньё, какое! — не верю ему.

— Если бы! Всего лишь помидор с твоей тарелки взял. Я видел тебя всякую и готов любить любую.

— А я тебя нет!

— Значит, привыкнешь. Я всё равно никого к тебе не подпущу.

— Вот опять!

— Что?

— Это твоё "привыкнешь"! Не собираюсь я привыкать! Я не собачка Павлова, чтобы вырабатывать у меня рефлекс!

— Но слюна от меня у тебя выделяется, — смеётся и пытается погладить меня по щеке. Получает по пальцам.

Со злости ударяю его кулаком в плечо. Он морщится и трёт место удара.

— А вот рука у тебя тяжёлая...

Как же ты меня, сука, бесишь!

Придушить хочется.

Ненавижу! Но ещё больше ненавижу себя, потому что рядом с ним тупею. Только голые звериные инстинкты и ни капли разума.

Как самка животного, выбирающая себе самого красивого, быстрого и сильного.

Вот нахрена мне такой?

Для спаривания?

Так таких полно! Почему тогда моё чертово тело выбрало этого?

Меня в мужчинах всегда интеллект привлекал, а у этого IQ наверняка не выше, чем у ракушки.

Лучше бы мозг качал! Чтобы сделать такое тело не один месяц нужно в спортзале провести.

Рон хотя бы книги читал, музыку хорошую слушал, кино, театры, искусством интересовался.

А что у этого за интересы? Судя по его странице в соцсети: тачки, деньги и тусовки.

Ах, да!

Ещё бабы.

С поклонницами фотографий полно. А вот с бывшей невестой ни одной.

Удалил или их и не было?

— Что у нас общего? — задаю вопрос напрямик.

— В смысле? — непонимающе оборачивается ко мне.

— Если мы были вместе, то явно как-то развлекались. Ну, помимо ЭТОГО. О чём-то разговаривали. Значит, у нас есть что-то общее. Что?

— Мы обалюбим кино, классическую музыку, спорт, латино, оперу, балет... Много

всего.

— Оперу и балет? Да ты хоть знаешь, кто такой Чайковский? — удивляюсь.

— Представь себе — знаю. Мы даже с тобой Венскую оперу посещали.

— И ты там стопудово спал? — предполагаю.

— Нет, — лыбится. — Спала ты.

— Я? Ложь! — подпрыгиваю от недовольства.

— Нет. Просто у тебя был тяжёлый график, вот ты и отключилась. Храпела на весь портер, — усмехается, глядя на моё перекошенное гневом лицо. — Ладно-ладно, шучу я! Не храпела. Мирно посапывала у меня на плече. Но остальное — правда.

Господи, это дно!

Я снова ловлю вид за окном, пока едем до торгового центра.

****

Долго бродим по отделам в поисках чего-то интересного, что может понравиться маленькому мальчику и девочке.

Глаз цепляется за милый брючный костюм для племянницы. Я снимаю его с вешалки и кручу в руках.

— Она такое не наденет, — говорит Алекс.

— Почему?

— Потому что она предпочитает платья, кружева, рюшечки, ленточки и всё это девичье-предевичье.

Я морщу нос.

Он отходит к другой стойке и приносит, то, что больше подходит под его слова. Белое платье с ажурной вышивкой.

— Вот, — протягивает мне. — Как раз. Наверное, за месяц подросла немного.

— Ты хорошо Лёлю знаешь, — замечаю.

— Я её крестный. Стараюсь навещать, как только появляется свободное время.

— Она тебя любит? — беру с вешалки розовое платьице.

— Очень.

— Думаю, она будет рада пожить какое-то время с тобой в одном доме. Как это? — показываю его Алексу.

— Красивое. Бери, — одобрительно качает головой.

Гардероб для Оли закуплен.

— Надеюсь, у Арса нет привередничества в одежде? — гляжу с надеждой на Гроу.

— Он мальчик. Штаны, футболка, кроссовки — вот его повседневная одежда. Одно требование — ничего розового. Это для девочек, — пренебрежительно кривит лицо, интонацией напоминая ребенка.

Смешно.

— Без розового, так без розового, — соглашаюсь и иду выбирать одежду в отдел для мальчиков.

Нужно ещё сыну Миши и Алёны подарки купить. Здесь гораздо проще, он в моде пока не разбирается.

Но я ошибаюсь.

Столько всего красивого для малышей, что глаза разбегаются. Хочется сгрести всё и тащить на кассу. Выбираю пять самых-самых милых комбинезончиков и боди. Ещё шапочки, носочки, рубашки, погремушки, грызунки и чёрт знает кучу чего ещё.

— Решила весь магазин скупить? — оглядывает Алекс количество пакетов на кассе.

— Нам ещё в отдел игрушек надо зайти.

— О, это звезда! Оттуда тебя потом как выгонять? — изображает фэйспалм.

— Не преувеличивай! — всучиваю ему покупки. — Я же не маленькая девочка, чтобы зависнуть там.

Но Алекс угадал.

Пока он относит в машину сумки, я с горящими глазами хожу по детскому миру, скидывая всё, что понравилось в тележку.

— Что это? — достает из корзины круглую мягкую игрушку.

— Не знаю, на кота похоже, — присматриваюсь внимательнее.

Он тоже разглядывает, покрутив в руках.

— Зачем столько? — зыркает на забитую до отказа тележку.

— Я не собираюсь экономить на детях. Если бы в моём детстве было такое разнообразие...

— Можно подумать ты выросла без игрушек. Или они были деревянными и прибиты к потолку? Сэл, не нужно им так много!

— Заведешь своих, посмотрю, сколько ты будешь покупать! — ляпаю, не подумав, и прикусываю язык.

Глаза Алекса темнеют. Он отводит взгляд в сторону.

Это ещё одна причина не продолжать отношения. Я не смогу дать ему полноценную семью, стать матерью его детей.

— Извини... — виновато касаюсь его руки.

Он поворачивается и смотрит на место моего прикосновения. Я убираю руку.

— Теперь ты понимаешь, что нам не нужно быть вместе?

— Нет! Ты думала об усыновлении. Я согласен...

— Алекс... Ты здоровый мужчина, у тебя должны быть свои дети.

— Или с тобой, или ни с кем! — говорит твёрдо и уходит.

Он ждёт на парковке. При виде меня щелчком отбрасывает сигарету в урну.

— Не знала, что ты куришь, — ненавижу эту привычку.

— Я и не курил. Так, просто дым поглотал.

— Не делай этого при детях. И я не люблю, когда курят.

— Я знаю! — психует и садится за руль.

— Замечательно! Похоже, мне это всё самой в багажник запихивать, — осматриваю кучу покупок.

Капли дождя медленно стекают по стеклу окна.

Глаза наблюдают за одной, которая чертит длинную дорожку сверху вниз.

Скверная погода.

За что Сэл так любит этот город и страну?

В душе так же мерзко, как и за окном. Хочется поднять голову и завывать, словно волк. Но я всего лишь раскидываюсь на диване.

Зачем она так?

Мне наплевать на то, что никогда мне не родит. Я готов смириться с этим. И даже примирился уже.

Зря сказал ей про бесплодие. Не надо было пока открывать ей эту сторону её жизни. Она долго и упорно пыталась решить проблему, но бесполезно. Десятки лучших врачей мира так и не помогли. Приняла это. Я не должен быть говорить сейчас, ей нужно это было вспомнить самой.

— Долго медитировать будешь? — неожиданно раздаётся голос Сэл сзади.

— Просто задумался, — не глядя на неё.

— О чём?

— Ни о чём... — лгу.

— Может, сходим куда-нибудь поужинать? Стоять у вечного огня, желания нет.

— Какого вечного огня? — туплю.

— У плиты. Здесь рядом есть ресторан итальянской кухни, я видела днём.

— Давай, просто закажем домой?

— Не хочешь, как хочешь, — пожимает плечами. — Я пойду одна, — направляется к двери.

— Стой! Я с тобой, — встаю с дивана и нехотя иду за ней.

Плетусь по парковке в нескольких шагах за Сэл. Она одета в обтягивающие голубые джинсы и короткую белую кофту, которая не доходит несколько сантиметров до пояса. Видна небольшая обнаженная полоска тела. И это жутко соблазняет. Особенно в сочетании с плавными покачиваниями бедер при ходьбе.

Блядь!

Завожусь, как сопливый подросток только от одной мысли о ней. А тут...

После произошедшего в душе ночью до сих пор колбасит. Хочется сгрести в охапку, послать всё нахрен и не выпускать из спальни. Любить так, чтобы снова потеряла сознание от удовольствия и оргазма. Не отпускать, пока не вспомнит свою любовь ко мне.

Задумываюсь и влетаю в неё, не заметив, что остановилась.

Инстинктивно обнимаю за талию, не позволяя ей упасть. Она упирается кулочками мне в грудь.

— Под ноги смотри! А не в облаках витаешь.

— Извини... — мямлю неуверенно.

— Отпусти меня и дай ключи от машины, я сама поведу. Замечтаешься ещё, не дай Бог, за рулём, — давит руками.

Я отдаю. И отпускаю. Водит она отменно. Видел, как профессионально управляет. Даже гонять себе позволяет. Не думаю, что потеря памяти отразилась на этом навыке. Коробки с

куклами она же сама ездила забирать.

Через пять минут мы на месте.

Уютный итальянский ресторанчик. Пиццу жарят на дровяных печах прямо в зале, от этого в помещении очень тепло. В такую погоду самое то.

Похоже, Сэл тут бывала, так как администратор мило нам улыбается и провожает за столик, который находится подальше от людских глаз.

Спрашивать у неё бесполезно. Она НЕ помнит.

Мы заказываем пасту с морепродуктами, капрезе и по бокалу лёгкого белого вина.

— Я, наверное, погорячилась сегодня в магазине... — начинает разговор Сэл. — Про детей. Думаю, ты прав — каждый должен сам решать с кем и когда их заводить.

Я удивляюсь.

— Твои слова о моём бесплодии ошарашили меня, но оказалось ненадолго. Внутренне я видимо давно с этим смирилась и поэтому меня быстро отпустило.

— Так и есть...

— Я действительно хотела усыновить ребёнка?

— Пока только думала.

— Мальчика или девочку?

— Того, к кому душа потянется.

— И ты не против воспитывать чужого ребенка?

— Чужих детей не бывает...

Смотрит на меня задумчиво, чуть склонив голову набок. В глазах появляется теплота. Улыбка слегка касается губ.

Сердце забило так, что в груди заломило.

Я гляжу на неё и не могу наглядеться. Такая милая и забавная с этими двумя детскими хвостиками на голове. Сейчас ей не дашь больше двадцати лет.

Сэл хочет ещё что-то сказать, но подходит официант с заказом и она передумывает.

— Я хочу завтра вечером сходить развеяться в клуб, — выдаёт она после.

— Нет!

— А это не предложение, это констатация факта. Если ты не хочешь — я сама найду себе компанию.

— Нет! — повторяю.

— Неужели мы и раньше сидели, как пенсионеры дома? Мы же должны были куда-то ходить?

— Ты уже ходила незадолго до несчастного случая, — закипаю от воспоминаний об её выходке.

— И что?

— А то, что застучал в объятиях какого-то утырка, который тебя лапал. Крутой продюсер с телека, таким во внимании не отказывают, так ты выразилась.

Руки сами сжимаются в кулаки, согнув приборы. Она смотрит на меня широко открытыми глазами. Но страха я в них не улавливаю.

— И ты меня простила?

— Это была уловка, чтобы заставить меня признаться в чувствах. Твоя подруга придумала.

— Моя подруга? И где она? Почему она не приходит?

— Миша ей всё рассказал, она пока решила не навещать тебя, чтобы не волновать.

— Как её зовут? Как мы познакомились? Чем занимается?

— Мэг. Про знакомство не знаю, ты вскользь упомянула, что оно было очень необычное. Она — тренер по... полдэнсу.

Она опять округляет глаза.

— Вот так номер! Seriously? По полдэнсу?

— Да. Им ты тоже занимаешься.

— Круто! Даже если я её не помню, просто обязана познакомиться с ней заново! — берёт в руки бокал и делает большой глоток вина. — Не думала, что я всё ещё занимаюсь танцами.

— Ты никогда их не бросала. Только я не знал о твоём пристрастии к танцам на шесте.

— Они волнительные, правда? — наклоняется ко мне и шепчет соблазнительным тоном.

Кровь разгоняется до скорости света в моих жилах.

— Очень... — заикаясь.

Мгновенно становится жарко. Нервно дергаю за горловину джемпера.

Сэл замечает моё смятение. Пошленько улыбается. Я чувствую лёгкое прикосновение к своей ноге под столом.

Она скидывает кроссовок и медленно ведёт ножкой по моей голени до колена и обратно.

Что за игры? То руки от неё убери, а теперь это?

Ах, да! Пытается уговорить на поход в клуб.

Быстро я потерял суть разговора.

Но надо отдать должное — заигрывать и соблазнять она умеет. Я завожусь за доли секунды.

А она наблюдает за моей реакцией и нагло ухмыляется, прикусив нижнюю губу.

Её нога перемещается по бедру к паху. Я шумно втягиваю воздух и пытаюсь смотреть по сторонам, только бы не на неё.

Издевается... Знает свою власть надо мной.

— Хорошо, хорошо! Я согласен!

Прекрати эту пытку!

Иначе прямо здесь взорвусь. Или всё произойдет в грязном туалете ресторана.

Нахрена я об этом подумал?

Стало ещё хуже. Встать и выйти в сортир — тоже не вариант. Идти со стояком через весь зал — так себе перспектива.

— Перестань! — рычу на неё.

— Не нравится? — игриво надувает губки.

Дать бы тебе по заднице за твои выходки.

— Нравится! Ты прекрасно это знаешь. Но здесь не место для этого. Вернёмся домой — можешь делать со мной всё, что тебе захочется.

— А дома не интересно. Мне нравится наблюдать, как ты смущаешься. Такой большой и сильный, а краснеешь, как первоклассник.

Ах, так!

Ну, ты сама на это напросилась!

Хватаю её за руку и вытягиваю из-за стола. Прикрываясь ей, как щитом, проходим в сторону небольшого закутка, где находится туалет. Перед нами из него выходит девушка,

понимающе улыбается и скрывается.

Я вталкиваю Сэл в небольшую комнату и закрываю дверь на замок. Бегло оглядываюсь. Чисто и камер нет.

— Что ты творишь? — пятится назад и врывается спиной в тумбу с раковиной.

В её глазах нет страха, скорее азарт и вызов.

— А ты? Думаешь, можешь играть со мной, где захочешь и когда захочешь? Знай, каждый раз тебе придется за это расплачиваться, — несколько шагов к ней и придавливаю её своими бёдрами к раковине.

Она не боится. Я вообще не помню, чтобы она это когда-то делала. Всегда уверенная и решительная.

Я расстёгиваю пуговицу на её поясе и дёргаю молнию вниз.

— Ты хочешь прямо здесь? — брезгливо ведёт носиком.

— Раньше тебя это не останавливало. Туалет, примерочная, подсобка, машина, поезд, самолёт. И это совсем маленький список тех мест, где мы занимались любовью.

Разворачиваю её к себе спиной и запускаю одну руку в ширинку, а второй вжимаю в себя. Пусть почувствует моё желание.

Без трусиков. Похоже, навсегда решила расстаться с этой частью гардероба.

Пальцы скользят вниз, вдоль по коже к сочным лепесткам плоти. Раздвигаю и провожу пальцем. Она вздрагивает. Нежно поглаживаю её и немного запускаю каждый раз пальцы во влажную дырочку. Сэл слабо стонет и вцепляется в бортик раковины.

Мои движения настойчивее и увереннее, а погружения глубже. Сельванна откидывает голову мне на плечо и закрывает глаза. Я вижу в зеркало, как она облизывает и кусает губы. А внутри вся такая горячая и мокрая.

Одним движением сдергиваю с неё джинсы вниз. Не отпуская, расстёгиваю свои брюки, выпустив своего зверя на свободу. Он сам находит дорогу куда надо. Вонзаюсь в неё, зажав рукой рот и не дав вскрикнуть. Толчки быстрые и максимально глубокие. Даже с закрытым ртом я слышу её повизгивания. Она судорожно сжимает руки, хватаясь за край тумбы. Её ноги начинают дрожать, а влагалище часто сокращаться. Выжимает из меня оргазм. Я кончаю вместе с ней, вдавливаясь в неё до такой степени, что просто нечем дышать.

Она что-то мычит с зажатым ртом. Глаза, как блюдца.

— Прости! — до меня доходит, что делаю ей больно и отпускаю.

Сэл жадно хватается воздух.

— Ты меня чуть не придушил! — включает кран с холодной водой и брызгает себе на лицо.

Рывком натягивает на себя джинсы.

Я тоже застёгиваю брюки и поправляю одежду.

— В следующий раз не будешь заигрывать со мной на людях, — предупреждаю её.

— Следующего раза не будет! Ты псих! — открывает замок и выбегает из туалета.

— А кто меня таким сделал?! — смотрю на себя в зеркало.

В глазах до сих пор горит огонь и нездоровый блеск.

Умываюсь и влажными руками укладываю волосы.

Сэл в зале нет.

Администратор говорит, что она ушла. Я расплачиваюсь и покидаю ресторан.

— Вот, сучка! — машины на стоянке тоже нет.

Нащупываю в кармане связку ключей от квартиры.

Не забыл.

Ладно, пройдуся пешком. Заодно остыну и развеюсь.

Будит звонок телефона.

Поискав вслепую его на тумбочке, не глядя, кто звонит, нажимаю на кнопку ответа.

— Привет, sister! — слышу знакомый голос на том конце трубки.

— Привет! — произношу сдавленно.

— Долго спишь.

— А мне торопиться некуда, — переворачиваюсь на спину.

— Звоню предупредить, что завтра мы не прилетим. Оля приболела, и мы задержимся ещё на несколько дней. Сдали все анализы, ждём результаты.

— Понятно... Выздоровливайте. Обними и поцелуй её от меня, — протираю глаза.

— Обязательно. А ты за нас Алекса, — посмеивается.

— Ха-ха, смешно.

— Очень. Я тут по дороге к врачу ваш ролик посмотрела с отдыхом в Париже. Прикольнo. С юмором.

— Какой ещё ролик? — я окончательно просыпаюсь.

— Как какой? Алекс ночью выложил на своём канале.

— Пока, sister. Сообщи, как соберётесь прилететь, — быстро отключаюсь.

В поисковике набираю "Алекс Гроу" и вуаля — его канал.

Вот скотина!

Сделал ролик, смонтировав видео и фото под музыку группы "Ленинград".

"На фоне Эйфелевой башни с айфона селфи заебашим..."

(Саунд: группировка Ленинград и ST — Вояж)

Но это полбеда. Его уже активно прокомментировали тысячи человек. А телефон ещё подкидывает в рекомендациях новость от какого-то светского писаки.

Они вообще эти журналюги спят?

Поднимаюсь и направляюсь наводить разборки с этим наглым придурком.

Он сидит внизу на диване, потягивает кофе и что-то смотрит в ноуте.

— У тебя совсем крыша поехала? — захопываю его ноутбук.

— А где "доброе утро"? — лениво разваливается.

— Доброе утро? Совсем офигел? Что это? — показываю ему статью в интернете.

— У меня проблемы со зрением, я не вижу.

— С головой у тебя проблемы! — кричу на него.

"Артист Алекс Гроу на своём канале выложил весёлый романтический ролик уик-энда в Париже с актрисой Сельванной под неромантическую музыку группы Ленинград.

Певец ненавязчиво намекнул на возрождение старых отношений со своей бывшей девушкой.

Напомним, что ещё месяц назад он был обручен с Юлией Зиминой и готовился к свадьбе, но неожиданно разорвал помолку и уехал в Великобританию, где находится до сих пор.

Гроу и Сельванна не раз были замечены в компании друг друга. Поклонники встречали их в разных местах Лондона.

Актриса совсем недавно официально оформила развод с актёром Роном Мэдлтоном.

Не тайный ли роман с Алексом стал поводом для этого? Ведь бывшие супруги так и не

поделились с журналистами причинами распада семьи.

Несколько дней назад пара выпустила совместный лирический трек, который за сутки попал на лидирующие позиции чартов.

Что это? Воссоединение бывших возлюбленных или умелый пиар перед выходом фита?"

— Ты охренел? — запуливаю в него телефоном, но он ловко уворачивается.

— А что? По-моему, всё верно написано. Песня реально поднялась. И вещами не разбрасывайся, — подхватывает мой смартфон. — В голову, не дай бог, попадёшь. Доктор сказал — ещё одно сотрясение мозга и я превращусь в овощ.

— Нечему у тебя там сотрясаться! Если бы было, то ты бы не выложил это, — злюсь на него.

— Вообще-то это была твоя идея, я просто сделал монтаж, — приподнимает руки.

— Что?

Он берёт со столика свой телефон, что-то в нём пролистывает и отдаёт мне.

Там видео, в котором я действительно говорю, что нужно всё круто снять, а потом наложить музыку.

— Ты звонила ночью Мишке и просила его договориться о правах на использование трека. Так, что я здесь не причём, — снова откидывается на спинку дивана. — Если тебе станет легче, то у ролика уже пять лямов просмотров. Твои поклонники не дремлют. И очень волнуются, что ты пропала.

— Да... да, пошёл ты! — воплю на него от злости, сжимая кулаки, и бегу обратно наверх.

В спину слышится хохот.

— Сволочь! Скотина! Придурок! — мечусь по комнате из угла в угол. — Ладно, вечером я тебе устрою хороший вечер отдыха, — и залезаю в контакты телефона.

****

Забитый битком клуб встречает громкой музыкой. Марк себе верен, до сих пор крутит топовые треки русских звезд.

А вот обстановка и оформление сменились. Ещё бы! Десять лет прошло. Это в моей голове всё по-прежнему.

Но глаза обшаривают зал не только в поисках изменений интерьера. Я ищу ту, с кем проговорила сегодня два часа.

Нахожу Мэг на балкончике. Наши взгляды встречаются, и она заговорщически мне подмигивает. Я слегка качаю в ответ головой.

— Пойдем, выпьем, — говорю Алексу.

Он молча соглашается и помогает мне пробить дорогу до бара сквозь толпу.

— Виски, — говорю бармену, который мило мне улыбается.

Я одариваю его ответной улыбкой.

— Не круто сразу берёшь? — закипает Алекс.

Видно, что наши с парнем переглядывания ему не нравятся. Сжал зубы так, что скулы побелели.

Ничего! Тебе полезно.

— А, по-моему, нормально, — пожимаю плечами, принимая в руки стакан крепкого напитка.

Алексу подают такой же.

— За хороший вечер! Надеюсь, тебе понравится, — чокаюсь о его стакан и выпиваю

залпом до дна.

Он свой отставляет в сторону. На что я вопросительно смотрю на него.

— Я за рулём. Помнится, ты против выпивших водителей.

— А я предлагала поехать с шофером, но ты решил сам, — тянусь к его стакану.

Он его отодвигает подальше.

— Давай ты сразу не будешь накидываться? А то такими темпами мне через полчаса твою вялую тушку придётся отсюда выносить.

— Фу, какой ты душнила, — кривлю личико. — Я в туалет.

Кидаю взгляд на тот самый балкон, где Мэг делает мне знаки выйти.

— Привет, старая версия подруги! — встречает меня она в дамской комнате. — Не знала, что человека можно откатить до фабричных настроек, — хихикает, разглядывая себя в зеркале.

— Оказывается можно. Ты приготовила, то, что я просила?

— Да. Но боюсь, твоему парню это не понравится.

— Он мне не парень!

— Ага! Месяц назад ты мне так же говорила, а через день укатила с ним на романтический уик-энд в Париж. Слушай, ты говорила, что он ревнивый и бывает агрессивный. А если он драку устроит? — пытается отговорить от моей затеи подруга.

— Обязательно устроит.

— Тебе его не жалко? Марк идиот и бык, представляешь, какое месиво будет?

— Алекс сам виноват. Но Решетняка я предупредила, на всякий случай. Не хочу попортить красивую шкурку, — похлопываю легонько пальчиком по губам, растушевывая блеск для губ.

— Не знаю... Мне он понравился. Не как твой козёл бывший муж, который ни одной юбки, похоже, не пропускал. Что так быстро на тройничок согласился.

— Не напоминай! У меня до сих пор от твоего рассказа волосы дыбом. Девушка клеит его жену, а он вместо того, чтобы устроить скандал, просто предлагает групповуху.

— Это Европа, детка... Ты сама так говорила. А Алекс воспитан по вашим традициям. Я видела, как он на тебя смотрит. Даже здесь, где куча красивых тёлочек, всё внимание только тебе. Когда ты шла — глаз от твоей задницы не отводил.

— Просто юбка короткая, — тяну немного вниз подол откровенного платья.

— Отпадная, — скользит по мне сальным взглядом. — Я сама немного завелась.

— Мэг! Я просто хочу немного проучить за самовольство.

— В прошлый раз наш план пошёл немного не по задуманному, и он приехал раньше времени.

— Я не помню, что было в прошлый раз, так что считай, история обнулилась, — дерзко улыбаюсь подруге.

Сельванны уже давно нет из туалета.

Что там можно столько делать?

А что если она опять сбежала? Мысль стрелой влетает в голову.

— Твою мать, Сэл! — одним глотком осушаю стакан с каким-то безалкогольным коктейлем и направляюсь за ней.

В туалете её, естественно, нет.

Возвращаюсь в зал на поиски. Осматриваю весь, но нигде не видно.

В этой толпе кого-нибудь вообще реально найти?!

Надо подняться наверх, оттуда обзор лучше.

На лестнице сталкиваюсь с Мэг, подругой Сельванны.

— Алекс? — делает удивлённые глаза. — Уже уходишь? Самое интересное пропустишь...

— Нет! Ты Сэл случайно не видела?

— Случайно видела...

— Где она?

— Там, — показывает пальчиком сзади меня.

Внимание на сцену. Там что-то готовится.

Пухнет свет. По залу пробегают возгласы людей.

Один софит освещает сцену, выхватив из тьмы стройную женскую фигуру на каблуках в кружевном боди, на лице маска.

Но я и вслепую узнаю её.

Это Сэл...

Что она, чёрт возьми, творит?

Полоска света двигается вместе с ней и выхватывает из мрака шест.

Фак! Только не говори, что ты собираешься...

Включается музыка и она делает это. Сэл раскручивается на пилоне.

Толпа восторженно заголосит, а я врастаю в пол.

В голове стучит кровь, хочется убить каждого, кто на неё сейчас таращится. Но мне придётся тогда убить всех.

Второй софит освещает ещё один участок сцены. На стуле сидит полуразвалившийся Марк.

Я недовольно дёргаюсь к сцене, но меня кто-то крепко хватает за плечо.

— Не порть номер, — грозно смотрит Мэг.

Мои глаза снова на сцену.

Лучше бы я этого не видел.

Сэл танцует на коленях у этой сволочи Марка.

В глазах пляшут кровавые мальчики. Ревность просто топит с головой.

Он её лапает!

Мою Сэл касаются руки какого-то ублюдка. Но то, что он её притягивает и целует в конце, напрочь выбивает всё здравомыслие из моего мозга.

Убью скота!

Всё это подхлестывает одобрение и аплодисменты публики.

Я знаю, как пройти за сцену, выступал здесь несколько лет назад, поэтому решительным шагом направляюсь в нужном направлении.

Они ещё там. Марк держит МОЮ девушку за талию и снова пытается поцеловать.

Я не разбираюсь, подхожу, стучу по плечу, а когда он поворачивается, врезаю ему по роже. Он отвечает тем же.

Мы сцепляемся.

Нас быстро растаскивает охрана, но мы порываемся схлестнуться вновь.

Всё это время Сэл стоит и смотрит на нас с равнодушием в глазах. Подходит, изучает бегающим взглядом.

— Я же просила, Марк, не трогать его! — с раздражением.

— Он первый начал... — низко с хрипом говорит он в ответ.

Когда запал пропадает, охранники нас отпускают.

— Мы едем домой! — хватаю Сэл за локоть и волоку за собой к чёрному выходу.

Мы зашли там, чтобы не привлекать внимание.

— Мне нужно переодеться, я же не могу так на улицу выйти, — упирается мне в руку, притормаживая каблуками.

— Вилять на сцене задом в таком виде ты не стеснялась! — свирепею я.

Снимаю свой пиджак и накидываю ей на плечи. Он скрывает всё.

На улице прохладный воздух скользит по разгоряченной коже. Губа и челюсть начинают ныть.

Подталкиваю её к машине, а сам достаю из кармана костюма платок. Разглядываю лицо в боковое зеркало тачки. Губа разбита, на челюсти приличная ссадина.

— Довольна теперь? Ты ведь этого добивалась? — ору на неё.

Она молчит. Только смотрит как-то странно. Как змея, не мигая. Не отрывает взгляда от моего разбитого лица.

Я вглядываюсь в её глаза. Они абсолютно чёрные. Беру за подбородок и разворачиваю к свету фонарей. Зрачки не уменьшаются.

— Ты что-то приняла? — закрадывается в голову догадка.

— Нет... — проговаривает тихо и хрипло.

— А с ним что-нибудь пила или ела? — мог и подсыпать.

Было же уже такое.

Она отрицательно мотает головой.

Тогда что с глазами?

— Садись! — открываю ей дверь.

Она послушно забирается в машину.

Я не хочу домой, зачем-то направляюсь по дороге из города. Надо прокатиться, развеяться, успокоиться.

Сэл всё так же смотрит на меня. Но сейчас в глазах что-то звериное. Так хищник смотрит на свою жертву, истекающую кровью. Время от времени она делает глубокие вдохи, а потом просит остановиться.

Укачало, наверное.

Вылетает из машины пулей и бегом подальше в поле. Встаёт коленями на траву и жадно вдыхает воздух.

Пробираюсь через высокую траву, цепляясь за корни.

Что с ней?

— Не подходи, — останавливает в нескольких шагах. — И умойся...

— Ты чего? — делаю ещё шаг, но она снова требует к ней не приближаться.

— Смой кровь с лица и залепи пластырем. Он в аптечке, в бардачке.

Я не спорю. Выполняю просьбу. Жду ещё минут пятнадцать, пока успокоится, и подхожу к ней.

— Ты как? Нормально?

Она глядит на меня расфокусированно и качает головой.

— Да, уже лучше...

— Не сиди на земле, застудишься! Я сейчас плед из машины принесу.

Приношу и накрываю её шерстяным покрывалом, на часть она садится. Кружево не согреет.

— И что это было? Укачало? Мы вроде недалеко отъехали.

— Нет. Кровь... — слепо смотрит в темноту.

— Ты крови боишься? Не замечал у тебя этого.

— Не боюсь. Наоборот. Она сильно возбуждает. Как вампира. Только это не жажда крови. А жажда... Ну, ты сам понимаешь... И работает только если она у мужчин.

— Странный фетиш...

— Знаю. Думала, что такое больше не повторится, но как видишь. Похоже, я за эти годы так и не справилась с этой проблемой.

— Должна быть первопричина этого. Если справиться с ней, то и это исчезнет.

— Нельзя изменить прошлое. А значит, и это тоже не получится.

— Почему?

— Потому! — прикрикивает. — Не могу я отмотать время назад и не напиться до бессознательного состояния, чтобы меня не изнасиловали. И Антона бить этого ублюдка я тоже не могу уже отговорить.

У меня внутри всё сковывает холодом от ужаса.

Я никогда не спрашивал её о прошлых парнях, а она не откровенничала. Теперь понимаю почему.

Прижимаю к себе крепко. Она утыкается лицом мне в грудь и всхлипывает.

— Прости меня! Я хотела наказать тебя за то, что ты не посоветовался вчера со мной и выложил этот ролик. А получилось, что наказала себя, — обвивает руками меня за пояс.

— Хочешь, я его удалю? — глажу по голове и чмокаю в макушку.

— Уже поздно... — поднимает голову и смотрит на меня заплаканными глазами. — Его уже тысячу раз скачали и переслали.

— Это верно... — обречённо вздыхаю и снова прижимаю её голову к себе. — Обещай, что больше не будешь устраивать мне такие проверки. Однажды я могу кого-нибудь убить.

— Обещаю...

Она снова отстраняется и заглядывает мне в глаза. В её глазах будто вспыхивают искры.

— Теперь понимаю, почему я в тебя влюбилась, — обхватывает моё лицо руками и целует.

У меня вырывается стон и от боли, и от удовольствия.

Не отрываясь от меня, её ловкие пальчики расстёгивают мой ремень, а потом и ширинку. Скользит ручкой туда и проводит по выпирающему бугру.

Я откидываю её на спину и навис сверху.

Как же сложно стягивать кружевное белье с девушки. Поэтому я его не люблю.

Когда освобождаю её тело от этой ненавистной тряпки, покрываю всю поцелуями. Она не сдерживается, громко стонет от удовольствия. И я беру её.

Кошечка мурлыкает и царапается, пока не кончает вместе со мной. Крик будит спящих в траве птиц, и несколько вылетают из гнезд. Сэл вздрагивает.

— Я тебе люблю, киса, — целую нежно в висок, прижимая к себе.

Мы ещё долго лежим в траве, завернувшись в плед, и слушаем ночные звуки.

Кабинет психотерапевта.

Я погружена в глубокий гипноз.

Раз в неделю он копается в моём подсознании, вытаскивая фрагменты прошлого. И они уже довольно ясно складываются в общую картину моей жопной жизни.

Как я могла так себя вести? А поступать?

Мозги у меня вообще есть?!

Голос врача звучит тихо и плавно, успокаивая и убаюкивая.

— Сэл, вы помните самый сильный ваш страх?

— У меня их нет...

— У всех есть страхи. Неужели вы ни разу не боялись?

— Боялась. За Алекса...

— Как это было?

— На него напали три парня и избili, я испугалась, что его могут убить. Смерть Алекса я не переживу. Он мой крестраж.

Мужчина чуть заметно улыбается.

— А вспомните свой самый худший день.

Долгое молчание. Из моих глаз выкатываются слезинки.

— День смерти родителей... Я прилетела домой из Лондона, стояла на парковке такси, когда позвонил друг Антон и сказал, что родителей больше нет. В сердце как будто нож воткнули и повернули. Стало очень больно и нечем дышать, а в голове всё померкло.

— Что вы чувствовали?

— Неверие и пустоту... Казалось, что это просто кошмарный сон, но проснуться не получалось.

— Давайте заглянем в самый счастливый день в вашей жизни. Где вы сейчас?

— Диснейленд, — улыбаюсь.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

Брови психотерапевта взлетают вверх.

— Калифорнийский Диснейленд. Мы с Алексом. Раньше я здесь не была. Это давняя мечта. Мы едим сахарную вату, развлекаемся, смеёмся и ведём себя как дети. У меня в руках шарики, а на голове ободок с ушками Микки Мауса. Аттракционы, парад героев сказок, фейерверк. Удивительно, но я всегда чувствую себя рядом с ним счастливой. Даже когда мы в самом начале не ладили, я получала большое удовольствие от общения с ним. Мне нравилось его внимание, спорить и скандалить. Сначала я этого не замечала, а потом тщательно скрывала...

— Почему?

— Не могла даже себе признаться, что этот парень меня чем-то зацепил. Станный переход. Знаете, говорят, от любви до ненависти всего один шаг. А у нас наоборот. Всё начиналось с неприязни, а закончилось большим чувством. Я всегда старалась избегать заводить отношения на расстоянии, хотя все они были именно такими. Думала, что это разрушит всё. В таком романе всегда присутствует недоверие, что твой любимый человек в твоё отсутствие пойдет налево, начнёт изменять. С Алексом я этого не боялась... Я могла

позвонить ему в любое время и узнать, чем он занимается. Когда мне было плохо — был моим успокоением. Именно он меня и предал. Но это я так думала...

— Что было на самом деле? — тихий голос психотерапевта.

— Его подставил директор. Не знала, что люди могут быть настолько меркантильны, что готовы обмануть друга. Играть чужими чувствами... В тот момент у меня было ощущение, что я умру. Так было больно и паршиво на душе. Но это оказалось комариным укусом по сравнению с тем ударом, который я почувствовала, когда он решил уйти из жизни и прыгнул с балкона. Но изменить ничего уже не могла, я сделала свой выбор, и он был не в его пользу.

— Вы его не простили?

— Простила... Почти сразу... Но не потерять лицо и казаться сильнее, оказалось более важным. Я боялась, что частичка обиды встанет между нами и, в конце концов, уничтожит всё доброе и светлое.

— Что сейчас?

— Я отпустила. Я не хочу жить прошлым. Но помнить хочу, чтобы не повторять, — тяжело вздыхаю.

Грудь сдавливает внутренняя тяжесть.

— Хорошо... Сейчас на счёт "три" вы проснётесь и будете помнить всё, что сказали мне. Три!

***

Алекс стоит, опираясь спиной на машину, когда я выхожу из здания клиники, сразу убирает телефон в карман.

Когда я рядом всё своё внимание старается уделять только мне.

— Как прошёл сеанс?

— Отлично, — улыбаюсь ему, подхожу и обнимаю за шею.

— Ого, похоже, психотерапия действительно творит чудеса, — притягивает за талию к себе.

Я запускаю пальцы ему в волосы и провожу от затылка до лба. Он томно закрывает глаза и издаёт слабый стон.

— Раньше я так часто делала, — произношу тихо.

— Да-а, — тянет он. — Ты вспомнила...

— Не всё, но то, что я тебя безумно любила — да.

Он наклоняется и целует. Нежно, без особой страсти, но этого хватает, чтобы внутри проснулся вулкан.

Но мы на улице и нам нельзя вести себя, как обычная пара. Это я тоже вспомнила.

Ещё нужно ехать в аэропорт встречать Стаську с малышами. Они сегодня прилетают.

— Нам пора, — отстраняюсь от него с большим нежеланием.

Гроу обнимает меня за плечи, моя голова у него на плече, пока мы едем за родственниками. По радио звучит песня. Поёт Алекс. Раньше я её не слышала, но мелодию и слова откуда-то знаю.

— Не думала, что у меня в машине ловит русские станции.

— Это британская волна, — между делом говорит Алекс, переписываясь с кем-то по работе.

— С каких пор твои песни крутят здесь по радио? — удивилась я и взглянула на него.

— С недавних. Это наша песня. Ты что даже не удосужилась её послушать? —

укоризненно смотрит на меня.

— Как-то времени не было...

Он недовольно фыркает.

— Свой бэк-вокал не узнаешь?! Её почти на всех станциях крутят. А поклонники от нас с тобой клип требуют. Но я не хотел напрягать тебя работой...

— Я не больная и могу работать! И как у тебя это получилось?

— Мишка пробил ротацию, победительнице Грэмми не отказывают, — подмигивает мне. — Хотя некоторые не хотели брать, я никому не известен, но кругленькая сумма открывает любые двери. У меня, кстати, послезавтра интервью на радио.

— У тебя? Это же круто!

— Знаю. Хочу, чтобы ты пошла со мной, — прижимает к себе сильнее. — Если бы не ты, то ничего бы этого не было.

— Неудобно... А если мне вопросы начнут задавать? Я же не знаю, что отвечать. Не помню...

— Побудешь за кадром, — чмокает в нос. — Мне поддержка твоя нужна. Моральная.

— Хорошо... Но с меня получится плохой болельщик, — улыбаюсь ему. — И ещё. Клип надо снять, я ведь актриса как-никак. Думаю, с этой ролью я смогу справиться.

— О'кей. Попрошу Мишку, чтоб собрал команду для съёмки. А с тебя сценарий.

— Сценарий? — таращусь от удивления на Алекса.

— Да, ты сама их пишешь. Шесть лет назад мы не сняли клип именно из-за этого. Не уступили друг другу в идее. Ты настаивала на своём, я на своём, компромисса мы не нашли.

— Дичь, какая, — закрываю лицо рукой. — Я вспомнила на сеансе, что мы с тобой друг друга терпеть не могли.

— Говори за себя, — бросает на меня короткий взгляд и снова отвлекается на телефон. — Я к тебе с первой встречи интерес проявлял. Но ты уперлась и не хотела со мной общаться, чуть не убила.

Я смеюсь. Тот удар я отлично помню.

— Извини, — целую его.

Гроу бросает телефон, обнимает меня и целует в ответ. Глубоко и до умопомрачения.

***

— Алекс! — бегут нам навстречу двое детей, широко раскинув руки.

Гроу приседает, подхватывает на бегу сразу обоих и поднимает на руки.

— Привет, бандиты! — целует в щёчки по очереди.

— Алекс, отпусти их! Спину надорвёшь! — ругается Стаська.

Но он не слушает, так и стоит с ними в обнимку.

— С тётей здороваться не надо? — спрашивает у них.

Они одновременно машут мне ручками и широко улыбаются.

Оба русые и кареглазые. В Оле я улавливаю сильное сходство со мной. И волосы. Они ниже пояса. В её возрасте у меня были чуть длиннее.

Арс спрыгивает с рук Алекса и берёт меня за руку.

— Тебе уже лучше, тётя Ань?

— Да, малыш, лучше, — треплю его по голове.

Жестом показываю охраннику, чтобы он взял чемоданы у Стаськи.

— Почему они тебя зовут просто Алекс, а меня тётя Аня? — дергаю Гроу за рукав, когда идём к машине.

— Чувствую себя старым от приставки "дядь". Меня и так поклонники им называют, так что детям разрешено называть меня просто по имени.

— Старым? — возмущаюсь. — Я младше тебя!

Он смеётся, сильнее прижимая к себе Лёлю.

— Вы с ума сошли! — голосит Стаська. — Вы что из комнат сделали? Они максимум на месяц приехали, а вы всё игрушками и вещами забили.

— Это не я! — выставляет руки Алекс. — Я ей говорил! — тыкает в меня пальцем.

— Господи, раздули из мухи слона! Зато дети в восторге. Алекс, ты останешься с ними за няню, мы со Стасей поедem в салон.

— Ладно, — быстро соглашается.

— Его можно с детьми оставлять? — кошусь с подозрением на сестру.

— Что? — подсакивает Гроу.

— Можно, — успокаивает sister.

Алекс корчит довольную гримасу.

— Тогда собирайся, мы через час записаны. А то мои волосы уже на мочалку похожи.

— Я так понимаю, даже амнезия не смогла заставить тебя забыть любовь к Алексу? — растягивает улыбку Стаська, когда мы входим в лифт.

— Он мне настырно о ней напоминал каждый день, — нажимаю на кнопку первого этажа. — Утром психотерапевт выудил из моего мозга воспоминания о нём. Мне это помогает, но Алекс прав, память тела не стирается. И вообще картинки в голове стали задерживаться на дольше и более красочные.

— То есть ты вспомнила, что у вас был переход от лютой ненависти к любви неземной?

— Алекс сказал, что это было только у меня, он влюбился с первого взгляда. А я видимо, обречена, влюбляться в него снова и снова, — выходим и отправляемся к машине, дежурившей у подъезда. — Я просматривала фотографии с вашей с Антоном свадьбы вчера. Как так получилось, что вы вдруг поженились?

— А как люди женятся? Встречаются, влюбляются. Потом рождаются дети, — разглядывает что-то за окном сестра.

— О твоей тайной любви к Антоше я знала, но никогда бы не подумала, что и он тоже. Как у вас завертелось?

— После твоего отъезда он присматривал за фирмой, как там работают, следил, чтобы мои деньги не украли. Бывал у нас в доме. Сначала мы общались так же, как и ты с ним, по-дружески. А ночью, когда мне исполнилось восемнадцать, он взял меня с собой на гонки. Я была под таким впечатлением от увиденного, адреналин пёр как из фонтана, что поцеловала его. На следующий день Антон прислал мне букет цветов и пригласил на свидание. Так и закрутилось. Он красиво и романтично ухаживал, а через месяц в любви признался. Сначала всё делали тайком, чтобы бабушка не видела, боялись, что она не одобрит наш роман, он же старше меня на десять лет. Но шило в мешке не утаишь — узнала и разрешила нам встречаться.

— А как я к этому отнеслась?

Стаська заливается смехом.

— Ты его чуть доской не убила, когда застукала нас в моей мастерской. Он тогда не на шутку испугался. Ты была, как тигрица, защищающая своего котенка. Нас спасло то, что мы были обручены, и ты торопилась на день рождения к Алексу.

— Я поймала букет на вашей свадьбе?

— Да, — подтверждает, качая головой. — И действительно вышла замуж первой из

всех, кто там присутствовал. Жаль не за того, кого любила... — с грустью.

— Иногда мы делаем неправильные шаги...

****

Войдя в квартиру, после восстановительного отдыха в салоне, обо что-то спотыкаюсь. Наклоняюсь и поднимаю игрушечного зайца.

Мы с сестрой ужасаемся.

Бардак в квартире — это слабо сказано. Погром!

Кругом валяются игрушки, вся лестница и гостиная как паутиной окутаны туалетной бумагой. На окнах красуются следы краски в виде отпечатков ладоней.

Мимо нас с криком, завёрнутый в белую простыню, проносится Арсений. Вбегает на лестницу, спотыкается, падает, поднимается и карабкается вверх. Шум доносится оттуда.

— Что это было? — округлив глаза, смотрю на Стаську.

— Материнские будни... — пожимает она плечами и идёт на второй этаж.

— Абзац! — осматриваю разгром вокруг и направляюсь за ней.

В комнате Оли эти маленькие монстры завалили Алекса на пол и пытаются его связать. Он понарошку отбивается.

— Кусаться мы не договаривались, — взывает, когда Лёлька цапнула его за палец, так как очередная попытка замотать ему руки окончилась неудачей.

— Вы что здесь устроили? — громко рявкает на них Стаська.

Все трое сначала замирают, а потом садятся.

— Это она! — тыкает пальцем в сестру Арс.

— Это он! — переводит стрелки Оля.

— Это они! — указывает на обоих Алекс.

Я провожу рукой по лицу.

Звездец!

Не удивительно, что все окна в краске. Они разрисованные с головы до ног. Мебель в ярких пятнах. Придётся химчистку вызывать. Ковер точно теперь чистить надо.

— Ну, ладно эти, они дети. Но ты, Алекс! — ворчит Стася, оттаскивая от него детей.

— А он от них мало чем отличается, — хмурюсь, глядя на Гроу, и скрещиваю руки на груди.

Он показывает язык.

Точно деточка...

— Теперь поднимайтесь и идите всё убирать, здесь прислуги нет! — командует сестра.

Все трое встают и, опустив головы, идут сначала в ванную смывать боевой раскрас, а потом собирать мусор.

— Хочешь ещё детей иметь? — спрашивает у меня Стаська, когда мы наблюдаем за троицей, которые складывают игрушки в корзины.

— Да, у меня, похоже, и так есть, — киваю в сторону Алекса.

Сестра заходится смехом. А Гроу кидает на нас недовольный взгляд.

— Убирайте-убирайте. Устроить в квартире бардак вы мастера, а навести порядок — нет? Поактивнее! — подбадриваю их. — Объясни мне, как они их туда зашвырнули? — показываю глазами на люстру, на которой болтаются детские шорты.

— Без понятия! — давится смехом Стаська.

Через час разбросанные вещи убраны на места.

Доверять чистку и влажную уборку этим трём не стали. Что смогли, смыли сами с

сестрой.

— Завтра вызову клининг и химчистку, без них мы эти пятна не выведем, — про следы краски на диване, креслах и ковре. — Откуда вообще они взялись?

— Это мы привезли, — виновато смотрит сестра. — Лёля ходит в студию, учится рисовать.

— Значит, нужно купить мольберт! А то такими темпами нам придется ремонт делать и самим на улицу переехать. Ужин тоже готовить уже поздно, — гляжу на наручные часы. — Поэтому предлагаю сходить и поужинать в ресторан.

— Почему бы и нет, — согласна сестрёнка.

Посещение с детьми ресторана — это то ещё испытание. Не думала, что мои племянники такие непоседы.

Пару раз, глядя на спокойствие сестры, мне показалось, что она под феназепамом. Как ещё можно объяснить её невозмутимость.

Или она настолько отрастила дзен, что её уже ничто не волнует?

Поняла одно — в следующий раз мы пойдем в место, где есть специальная детская зона, в которой эти двое смогут слить излишки бурной энергии.

Всё же часам к десяти Лёлька и Арс устают и, придя домой, после водных процедур, быстро засыпают.

— Прямо ангелочки, когда спят, — наблюдаю, стоя у двери, за тем, как Алекс укрывает одеялом свою крестницу.

— Они дети, Сэл, — выходит и закрывает плотно дверь. Я попадаю в кольцо его рук. — Когда ты поправишься, мы вернёмся к разговору о наших.

— Зачем? У меня есть ты. Сегодня я убедилась, что ты по уровню развития не далеко от них ушёл, — отпускаю едкую шутку, за что получаю шлепок по заднице. — Вы, мистер Гроу, руки распускаете?!

— Я ещё и губы могу распускать, — откидывает мои волосы назад и впивается поцелуем в шею.

— Алекс, перестань! — тихо протестую, чтобы не разбудить детей. — Засос останется!

— И пусть! Это как моё личное клеймо. Чтобы все знали, что ты занята.

Целуя в губы и подталкивая меня вперёд, мы доходим до дверей его спальни. Так же, не отрываясь друг от друга, на ходу запираем замок и падаем на кровать.

В эту ночь я почувствовала себя немного родительницей, потому что заниматься любовью пришлось тихо, боясь разбудить малышей.

Волнуюсь жутко. Концерты за границей приходилось давать и не раз, а вот интервью впервые.

Сэл держит за руку в поддержку. Не отпускает, даже когда мы выходим из машины и направляемся в студию радиостанции.

Удивительно, но она сразу идёт в верном направлении.

— Откуда ты знаешь куда идти? — задаю ей вопрос.

— Не знаю, но чувствую, что надо туда.

Нас встречает работник радио и проводит в небольшой кабинет. На диванчике уже расположился Мишка.

— Твоё время через полчаса. И не дергайся, — смотрит на то, что я постоянно потираю ладони. — Вопросы я согласовал, ничего провоцирующего не зададут.

— Всё равно немного нервозно, — кошусь на Сэл.

Она ведёт себя совершенно спокойно, просматривая что-то в телефоне.

Странно как-то... Понимаю, что не ей придётся быть в кадре и сидеть за микрофоном, но она будет рядом и внимание обязательно привлечет.

— Нормально всё будет. Сэл только в разговор не втягивайте, если узнают, что у неё потеря памяти, такой шухер будет, — прикладывает руку к лицу. — Она же проколется на любом вопросе.

— Почему это? Я уже многое знаю о себе по вашим рассказам и из интернета. И вспомнила достаточно много.

— Ладно, как у тебя дела в бизнесе? — огорошивает её вопросом.

— Нормально, наверное...

— А конкретнее?

— Откуда ж я знаю! — взрывается Сельванна.

— Вот и первый провал, — подытоживает Миша. — Ты о своей работе ничего не знаешь.

— Ладно тебе, Миш, напрягать её этим, — прошу его. — Разберётся со временем. Как-то же она построила компанию.

— У неё был интерес и стремление. Надеюсь, скоро твоя жизнь вернётся в прежнее русло, — смотрит на Сэл.

Заходит девушка и говорит, что до моего эфира десять минут.

Пиздец! Волнуюсь как в первый раз. По-моему, я даже тогда так не нервничал.

Волнение уходит, как только нога переступает порог студии. Там за меня переживают Мишка и Сэл. Было пару заминок с моим непониманием англоязычного слэнга, но здесь они меня тоже выручают. И всё идёт отлично до того момента, пока мне не задают вопрос — были ли у тебя романы с поклонницами? Тут я глубоко промахиваюсь, так как не знаю, что ответить.

Нахмуренный взгляд Сельванны требует честного ответа.

— Эмм... Я такого не припомню... В моей жизни серьёзные отношения были всего пару раз. Ко всем остальным девушкам я относился несерьёзно. Часто я даже имена не запоминал.

— Уоу! — неодобряюще.

Мишка показывает знаками, что это излишняя искренность, а Сэл прячет лицо за руками.

Поздно... Прямой эфир, назад не отмотаешь. И это правда жизни...

После эфира Мишка прощается и уезжает на студию.

— Почему не сказал, что тебе через пару недель нужно быть в Нью-Йорке? — с укором глядит на меня Сельванна.

— Что бы это изменило? Твоя память вернётся быстрее?

— У тебя контракт.

— Мы договорились на отсрочку в месяц, — беру её за руку и целую в ладонь. — Домой?

— Нет. В офис, — вдруг отвечает она.

— В офис?

— Мишка прав. Я ничего не знаю о своей работе, компании. Не могу же бросить своё детище на произвол судьбы. Пора преступать к делам.

— Хорошо... Будет трудно.

— Я знаю... — растягивает улыбку.

В офисе нас действительно никто не ждёт. Молли сильно удивляется, увидев начальницу на пороге приемной. Ещё и не в деловом костюме, а в джинсах и худи.

Сэл озирается по сторонам, не понимая куда идти. Я открываю её кабинет и пропускаю внутрь.

— Миссис Мэдлтон, что-то принести? Кофе? Чай?

— Как обычно, Молли, — отвечаю за Сельванну.

— Хорошо, — кивает головой и скрывается за дверью.

— Как обычно — это как? — вопросительный взгляд.

— Большая чашка черного кофе для тебя и со сливками для меня.

— Охренеть! — громко произносит и подходит к шкафу со статуэтками премий. — Я читала в интернете и Стаська рассказывала, что они здесь. Не думала, что их так много! — осматривает горящими глазами свои трофеи. — Здесь даже из Кореи и Японии есть, — приглядывается к надписям.

— Да.

— Ух, ты! Россия тоже не обделила наградами, — указывает на одну из полок.

— Представляешь, как всех в стране шокировала новость, что русская актриса собрала почти весь букет наград за роль в фильме, а ещё и Грэмми в придачу?

— Представляю!

Заходит Молли с подносом и ставит его на стол.

— Что-то ещё? — у меня.

— Нет. Если понадобится, мы позовём.

— Хорошо, — тихо выскальзывает из кабинета.

Сэл берёт чашку, отпивает и медленно протягивает:

— Отличный кофе!

— Да, — беру свой. — Молли его отменно варит.

— Похоже, я держу её только из-за этого, — возвращается к своему столу.

Прокручивается к окну, сидя в кресле.

— Ночью из этого окна вид наверняка захватывающий.

— Не знаю, мы допоздна не засиживались ни разу, — приседаю рядом.

— Хочешь сказать, что пыль со стола мы здесь не протирали? — похотливо ухмыляется.

— Нет...

— Упущение, — пробегается пальчиками по моему бедру.

От её грязных намёков и прикосновений кровь стучит в висках.

Я ставлю чашку на стол, упираюсь руками в подлокотники кресла и льну к губам Сэл.

Одну руку перемещает на её затылок и прижимает сильнее, запуская пальцы в волосы.

Ммм... Обожаю их. И её, и её волосы...

В дверь стук.

Я с неохотой отстраняюсь от Сельванны. Она открывает глаза, но взгляд мутный.

Возбудилась...

— Войдите, — разрешает осипшим голосом.

В кабинете появляется финансовый директор.

— Добрый день, миссис Мэдлтон.

— Здравствуйте! — бросает растерянный взгляд на него, потом на меня.

Я губами шепчу ей, кто это.

— Я принёс документы на подпись, это важно. Нужно оплатить драгметаллы и камни, без вашей личной подписи никак.

— Давайте сюда, я посмотрю, — протягивает она руку.

Сэл открывает папку и просматривает всё досканально.

— Зайдите позже, — не смотря на него. — И Молли попросите зайти.

— Хорошо, — исчезает.

Взволнованная Молли не знает, что от неё хотят, поэтому вытягивается стрункой и ждёт распоряжений.

— Дай мне документы со всеми актуальными на данный момент расценками на металлы и камни, — просит её Сэл.

— Сейчас, — убегает к себе и возвращается через пять минут с необходимым прайсом.

— Что ты ищешь? — спрашиваю заинтересованно.

— Не знаю... Но я что-то понимаю в этом.

Она несколько раз сверяет цифры в бумагах, что-то считает на калькуляторе в телефоне. Потом задумчиво откидывается в кресле. Её глаза бегаю, будто она просматривает невидимый мне фильм. По лицу скользит ухмылка сосредоточенности, явно прикидывает всё в голове. Она опять погружается в подсчёты.

— Что? Не сходится? — нарушаю тишину.

— Не сходится, — нажимает кнопку вызова финдиректора у себя на столе.

Кнопок несколько и все подписаны.

Мужик получает взбучку, долго оправдывается, что просчитался. Выговор и приказ переделать документы в кратчайшие сроки.

— А ты грозный и дотошный начальник! — смотрю на неё после услышанной тирады.

— Ты слышал, какие там суммы? А он нолик лишний случайно приписал, — злится Сэл.

— Хорошо, что ты заметила.

— Видимо мне нужно всерьёз заняться компанией. Даже если я не помню, это не значит, что не могу работать. Построила же я как-то всё, — обводит руками кабинет, — с нуля... И ещё раз смогу.

— Я помогу... — сажусь на стол перед ней.

— Ты в этом что-то понимаешь?

— Я разбираюсь в новых модных тенденциях, — подмигиваю.

Она встает, раздвигает мои колени и устраивается между ними, обхватив моё лицо руками.

— Я люблю тебя, Алекс!

Меня от этих слов как током шарахает.

Она произнесла их впервые после падения.

В груди жутко печёт. И я сейчас совершенно не готов здраво мыслить, у меня все реалии вокруг одной фразы крутятся.

— Я тебя тоже очень сильно люблю! И ничто это не изменит.

Выходя из офисного здания вечером, перед тем как сесть в машину Сэл оглядывается по сторонам, иногда пристально всматриваясь в темноту.

— Ты чего? — слежу за её взглядом.

— Ощущение что за нами кто-то наблюдает. Мороз по коже...

— За тобой часто наблюдают, — совершенно не удивляюсь этому.

— Нет... Всё как-то по-другому... Не знаю, как объяснить... Ладно, поехали домой, — мотает головой и садится в автомобиль.

Пролетел месяц.

Память постепенно возвращается и я всё чаще, слушая разговоры Алекса и Стаси, понимаю, что мне эти ситуации знакомы.

Почти каждый день я ездила на работу и стала неплохо понимать в своём собственном бизнесе. Параллельно мы успели снять и выпустить клип на нашу с Алексом песню.

Но странным образом меня не покидает чувство какой-то опасности. Мне всюду мерещится, что я под чьим-то пристальным вниманием.

Попросила Мишу вернуть мою охрану. Он удивился, но выполнил просьбу.

Спокойно я себя чувствую лишь дома. Тут охрана не нужна.

На выходные Стаська с детьми решает перед отлётом домой съездить в другой город на экскурсию. Ей приспичило сделать серию фотографий, а мелким не мешает побывать на свежем воздухе поближе к природе. В Великобритании она потрясающая.

Вечер и мы смотрим с Алексом фильм.

Звонок в дверь.

Он уходит посмотреть, так как мы никого не ждём.

— Кто там? — спрашиваю у него, когда он взволнованный делает шаг назад от двери.

— Полиция... — растерянно.

— Что за хрень! — открываю. — Господа полицейские, что-то случилось?

Их трое.

— Да, у нас информация о вашей сестре. Мы можем войти? — один из них невозмутимо и официально.

— Да, конечно... — пропускаю их в квартиру.

Внутри селится нехорошее предчувствие.

— Что-то случилось? Мы разговаривали с ней утром, всё было нормально, — рассматриваю каждого.

Мне не нравится их вид. Помятые какие-то. Столичные бобби отглаженные и аккуратные.

А от этих веет угрозой.

— Ничего страшного, они попали в небольшую аварию, — отвечает один из них, натягивая улыбку, больше похожую на оскал.

Это вызывает у меня подозрения.

— Извините, а можно ваши документы? — смотрю на него.

Он притравливается к нагрудному карману и вдруг мешкает.

— Алекс, это не полицейские! — кричу я, дергаясь в сторону.

Все трое сразу направляют на нас пистолеты.

— Сели! — приказывает тот, с которым я разговаривала.

Явно главарь шайки. Среднего роста, темно-карие глаза, смуглая кожа, щетина на лице. Про себя я назвала его Первый.

Остальные мало чем отличаются от него. А ещё у всех акцент, но не пойму какой.

— Сейф где? — держа нас на мушке, спрашивает Первый.

— Там, в кабинете... — киваю головой.

Они поднимают нас и ведут под прицелом туда.

Алекс оборачивается на меня, но получает тычок в спину.

— Где? — прикрикивает на меня бандит, когда не видит нигде сейфа.

— В столе.

Первый открывает боковую дверцу в письменном столе, за которой скрыт сейф. Открыть его — непростая задача, скорее даже невыполнимая, если не знаешь пароль. А я его не помню. Сотню раз пыталась это сделать, но не получилось.

— Код какой? — скалится главарь, глядя на меня.

Алекс вдруг закатывается истерическим смехом.

— Чё ржешь? — направляет на него пистолет Второй.

— Не повезло вам, парни. Она ничего не помнит, — продолжает смеяться.

У Гроу истерика, в стрессовых ситуациях иногда бывает.

— В каком смысле — не помнит? — зыркает на него с агрессией Первый.

— У неё амнезия. Она на съёмках упала, треснулась башкой об пол и всё. Два месяца уже, как нихрена не помнит.

Я согласно киваю головой.

— Ну, так значит, мы её сейчас быстро вылечим, — приставляет к моему лбу дуло пистолета.

— Парни, я его тоже пробовала вскрыть, но ни один код не подошёл, — поднимаю руки.

Ситуация настолько патовая, что даже страх медленно покидает меня.

Я понемногу осматриваюсь и прикидываю возможные варианты побега. Останавливает одно — Алекс. Сделать это вдвоём будет трудно.

Я припоминаю из уроков самообороны как нужно поступать в таких ситуациях, но нас не готовили к тому, что на мушке будут держать сразу трое.

— Вспоминай! — кричит мне в лицо Первый.

Меня передергивает от неожиданности.

— Не помню я! — изображаю испуг.

Второй наводит пистолет на висок Алекса.

— А так быстрее получится? — скалится он в дикой усмешке.

— Вы думаете, я бы рисковала нашими жизнями ради того, что лежит в этом ящике? Да никакие деньги этого не стоят! Я же не сумасшедшая! Я реально не помню код!

Первый нервно начинает ходить по кабинету из угла в угол.

В этот момент мне в голову приходит странная мысль.

Почему они не в масках?

Ведь мы запомним их лица и выдадим настоящим полицейским.

От догадки по спине пробегает мороз...

Они не выпустят нас живыми... Поэтому не прячут лица.

Я выворачиваюсь сбегать, но тут же получаю сильный удар в голову, от которого покачиваюсь и оседаю на пол. Перед тем, как потерять сознание, слышу звуки возни и хлопок.

****

— Нахрена ты в него стрелял? — спрашивает на сербском языке Первый, глядя на тело Алекса на полу.

У Гроу слева, чуть выше сердца отверстие от пули, из которого тонкой струйкой сочится кровь.

— Он здоровый! Я бы его не вырубил, — отвечает взволнованно Второй. — Он драться полез. Её защищал, — кивает на Сэл.

— Оттащите его отсюда куда-нибудь, — командует Первый.

Двое других берут Алекса и за ноги волокут в ванну на первом этаже.

— Девку тоже спрячьте, чтобы не отсвечивала здесь, — опять приказывает им, когда они возвращаются.

— Красивая зараза... — облизывается Третий, проводя пальцем в перчатке по щеке Сельванны.

— И богатая. Забыл, зачем мы здесь?

Третий волочит Сэл на кухню и оставляет на полу между гарнитуром и разделочным столом.

— Надо осмотреть квартиру. Наверняка есть какие-то украшения в комнатах, — показывает на потолок главарь, намекая на второй этаж.

Двое отправляются рыскать по спальням, а он остаётся и пытается подобрать код к сейфу.

— Fuck! — удар кулаком в дверцу, после очередной неудачной попытки.

Достаёт телефон и звонит своему приятелю, который разбирается в сейфах.

Тот примчался довольно быстро.

Небольшого роста прыщавый парень лет двадцати с взъерошенной шевелюрой.

— Издеваешься? Это Onix Tantalum! — шокировано смотрит на Первого.

— И что?

— У него защита от взлома и пожаров. Электронный замок.

— Значит, не откроешь?

Медвежатник неопределенно качает головой.

— Придётся повозиться...

— Время есть. Сюда никто не явится, — садится в кресло Первый.

— А хозяйка где? — вынимает из сумки взломщик ноутбук.

— Парень на тот свет уже, наверное, отправился в ванной, а девка где-то в кухне валяется.

— Вы их грохнули? — таращит на него глаза медвежатник. — Я на мокруху не подписывался! — закрывает ноут и собирается уйти.

— Куда? — пистолет на него, щелчок предохранителя. — Или открываешь сейф, или отправляешься вместе с ними на тот свет.

Медвежатник снова расчехляет лэптоп и подключает его к сейфу. В несколько кликов запускает программу по взлому паролей.

На экране побежали цифры и буквы.

Сверху спускаются Второй и Третий, выкладывают на стол улов из нескольких кредитных карт, около тысячи фунтов наличными и украшения повседневной носки, шесть часов Rolex.

— И всё? — оценивает находку Первый.

— Всё. Есть ещё бабская бижутерия. Но нахрен она нам нужна?! И так в основном всё в шкафу мужика нашли. Похоже, они по отдельности живут, — отвечает Третий.

— Мне насрать как они живут! — орёт главарь. — Это ни о чём! — сгребает в кулак найденные украшения.

— Наверное самое дорогое в сейфе держат, — предполагает Второй.

— А его ещё открыть надо, — боязненно ухмыляется медвежатник.

— Вот и работай! — срывается Первый.

****

Уже два часа программа подбирает числа и открыто только три из них.

— Почему вы не выбрали код из них? — интересуется взломщик.

— У суки амнезия, а это её сейф, — дёргается Первый.

Вся обстановка его очень напрягает.

Второй листает одну за другой книгу в поисках возможно записанного где-то шифра. А

Третий крутит на пальце пистолет. Потом встаёт и молча идёт к двери.

— Ты куда? — рыкает на него главный.

— Пойду бабу проверю, вдруг в себя пришла, — скалится.

— Не вздумай её трогать! А то я знаю тебя извращенца, любишь ты тёлочку без сознания трахать, — грозит ему. — Если нас поймут, — крестится, — нам вышак за неё дадут.

Сдохнем в тюрьме.

Медвежатник напрягается и ёрзает на стуле.

Третий уходит.

Сельванна стоит спиной к нему, приложив одну руку к виску с мокрым полотенцем, во второй руке держит что-то.

— Эй, — окликивает её Третий.

Быстрый разворот. В воздухе что-то свистит и со жгучей болью входит в грудь.

Он падает навзничь на пол и корчится.

Туман в голове рассеивается и сознание возвращается. Дикая невыносимая боль в правой части головы пробивает насквозь. Немного тошнит и кружится голова. У меня опять сотрясение. Такими темпами мои мозги скоро в сливочное масло превратятся, а овощем быть как-то совсем не хочется.

Медленно поднимаю руку и ощупываю висок. На пальцах что-то липкое. Подношу руку к глазам, собирая взгляд в фокус. Это кровь...

Чтоб вас уродов...

Поворачиваюсь на бок, прикасаясь больным местом к холодному кафельному полу. Наступает лёгкое облегчение. Я на кухне, судя по ножкам мебели.

Опираясь спиной на стенки, с трудом поднимаюсь и сажусь.

Пытаюсь вслушаться, но в голове гул и я почти ничего не слышу. В мозгу всплывают воспоминания, как кадры со вспышками, мелькают одно за другим.

Все!

Я вспомнила всё! Всю свою жизнь. Даже то, что вывалилось из памяти, как ненужное. До мельчайших подробностей.

А ещё вспомнила, что на нас напали. В доме грабители. Внутри появляется паника.

— Возьми себя в руки... — приказываю шепотом себе.

Где Алекс?

При мысли о нём страх забирается под кожу.

Мне показалось, что перед тем, как отключиться был выстрел.

Или это моя больная фантазия со мной играет?

Надо набраться силы и подняться...

С невероятным усилием мне удастся это сделать.

Дотягиваюсь до полотенца и мочу его под краном с холодной водой. Протираю лицо, чтобы взбодриться и окончательно прийти в себя.

Голова жутко ломит... Где-то должны быть таблетки Алекса. Открываю дверцы гарнитура в их поиске. Вот они стоят на верхней полке. Проглатываю сразу две.

Замираю, приложив полотенце к виску. Спустя немного времени слышны чьи-то шаги сзади.

Бросаю взгляд на глянцевую поверхность кухонного шкафа.

Один из ряженных...

Значит, они ещё здесь...

Глаза цепляются за подставку с ножами передо мной.

Отлично!

Вспомним уроки по метанию. Протягиваю руку и медленно вытягиваю один из ножей. Самый большой, который точно нанесёт ему ранение.

— Эй! — окликивает меня.

Мужик прямо за мной, нужно только повернуться на сто восемьдесят градусов и сделать бросок. Что я и делаю. Быстро, без промедления, чтобы не заметил и не опомнился. Как учили.

Нож входит в грудину около плеча, пробив лёгкое. Вор падает плашмя на спину.

Отбрасываю полотенце в сторону и подхожу к нему.

Он корчится от боли на полу, пытаясь вытащить нож, возможно, чтобы ударить меня.

— Не советую это делать, сдохнешь быстрее, — наклоняюсь и вытаскиваю у него из расстегнутой кобуры пистолет, приставляю к его голове одной рукой.

Он перестаёт дёргаться.

Второй хлопаю по его карманам в поисках запасной обоймы. Вот она, в заднем кармане. Вытаскиваю и запикиваю себе в карман.

— Кто ты? — таращит на меня глаза.

— А ты не знаешь? Я думала, вы ко мне не просто так вломились. Это же вы следили за нами? — догадываюсь я.

— Работаете как бывалый киллер... — хрипит Третий, в горле слышится бульканье.

Кровь ищет выход.

Херово...

— А ты думал, я в кино понарошку дерусь и стреляю?

— Да...

— А тренируют нас по-настоящему. Не один боевик на моём счету, оружием я пользоваться умею. Видел бы ты, как я катаной орудую...

Он опять тянется к ножу.

— Вытащишь, ускоришь свой конец, истечешь кровью и довольно быстро. А так есть шанс дожить до приезда парамедиков, — надавливаю ногой на его руку.

Он отпускает ручку ножа.

— Молодец, лежи и не дергайся. Остальные где?

— В кабинете сейф вскрывают... — булькает он.

На губах появилась кровавая пена. А в моей голове странное чувство помутнения.

Соберись! Не сейчас! Не время твоего фетиша.

— Там ничего нет, кроме документов.

— Как? Ты же глава ювелирной компании.

— И что? Решили, я всё дома храню? Здесь только недорогие украшения. Всё в банковских ячейках. У меня даже наличности нет, все деньги на картах. Так что твои друзья зря пыhtят. Сколько их?

— Трое...

Парень за время разговора всё больше и больше бледнеет. Потом начинает кашлять кровью и отключается.

Забиваюсь за стол, так, чтобы он в поле зрения не попадал. Надо дождаться, когда отпустит помутнение от вида крови. Мне нужна холодная голова, а не кривые мозги.

Но и высидеть времени нет, Алекс может быть ранен.

Я встаю и проверяю патроны в обойме пистолета. Полная.

Тихо, не издавая шума, прокрадываюсь к двери кабинета. Она приоткрыта.

Главный сидит в моём кресле за столом и что-то листает.

Ещё один расположился в кресле рядом и следит за бегающими на экране цифрами. Второго не видно, скорее всего, он на диване слева от двери. Это плохо. Надо ждать момента, когда они будут вместе, иначе есть большая вероятность получить пулю самой.

Из кабинета ведёт кровавая дорожка до ванной.

Господи, Алекс!

Зажимаю рот рукой. Внутри всё съезживается от ужаса. В голове пульсирует кровь и животная злоба.

Они убили Алекса! Моего Алекса!

Я зажмуриваюсь, пытаюсь сдержать слёзы. Не время раскисать.

Я следующая, если ничего не сделаю. А за Гроу я вас поубиваю, суки!

Бросаю взгляд в щель между дверью и стеной. Все трое собираются у стола спиной ко мне.

Метнувшись, открываю ногой дверь и стреляю три раза. Первому попадаю в шею, Второму в правую руку, а третья пуля разбивает ноутбук.

Второй попытается в меня выстрелить левой рукой, но у него не получается. Чтобы не мучился выстрел ему в коленку. Он взывает от боли и оседает рядом с Первым, который хрипит на полу, зажимая рукой ранение.

Взломщик забивается в угол у шкафа и трясётся от страха.

— Пожалуйста, не стреляйте! — умоляет меня. — Меня попросили только открыть сейф. У меня мама...

Мама... Вечное оправдание. Старо как мир.

Одной рукой держа его на прицеле, набираю код от замка. Дверца открывается.

— Там ничего нет, — показываю ему.

Он закрывает лицо руками и дрожит.

— Пожалуйста... Пожалуйста... — повторяет, как заведённый.

Я опускаю оружие.

Выйдя из кабинета, подпираю дверную ручку стулом, чтобы не смогли выйти. Сомневаюсь, что кто-то из них это сделает.

Бегом до входной двери, нажимаю на кнопку сигнализации и открываю замок. Полиция должна приехать максимум через десять минут.

Сама в ванную.

Алекс лежит на полу в луже крови. Много крови... Она вытекает из отверстия в груди.

Душу как будто хватают ледяными руками и сдавливают.

Я бросаю пистолет и опускаюсь на колени рядом с ним. Губами ко лбу.

Он бледный, как полотно, и ужасно холодный из-за потери крови.

Сгребаю в охапку все полотенца и халаты, что были там и пытаюсь его укрыть, согреть.

— Алекс, родненький, не вздумай умирать, прошу тебя, — хлопаю по лицу.

Он не реагирует.

Трясущейся рукой прикладываю пальцы к сонной артерии.

Пульса нет...

— Не смей, слышишь?! — трясу Гроу. — Не смей бросать меня здесь одну!
Слёзы ручьём катятся из глаз...

— Алекс, пожалуйста, не уходи от меня... — оседаю рядом от безысходности.
Душа разрывается на части от боли. Я не хочу больше никого терять...

Нет!

Я должна бороться!

Рывком расстегиваю ему рубашку на груди, так что пуговицы разлетаются в разные стороны.

Руки крестом и делаю несколько нажатий в области сердца. Затываю нос и выдыхаю воздух в него. Опять качки и снова выдох. Всё, как учили когда-то.

Не помогает. Пульс не прощупывается.

Двумя пальцами нахожу мечевидный отросток на груди. Набираю в грудь воздуха и ударяю кулаком выше пальцев.

Алекс издаёт хрип.

Прижимаю снова пальцы к сонной артерии и превращаюсь в одно большое чувство осязания. Появляется слабый пульс.

Глоток воздуха и выдох ему в рот. Он хрипит сильнее. Ещё раз.

— Давай, милый, дыши! — торможу его.

Грудная клетка Алекса немного поднимается.

В гостиной раздаётся грохот, шум и крики забегающих людей.

— Стоять, полиция! — влетают в ванную двое полицейских.

— Срочно нужен врач! — кричу им до того, как мне заломили руки.

Всех раненых увозят в больницу, взломщика в Скотланд-Ярд и меня вместе с ним.

Я молюсь, чтобы Алекс выжил, мне плевать на тех троих, что вломились в мой дом. Ни капли жалости к ним — они сами виноваты.

Мне даже на себя плевать, хоть у меня и серьёзные неприятности.

Неприятности?

Не утрируй!

У тебя огромные проблемы!

***

Комната допроса.

Меня пристегнули наручниками к столу как преступницу.

Серые мрачные стены давят, нагнетая обстановку и натягивая нервы, как струны. Так себе атмосфера...

На одной из стен большое зеркало. Фальшзеркало... С другой стороны оно прозрачное и за мной там точно кто-то наблюдает. Чувствую это.

В помещение входит мужчина, в таком же, как стены, сером костюме. Лет сорок с небольшим, среднего роста, светлый шатен с проседью на висках и холодными серыми глазами. Типичный английский коп.

— Я капитан Питер Боуман, — представляется он. — Буду вести ваше дело, — садится на стул напротив.

— Наручники можно снять? — киваю на оковы. — А то мне кажется, что это меня

хотят упечь в тюрьму.

— Да, конечно, — достаёт из кармана ключ и открывает замок.

Тру онемевшие запястья.

— Спасибо!

— Ваш адвокат будет с минуты на минуту, — цедит он, разглядывая меня.

— Пока его ждём, можете сказать, как дела у раненого парня, что был в ванной?

— Алексея Громова? — читает он имя в документах.

— Да.

— Его оперируют... Врачи дают большую вероятность того, что он выживет, не смотря на большую потерю крови.

Я облегчённо выдыхаю.

— Он ваш бойфренд? — косится на меня исподлобья.

— Да.

— Ему повезло, вы достали его с того света. А вот тому парню, в которого вы воткнули нож, нет. Он скончался по дороге в больницу.

— Извините, но жалеть его не буду, как бы это странно не звучало. Но раскаиваюсь...

— Я понимаю... К вам в квартиру вломились, вашего парня тяжело ранили. Вы защищали себя. Но прокурор считает иначе... Вы дважды выстрелили в одного из грабителей, а это покушение на убийство. — Произносит он ровным тоном. — Если он не изменит своё мнение — вас будут судить.

Мои брови взлетают вверх от удивления. Хочу ему ответить, но в комнату заходит мой адвокат, на ходу произнося, чтобы я не давала пока никаких показаний без него.

Допрос длится, как мне кажется, бесконечно. Мы ходим по кругу снова и снова.

Что они пытаются понять? Или на что вывести меня?

Адвокат требует перерыв.

После него приходит ещё и прокурор, и всё начинается по новой.

Меня задерживают на трое суток. Если Алекс не очнётся к тому времени, то возможно срок ареста продлят.

Отлично, блин!

— Не волнуйтесь, я обжалую решение, — заверяет меня адвокат, перед тем, как мне отправиться в камеру.

Славно! Будет время подумать про житие — бытие.

Английский обезьянник — это вам не русские голые нары. С удобствами. Кровать, стол, стул, туалет с раковиной. Даже вай-фай имеется.

Всю ночь лежу, глядя в потолок и с мыслями о том, как там Алекс. Глаз так и не сомкнула.

Воображение рисует страшные картины, которые я тут же отгоняю подальше из своей головы.

Около одиннадцати часов дня меня отводят в зал для посетителей. За столиком сидит Фалькон.

— Миша! — бросаюсь с волнением к нему.

Он останавливает меня, выставив вперёд руки, и кивает в сторону охранника. Близкий контакт — не допустим.

— Как Алекс? — сразу с вопросом, как только мы садимся за стол.

— Нормально... Состояние стабильно тяжёлое, — отвечает немного помедлив.

— Тяжёлое?

— Сэл, он полтора литра крови потерял. Конечно, тяжёлое! И лёгкое зацепило. Но врачи обещают поставить его на ноги через месяц.

— Боже... — прячу лицо в ладони.

— Адвокат работает над тем, чтобы вытащить тебя отсюда. Если бы ты не стрельнула в колено одному из них, то была бы уже на свободе. Прокурор считает, что ты это сделала не по причине самообороны.

— Он пытался в меня выстрелить другой рукой, у него она просто дрожала.

— А вот он утверждает, что ты сделала это хладнокровно.

— Ублюдок! — вырывается у меня.

— Согласен... Если не получится переубедить прокурора и судью, то будем требовать отпустить под залог.

— Они бы убили нас, были без масок. А значит, надеялись, что их всё равно никто не опознает.

— Я понимаю... Сейчас задача адвоката убедить в этом обвинителя. Это сложно... Самое ужасное, что пресса уже пронюхала. Народ разделился на два лагеря: тех, кто за тебя и тех, кто против.

— Этого стоило ожидать... — вешаю разочарованно голову.

— За тебя большинство известных и уважаемых людей. Считают, что ты поступила правильно, защищая свою жизнь и жизнь Алекса. Они поднимут хороший резонанс. Властям придется прислушаться к общественному мнению.

— Закон не переделают под меня. Вспомни, сколько таких прецедентов было. Пару лет назад шумное дело Гилла...

Мишка смотрит на меня с недоумением.

— Ты всё помнишь?

— Да, я вспомнила. Похоже, от их удара мозги встали на место, — потираю огромный синяк от виска до челюсти, закрытый пластырем.

— Это же отлично! — радуется Фалькон.

— Отлично будет, когда я отсюда выйду! Стася и дети должны сегодня вернуться. Не хочу, чтобы они видели квартиру в таком виде.

— Её опечатали. Они пока поживут у нас. Я уже с ними связался.

— Хорошо... Так будет лучше... И держите меня в курсе состояния Алекса.

— Обязательно.

***

Меня отпускают только через три дня под залог.

Прокурор не отменил своё решение — будет суд. Мне грозит как минимум три года, если, конечно, присяжные посчитают меня виновной. А могут и оправдать, на это и надежда.

Мишка отвёз меня к себе домой, где я приняла душ, привела себя в порядок и отправилась в больницу к Гроу.

Рядом с постелью Алекса сидит его мать.

Миша сказал, что родители прилетели сразу же, как узнали о ранении сына.

— Здравствуйте, Татьяна Сергеевна, — произношу тихо.

Она поднимает на меня красные от слёз и недосыпа глаза.

— Ты? — смотрит с ненавистью и презрением. — Что ты тут делаешь? Тебя уже выпустили?

— Как видите, — прохожу к кровати и беру Алекса за руку.

Она холодная и влажная. Грудь полностью замотана бинтами.

Гроу спит. Врач сказал, что утром он пришёл в себя и порывался встать, так что им пришлось уколоть ему снотворное.

— Уходи! — шипит как кобра Татьяна Сергеевна. — Это из-за тебя он здесь...

— Да. Иначе бы мы с вами стояли не в больничной палате, а на кладбище у его могилки.

Она замолкает, но продолжает смотреть со злобой в глазах.

— Если бы ты снова не появилась, то он бы не сорвался за тобой. Женился бы и жил себе спокойно, — заговаривает снова.

— Это был его выбор. Он хотел быть счастливым...

— По-твоему, это счастье? — кивает на Алекса.

— Нет. И у меня, так же как и у вас, сердце кровью обливается, глядя на него в таком состоянии. Но я его люблю! Понятно? — пилю её гневным взглядом. — Знаю, не такую невестку вы себе желали.

— Мы с Алексеем не примем ваш брак!

— Это решать Алексу. Если он захочет уйти, я его держать не буду.

— Алексей...

— Ваш муж ничего мне не сделает! — обрываю её. — Не нужно меня запугивать. Пуганая уже.

— Тоже убьёшь? — ехидно скалится.

— Зачем? Просто предоставлю выбор вашему сыну.

Она выбегает из палаты, оставив нас одних.

— Эй, привет! — глажу любимого по заросшей щеке. — Давай поправляйся, мне тебе так много нужно сказать.

Он будто услышал и с трудом открывает глаза.

— Сэл? — хрипит чуть слышно.

— Да. Это я...

— Тебя не ранили?

— Нет. Со мной всё в порядке. А ты спи... Тебе силы нужны, — целую его ледяные пальцы.

— Холодно...

— Это от потери крови. Я попрошу принести ещё одно одеяло, — собираюсь выйти, но он останавливает слабой хваткой.

— Не уходи...

— Хорошо... — приседаю на край кровати.

Снова глажу его по лицу. Он медленно поднимает руку и кладёт на мою ладонь. Целует в неё.

— Я тебя люблю...

— И я тебя. И запомни ещё кое-что. Ты от меня никуда не сбежишь. Я тебя и на том свете достану, — шутливо грожу ему.

Он вымученно смеётся, но не может это делать долго, забивает кашель.

— Оу, — сжимается от боли.

Ранение и сломанные рёбра. Я перестаралась, делая ему искусственное дыхание. Но врач заверил, что это часто происходит по неопытности, и ничего страшно нет.

— Прости, — вцепляюсь в его руку.

— Нормально... Переживу... Бывало и хуже...

— Да, ты любишь играть с судьбой. Авария... Падение... Сейчас это... Любишь коллекционировать шрамы?

— Не смей меня, мне трудно это делать, — улыбается.

— Спасибо тебе! Ты нарвался на пулю, защищая меня.

— Что с ними? Кто вызвал полицию?

— Я вызвала. Позже расскажу, как всё было, — не нужно ему пока всё знать.

— Мне ещё долго здесь лежать.

— Вот и хорошо. Отдохнёшь... А потом мы пойдём с тобой в тот ресторанчик и закажем суп из хвостов и копыт, для укрепления твоего здоровья, — улыбаюсь ему.

Его лицо меняется.

Глаза забегали, осматривая моё лицо.

— Ты вспомнила? — догадывается он.

— Да. Абсолютно всё...

— Супер!

— Ладно, отдыхай. Я пойду, принесу одеяло, — хлопаю его по руке.

Когда возвращаюсь, он уже спит. Накрываю его, сижу ещё немного рядом, не отрывая от него глаз.

Бледный, осунувшийся, но всё равно красивый и ужасно любимый.

Я обманула... Я не смогу его отпустить никогда из своей жизни. Эта любовь живёт глубоко во мне, в каждой клеточке. Она проникла в ДНК. Поглотила всё вокруг. Мне дышать без него тяжело...

Слёзы прокладывают дорожки на моих щеках. И я их не сдерживаю. Это слезы радости и счастья.

Он жив и он рядом. Мне ничего больше не надо... Все обиды улетучились, показались совсем никчёмными.

Тихонько выхожу из палаты и беззвучно закрываю за собой дверь.

Надо выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Больничная атмосфера давит, а слёзы душат.

Шоркаю ногой в ожидании лифта. Когда створки открываются и все выходят, напротив меня остаётся лишь один человек.

Отец Алекса.

Этого человека трудно забыть, сын очень на него похож. Сейчас я улавливаю явное сходство.

Я захожу и нажимаю кнопку первого этажа. Он пристально гневно смотрит на меня, а

потом неожиданно блокирует лифт.

Я молчу... И так видно, что у мужика пригорает, пусть выговорится. Но он подходит ко мне и сжимает руку на моей шее, перекрыв мне дыхание.

Не шевелюсь... Его можно понять.

— Это ты, сука, во всём виновата, — рычит мне в лицо. — Я тебя сейчас удавлю.

— И кому сделаете лучше? — сиплю сдавленным голосом.

— Никому... Просто избавлюсь от огромной проблемы в нашей жизни, — сжимает руку сильнее и немного приподнимает, заставляя меня встать на цыпочки.

— Не бойтесь, что Алекс вас не простит? — слова выходят с трудом.

— Зато жив будет.

— Не факт... Он уже один раз пытался себя убить. Может и повторить.

Он опять сдавливает пальцы, впиваясь в кожу. В его глазах плескается бешенство, а лицо перекашивает от ярости.

Я хриплю, но не сопротивляюсь.

Громов вдруг ослабляет хватку.

— Ты ему всю жизнь испоганила, тварь! Он должен был жениться на дочери партнёра. А теперь у меня проблемы.

— Так вы за деньги переживаете? — он опять сдавливает шею. — Я вам всё компенсирую. Сколько вы потеряли?

— Дохрена, — с звериным рыком.

— Вы знаете, что у меня есть деньги.

— Сына у меня купить хочешь?

— Он не продаётся. Быть со мной — его выбор. И вы ничего не измените. Но я могу купить ваше спокойствие...

Он отпускает.

Я падаю на колени, меня начинает бить кашель.

Громов смотрит на меня, как на нечто отвратительное, корчащееся у ног более совершенного существа.

— Мы с Алексом любим друг друга, и вы ничего с этим не поделаете. Согласитесь вы или нет — мы будем вместе, — проговариваю с трудом, когда прихожу в себя.

Сажусь на пол и откидываюсь спиной на стенку лифта. Голова кружится от нехватки воздуха.

— Сколько вы хотите? — задаю ему вопрос.

— Засунь свои деньги... — кричит на меня. — Просто исчезни и всё.

— Извините, но не могу исполнить ваше желание. Придётся вам меня терпеть. Но обещаю часто к вам в гости не навещать, чтоб не раздражать своей рожей.

Он хватает меня за грудки и приподнимает, встряхивает как мешок и глядит прямо в глаза.

— Я тебя убью, если ты что-нибудь сделаешь моему сыну! — грозно оскалится.

— А мы с вами одной крови, оказывается...

— Шутить со мной пытаешься? — трясёт меня.

— Да какие шутки! Мы с вами два преступника.

— Я никого не убивал!

— Но мошенник вы знатный, — ударяю ему ребром ладоней по рукам, отчего он их опускает.

В его глазах мелькает растерянность.

— Думаете, я не знаю про ваши махинации и то, что вы себе дорогу взятками и откатами пробиваете?

— Ты не докажешь!

— А мне и доказывать не надо. Достаточно намекнуть, кому надо и они сами всё нароют. С налогами тоже мухлюете.

Он отступает на пару шагов назад.

— Так что не смейте меня пугать, а то запущу динамо-машину вашего банкротства. Проснетесь с голой жопой на тюремных нарах, — разблокирую лифт и снова нажимаю на кнопку первого этажа. — Моё предложение с финансовой помощью всё ещё в силе, — говорю ему, прежде чем выйти из лифта.

— Пошла ты!

Хьюстон.

Ноги гудят от ходьбы по торговому центру. Присев на скамейку, ощущаю жужжание телефона в своей сумочке.

— Да, любимый! — отвечаю на звонок мужа.

— Я тебе уже несколько раз звонил, а ты трубку не берешь! — накидывается с упреками Алекс.

— Извини, я в молле. Здесь очень шумно.

— А я думал, что ты в свой выходной встречаешься с любовником, — отпускает дурацкую шутку.

— У меня только один любовник и я сейчас с ним разговариваю.

На том конце слышится смех.

— Ты не забыла что у нас через две недели годовщина свадьбы?

— Не забыла. Я прилечу в Нью-Йорк, как и обещала, — успокаиваю его.

— Хорошо. Тебя ждёт сюрприз.

— Не надо сюрпризов! — вспоминаю последнюю годовщину в первом браке. — Давай просто поужинаем и проведём ночь вместе.

— Поздно... Я уже всё устроил.

Я шумно выпускаю воздух из ноздрей.

— Не волнуйся. Сюрприз приятный, — чувствует моё настроение. — Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю...

— Пока. Целую!

— И я.

Он отключается.

Через два месяца после выхода Алекса из больницы мы сыграли скромную тайную свадьбу, на которую были приглашены самые близкие люди и друзья. И двадцати человек не набралось.

Помню, как дико волновалась и с нетерпением ждала, когда скажу "согласна". А регистратор, как нарочно, тянул волынку с красивыми пафосными словами о любви и преданности. Клятвы, эти идиотские, которые мы придумывали и меняли раз за разом до дня X.

Алекс не заморачивался, он просто написал стихи и пропел их. Но как же это будоражило, доходя до каждой клеточки.

Любить вечно, пока смерть не разлучит нас...

Мы знаем, значение этих слов, как никто другой.

Родители Алекса не прилетели, были только сёстры. Татьяна Сергеевна и Алексей Алексеевич не приняли меня в семью, даже с сыном стали общаться меньше.

Возможно, новость о внуке или внучке смягчила бы их сердца, но и здесь провал. Стать дедушкой и бабушкой наших детей им не светит из-за моего условного бесплодия. Свекор просто рвал и метал, когда узнал об этом. А приемных они признавать не собираются.

Мы с Алексом не раз уже обсуждали тему усыновления, но нас что-то постоянно тормозит. Обычно это работа...

Во время расследования дела в компании шли плохо, многие считали меня виновной в

смерти одного из бандитов. Продажи упали... Но после оправдательного приговора бизнес стал потихоньку подниматься, а мне посыпались предложения по съёмкам. И я хваталась за них.

Присяжные решили, что мне грозила прямая опасность, и оправдали мои действия. Все обвинения были сняты. Помогла ещё и общественность в лице фанатов, которая встала на мою сторону, устраивая пикеты у здания суда. Поддержка друзей тоже сыграла большую роль. Не думала, что мне будут так помогать.

Спустя месяц мы переехали в Нью-Йорк. Не смотря на кризис в фирме, я рискнула и открыла три ювелирных бутика в Америке. И не прогадала, продажи пошли на ура.

Алекс, как и собирался, выпустил англоязычный альбом. Одна из песен в коллаборации с популярным артистом попала во все мировые хит-парады и в топ сто известного американского журнала о музыкальной индустрии.

Я безумно рада за него... Горжусь!

В день выхода альбома мы объявили о том, что поженились восемь месяцев назад, чем повергли журналистов в шок.

И пусть у меня куча проблем, но я чувствую себя счастливой. Рядом те, кто вместе со мной прошли все круги ада. А главное — рядом Алекс. Его любовь и забота топит все неурядицы, и я знаю, что всё выдержу и справлюсь.

Сейчас ужасно жалею, что семь лет назад не захотела его услышать. Просто поговорить. Возможно, не было бы всего этого, и мы давно были бы счастливы.

Но уже поздно раскаиваться...

***

Отдохнув немного, вспоминаю, что нужно ещё зайти в детский отдел и купить подарок для Давида, сына Мишки и Алёны.

Чудесный мальчишка растёт. Рыженький, весь в мать. Уже отлично лопочет на двух языках.

Бродя среди полок с игрушками и выбирая то, что может понравиться малышу, я случайно натыкаюсь на мужчину, стоящему ко мне спиной.

— Извините, — просит прощения именно он, поворачиваясь ко мне.

— Дэн! — удивляюсь.

— Сэл! Вот так встреча! — искренне улыбается мне.

— Да... Никогда не знаешь, где судьба пересечёт.

— Это точно... — всё ещё улыбается он.

Его карие глаза светятся какой-то радостью и теплом.

— Своему? — бросает взгляд на корзину с игрушками.

— Нет, — смущаюсь я. — Сыну моего менеджера Миши.

— Я помню его, — покачивает он головой.

— У нас с мужем нет детей, — опускаю стыдливо глаза в пол.

Это будто дефект какой-то. Порой ощущаю себя инвалидом.

— Будут...

Я прикусываю губу. Не нужно ему знать о моих проблемах со здоровьем.

— А ты здесь зачем?

— Оу, мы пришли выбрать кукольный домик для младшей дочери, — вздыхает он.

У Дэна их теперь две, пять лет назад Гвен родила третьего ребенка.

— Вот теперь думаю, какой выбрать, — разворачивается к витрине, на которой

выставлены домики.

— Не знаю, как ты, а я бы взяла этот, — указываю на бежево-шоколадный двухэтажный дом, в котором, если убрать полки вполне поместилась бы и я.

Дэн расплывается в удивлённой улыбке.

— Как ты угадала? Я тоже склонялся к нему!

Развожу руки.

Откуда я знаю?

— Он мне больше всех понравился. Надо поискать такой же в Нью-Йорк в подарок племяннице.

— Тогда я точно беру именно его. Спасибо за помощь!

— Да не за что!

— Ты проездом у нас? — спрашивает, когда мы направляемся к кассе.

— Мы здесь фильм снимаем. Ремейк фильма начала двухтысячных...

— Я не знал, что у нас что-то снимают.

— Большая часть съёмок проходила в Остине, а сейчас здесь.

— Ах, вот как! Теперь понятно. Я руковожу отделом кинопроизводства на местном телевидении.

— Решил стать крутым продюсером? — усмехаюсь.

— Не сказать, чтобы крутым, но работы хватает...

— Вернуться в кино не хочешь?

— Я иногда снимаюсь в небольших ролях. Джэд собирается снять приключенческий фильм, сейчас находится в активном поиске финансов на это, — останавливается у кассы. — Он прописал главную роль для меня.

— Интересный сценарий?

— Да, — помогает мне выложить игрушки из корзины.

— Пусть позвонит мне. Если фильм реально так хорош, то помогу.

Брови Дэна взлетают вверх.

— Ммм, хорошо... Передам... — смущается.

Я расплачиваюсь. Продавец упаковывает покупки в яркие пакеты и передаёт мне.

— Была рада увидеться, — пожимаю Дэну руку на прощание.

— Я тоже...

Мне показалось, что в его глазах скользнуло разочарование. Не понятно только от чего.

Выйдя из магазина и пройдя несколько десятков метров в холле, сворачиваю за угол.

Тут же получаю удар от врезавшегося в меня парня. Он так сильно меня толкает на бегу, что я падаю на спину, инстинктивно хватаясь за него руками, в поисках опоры. Но, только падая, утягиваю его на себя.

Он приземляется сверху...

Наши взгляды встречаются. У парня красивые темно-карие глаза, в которых одновременно и страх, и замешательство, и какой-то странный задорный огонек.

Я отвожу взгляд от глаз и скольжу им по лицу, зачем-то задерживаясь на губах. Они очень близко. Полные и чувственные...

Офигеть! Я только что разговаривала с его копией, только гораздо старше.

Это сын Дэна.

Как его там зовут? Том?

Точно!

— Слезь с меня! — с тихим шипением.

Не самое подходящее место растянуться с ним на полу, там, где ходят тысячи людей.

— Извини, — мнётся он.

Скатывается с меня, встаёт одним прыжком и протягивает мне руку.

Я с осторожностью принимаю её. Он ловко и с лёгкостью тянет за кисть и приподнимает меня.

— Прости, я вас не заметил, ты из-за угла вывернула неожиданно, — опять извиняется.

— Родители не учили тебя под ноги смотреть? — отряхиваю и поправляю одежду.

Он собирает разбросанные пакеты.

— Учили, но я торопился, — отдаёт их мне и снова смотрит в глаза.

От этого взгляда становится не по себе. Он как будто прожигает насквозь. По пояснице пробегают мурашки. И в них ведь нет угрозы, наоборот, он улыбается одними глазами.

Сколько ему сейчас? Шестнадцать?

А выглядит как взрослый. Высокий, спортивный. Совсем не похож на подростка.

Ловлю себя на мысли, что стою и тупо пялюсь на него. А он ухмыляется краешком губ.

Разворот и прочь от этого мелкого. Ещё не хватало, чтобы нас кто-то снял и выложил в интернет. Статьи за совращение малолетних мне не хватало только!

Затылок горит, и я всё же бросаю взгляд у эскалатора в ту сторону, где остался Том.

Всё так же стоит, криво ухмыляется и пристально рассматривает.

Бррр... Передёргивает от мурашек.

— Привет, русалка! — слышу голос Джеда в телефоне.

— Привет!

— Как дела?

— Нормально... Но ты же не по этому звонишь? — знаю по какому поводу.

— Нет, конечно. Ты прочитала сценарий? — переходит к делу.

— Прочитала... Мне понравилось.

— Вот как? Замечательно! Значит, ты вложишься?

— Эмм... Да! Но с одним условием.

— И каким? — заинтересовано.

— Ты отдаешь мне роль обманщицы жены.

— Что? — удивляется он.

— Джек, ты прекрасно слышал. Я дважды не повторяю, ты же знаешь.

— Просто я думал, ты попросишь главную роль, — смеётся.

— Нет. Образ бывшей жены мне интереснее. Такая харизматичная сучка.

Он ржёт.

— Теперь я понимаю, почему ты выбрала её. Ладно, роль твоя. Когда можем встретиться и всё обсудить?

— Я ещё две недели буду в Хьюстоне, у меня здесь съёмки. Вернусь в Лос-Анджелес, можем встретиться и поговорить.

— Можем и раньше. Я через три дня приеду в Техас. Предлагаю поужинать и обсудить всё.

— Хорошо... Напиши мне, как будешь здесь.

— О'кей!

Джек связался со мной через четыре дня и пригласил поужинать в доме Дэна. Я была удивлена, не ожидала такой встречи, но согласилась.

Дэн

— Что за дурацкое решение пригласить её на ужин к нам? — накидывается на меня Гвен.

— А что тут такого? Мы собираемся обсудить деловые вопросы, не хочется всё это делать в ресторане. Домашняя обстановка располагает...

— К чему? Ты собираешься притащить свою любовницу к нам в дом! — злоба из неё так и брызжет.

— Какую любовницу?! У нас никогда ничего не было! — срываюсь на крик.

— Ты сам признался в вашем поцелуе.

— И всё! Я тысячу раз целовался с другими актрисами, и ты не возмущалась, Гвен!

— Это было на площадке. А с ней ты целовался вне её.

— Послушай, — беру её за плечи. — Эта была глупая ошибка. И давным-давно... Уже столько лет прошло, а ты мне всё это никак не простишь.

— Я не хочу видеть её в своём доме! — дёргает руками.

— Сэл замужем и обожает своего мужа. Тебе нечего бояться. Да и я не собираюсь ничего делать. Мы просто обсудим работу. И всё! Ничего более...

— Но ужин придется готовить мне, — стискивает гневно зубы.

— Закажем в ресторане. Мы с Джедом сделаем барбекю. И тебе не нужно будет стоять у плиты.

— Вот и отлично! — уходит из дома, горделиво вскинув носик.

Сельванна.

— Какой милашка! — поднимаю с пола рыжего кота, который нежно трётся об ноги.- Rooster, — читаю на бирке его ошейника. — Ты, значит, задира, — глажу его. — Посмотрим, что слушают твои хозяева, — подхожу к шкафу с большой коллекцией музыкальных дисков.

Сейчас музыку никто даже на флешки не скачивает, всё прямо в сети можно прослушать, а тут целая коллекция. Это как собрание винила в старой квартире моей бабушки.

Вынимаю один из дисков, читаю имя исполнителя. Мне оно не известно... Ставлю на место. Имя второго мне тоже ничего не говорит.

— Это альбомы исполнителей кантри, ты вряд ли их знаешь, — раздаётся голос сзади.

Развернувшись, я вижу Тома, прислонившегося боком о стену в нескольких метрах от меня.

— Ты думаешь, я не слушаю кантри?

— Я этого не сказал, — улыбается он. — Просто это почти всё местные музыканты, из Техаса, не широко известные, — отступает от стены, медленно и вальяжно подходит ко мне. — Родители любят слушать такое...

— А ты?

— Я?

— Что слушаешь ты?

— То же, что и все подростки. Ещё люблю рэп... Старую школу...

— О, как! — удивляет мальчишка.

Он смотрит на меня прямо, не отрывая взгляд. Даже как-то нагло и самоуверенно.

Мне становится не по себе от близости этого подростка. Кот в моих руках урчит ещё громче, так как я начала его интенсивно гладить.

— Это мой кот, — указывает он глазами. — И очень странно...

— Что?

— Он женоненавистник.

— То есть? — гляжу на кота, который от удовольствия закатил глаза.

— Он женщин терпеть не может. А у тебя так мирно сидит на руках.

— Кот — женоненавистник? — решаю пошутить. — Я думаю, это из-за того, что он девственник, — стреляю глазами на хвост.

Том громко смеётся.

— Да, он кастрированный.

— Я заметила, что бубенчики у него только на ошейнике.

Он опять заливается смехом, чем вызывает и у меня улыбку.

— Смотрю, вы уже познакомились, — входит в гостиную Дэн.

— Да, — отдаю кота Тому, он треплет его за ушами.

— Джед с семьёй приехал, так что пока готовится барбекю, можем обсудить наши вопросы.

— Отлично. Идём, — направляюсь следом за ним.

Затылком чувствую тяжёлый взгляд Тома. Между лопаток проходит холод.

Поворачиваюсь, прежде чем уйти и вижу хищную полуубочку на его лице. Прямо как в торговом центре.

Странный мальчишка...

***

Мы довольно быстро успели обсудить все вопросы, которые у меня были по фильму и его продюсированию. Джед отлично подготовился перед нашей встречей.

Сейчас мы расположились в большой столовой за столом. Семейства Гарнер, Риан и я.

— Сэл, Дэн сказал, что вы тут фильм снимаете, какой-то ремейк? — спрашивает Джед.

— Да. Новая версия фильма начала двухтысячных.

— И кого ты играешь?

— По сути, саму себя... — отвечаю ему.

— Не понимаю, зачем переснимать старые фильмы? — подаёт голос Том.

Все уставились на него. Он влез в разговор взрослых, но видимо ему наплевать.

— Понятно, когда переснимают каких-нибудь Кинг-Конга или Годзиллу. Компьютерная графика совершенствуется и сейчас искусственный интеллект рисует так, что от настоящих трудно отличить. Но фильм о музыке?! — продолжает он.

— Может быть, это делают, потому что молодое поколение не смотрит старые фильмы? — начинаю ему парировать.

Джед довольно откидывается на стуле и скрещивает руки на груди, на лице плывёт ухмылка. Он ждёт шоу.

— Не соглашусь. Современные фильмы не сравнятся с той атмосферой, что была в старых, — пилит меня взглядом Том, холодным и колючим.

— В этом ты прав... В старом кино любовь играли одними глазами и им верили, — соглашаюсь с ним. — Но... Возьмём, например, Титаник. Было снято множество вариантов этого фильма. Даже сюжеты есть похожие. Но самым лучшим оказался с участием Лео.

Видимо наши прения вызвали интерес у всех, они притихли и внимательно наблюдают за нами.

— Не думаю, что этот фильм был бы настолько удачен, если бы там не показали голую грудь главной героини, — растягивает ухмылку Том.

Интересно, родители знаю, что они вырастили дьяволёнка?

Я опускаю глаза в тарелку и усмехаюсь.

— Ты, наверное, смотрел фильм только из-за этого? — произношу, не поднимая глаз и отрезая с ледяным равнодушием кусочек мяса на блюде.

Девчонки за столом прыскают от смеха, прикрывая рот ладошками.

Парень теряет. Он не знает что ответить, только злится и краснеет.

— Раунд! — хлопает рукой по столу Джед. — О, боги! Хоть кто-то его уделал.

Том сжимает челюсти так, что слышится скрип зубов, встаёт из-за стола и убегает к себе в комнату на второй этаж.

— Том! — пробует его остановить Гвен.

— Пусть идёт... Прости его, Сэл, — извиняется Дэн. — Иногда его заносит. Любит поспорить...

— Да ничего страшного! — пожимаю плечами. — Он подросток. В его возрасте я была гораздо хуже.

Мы ещё около часа просидели за столом, разговаривая на разные темы. Потом я засобиралась домой. У меня завтра смена на площадке.

— Встретимся в Лос-Анджелесе, — прощается со мной Джед.

— Да, я попрошу, что бы подготовили все документы, — обещаю ему.

Он качает в согласии головой и возвращается к жене и Гвен.

Дэн провожает меня до машины.

— Извини ещё раз за Тома. Он иногда перегибает палку...

— Успокойся, Дэн! Я уже давно забыла. Это нормально в его возрасте. Желает показать, что он умнее, чем другие.

— Он и, правда, умный. Иногда, даже слишком... Я и половины не знаю того, что знает он.

— Ну, значит, он без комплексов.

— Это точно! — улыбается.

Мы подходим к моей машине.

— Доброй ночи! Спасибо за ужин. Стейк был отличный, — открываю дверь автомобиля.

— Слушай, я знаю, что ты лошадей любишь. Будем рады видеть тебя на нашей конюшне, — предлагает он.

— Спасибо... — смущаюсь. — Думала, вы уже не занимаетесь коневодством.

— Нет, занимаемся.

— У меня в субботу выходной, так что смогу приехать.

— Всегда рады.

— Хорошо... До субботы! — прощаюсь с ним.

Сажусь в машину и бросаю взгляд на окна второго этажа. Там на балконе, облокотившись на перила, стоит Том и смотрит на меня.

Он реально странноватый. От его взгляда в дрожь и холодный пот бросает.

Как и собиралась, в субботу отправилась на конюшню Гарнеров. Добираться пришлось больше часа — пробки выходного дня, да и само ранчо находится за городом.

Красивое место. Если бы я здесь, в Техасе, снимала фильм, то наверняка выбрала бы именно его. Один минус — дорога от шоссе не асфальтирована, но мой джип легко справляется с этой неприятностью.

Выйдя из машины, иду к самой большой постройке, возле которой в загоне на выгуле кони.

Глаза сразу выхватывают из десятка лошадей чёрного красавца с блестящей, как бриллиант, шерстью.

Поблизости никого нет, и решаю войти внутрь, поискать кого-нибудь там.

Из одного из стойл доносится девичий звонкий смех. Отправляюсь по звуку голоса.

Это скорее сеновал, забитый сеном, на котором расположились Том с девушкой его возраста. Они целуются.

Неловко становится свидетельницей подобной сцены... Тем более что парень начал проявлять активность и полез девчонке под рубашку.

— Кхе-кхе... — демонстративно кашляю в кулак.

Видели бы они себя со стороны, когда отскочили друг от друга, как будто их разрядом тока долбануло.

— Ты? — удивленно смотрит на меня Том.

— Я... — развожу руками.

Девочка закрывает от стыда лицо ладонями. Хотя, судя по тому, что она ни капли не сопротивлялась, она уже давно не девочка. И кто в этом подсуетился даже напрягать мозг не надо.

Том шустро поднимается, помогает ей, отрывая одну руку от её пунцового лица, и отряхивается от сухой травы.

— Отец говорил, что ты приедешь... Его пока нет, скоро будет... — доносит до меня информацию.

— Хорошо...

— Могу пока здесь всё показать, — предлагает он.

— Том, ты обещал, что мы покатаемся, — шепчет девушка, дёргая его за край клетчатой рубахи.

Миловидная девчонка, невысокая с русыми волосами и веснушками на лице.

— Джен, успеешь ещё, — тихо в ответ. — Я освобожусь, и тогда... — делает знак глазами. — Идём, — зовёт меня за собой.

— Ну, идём, — усмехаюсь глупости всей ситуации. — Девушка твоя? — киваю назад головой, когда мы с ним отходим на несколько метров.

— Да... Нет! Официально мы не пара... — поясняет своё замешательство.

— Официально?! Как у вас всё сложно, — улыбаюсь его словам.

Он бросает на меня стыдливый взгляд.

Его застучали. Какой позор!

— Ты из интереса приехала или покататься? — поглаживает одну из лошадей в загоне по шее, оседлав ограждение.

— Интересно покататься...

— У тебя есть опыт?

— Да. Мне приходилось работать с лошадьми и на съёмочной площадке, и в жизни.

Когда жила в Лондоне несколько раз в месяц ездила на конюшню по выходным.

Том достаёт из кармана несколько кусочков сахара и подаёт мне:

— Возьми и протяни руку.

Я просовываю руку с рафинадом через прутья забора и раскрываю ладонь. Удивительно, но первым к лакомству подходит именно тот самый вороной конь, которого я сразу заметила.

— Ты точно ведьма! — смотрит на меня с восхищением Гарнер младший.

— Это ещё почему? — улыбаюсь тому, как мягкие губы жеребца щекочут мне руку.

— Он строптивый, никого к себе, кроме меня и отца не подпускает. А тут сам подошёл, ещё и ластится, как кот, — конь действительно балдеет от моих поглаживаний.

— Как его зовут?

— Thunder.

Я смеюсь.

— Что смешного в имени? — не понимает Том.

— Ничего. Теперь понятно, почему он ко мне пришёл... Однажды я уже усмирила одного грома, теперь твоя очередь красавчик, — Треплю коня по гриве. — С котом твоим, кстати, тоже всё понятно.

— А мне не понятно, — спрыгивает он с забора.

— Мы с мужем кошек любим, а животные это чувствуют.

При упоминании Алекса парня будто передергивает. Он сжимает губы в одну прямую линию.

— Оседлай мне его!

— С ума сошла? — испуганно глядит на меня. — Он непослушный. Отец меня убьёт, если он тебя сбросит!

— Не волнуйся, не сбросит, — пытаюсь его успокоить. — Только сначала девушке своей лошадку оседлай, а то боюсь, останешься ты со своим "нет".

Он запихивает руки в карманы джинсов, пинает воздух и отправляется в конюшню за конским снаряжением.

Через некоторое время выходит из ворот, ведя под уздцы белую лошадь, на которой сидит Джен. Она пускает животное шагом вдоль дорожки.

Том возвращается в конюшню и выносит всю амуницию для Грома. Я запрыгиваю на верхнюю планку забора в ожидании.

Успеваешь только всё одеть на жеребца, когда со стороны, куда уехала его девушка раздаётся крик. У неё понесла лошадь.

— Fuck! — ругается Том и пролезает между прожилин.

Бежит в сторону сарая.

Медлить нельзя. Испуганная лошадь просто скинет девчонку.

Запрыгиваю на жеребца.

— Давай, красавчик, не подведи, — ударяю ему пятками по бокам и дергаю поводьями. Жеребец срывается с места. Разогнавшись от одного борта до другого, он с лёгкостью перепрыгивает ограждение.

Я пускаю его галопом, догоняя девчонку. Конь оказывается резвым и довольно быстро

достигает цели.

Джен с испугу схватилась за шею лошади и плачет. Приходится кричать ей и объяснять, что так делать нельзя.

Властный жеребец, скачущий рядом, успокаивает кобылу, она сбавляет шаг и встаёт.

Я спрыгиваю с Грома и помогаю спуститься девочке.

— Испугалась? Уже всё закончилось, — обхватываю её лицо руками и смотрю в глаза.

Там ужас.

Она прижимается ко мне и рыдает навзрыд.

— Я хотела... а она... взбрыкнула... и понеслась... — пытается мне объяснить сквозь рыдания.

— Ну, тише-тише... — глажу по голове. Она вся дрожит от испуга. — Ты в безопасности...

По дороге к нам несёт джип. Из него выскакивают оба Гарнера.

— Что случилось? Джен, ты как? — с вопросами Дэн. — Сэл, ты нормально? Не упали?

— Всё нормально, мы целы, — рассеиваю его тревогу. — Отвезите её домой, — отпускаю девочку.

— Том, забери лошадей! — гневно командует отец.

— Хорошо, — опускает он голову.

— Я ему помогу.

Он кивает головой и уводит Джен к джипу.

Я беру из рук Тома поводья Грома, а он ведёт другую лошадь. Пешком. Идти не меньше километра, но зато безопаснее.

— Лихо ты! — произносит с восторгом.

— Не было времени думать...

— А я ещё сомневался, что ты вообще умеешь лошадью управлять. Думал, хвастаешь.

— Я в кино трюки сама выполняю и работала на исторических съёмках, там приходилось много ездить на конях и не такое делать.

— Например?

— Например... — глубоко вздыхаю, припоминая. — Уложить лошадь. Или упасть с ней так, чтобы падение выглядело естественно.

— Круто!

— Не очень. Это больно, — прищуриваю глаза, глядя на него.

Он смотрит на меня, как на какое-то божество. Заворожено... Хреновый признак...

Дэн передаёт девочку кому-то из работников конюшни, чтобы её увезли домой, а сам остаётся встречать нас.

— Ты точно не упала? — обращается взволнованно ко мне.

— Точно. У меня всё отлично, — заверяю его.

— А с тобой мы поговорим отдельно, — грозит Тому.

— Успокойся, Дэн! Парень не виноват. Это я его попросила оседлать мне Грома, — вступаюсь за мальчишку.

— Ты на нём шею могла сломать! Том прекрасно знает, какой он, — не унимается Гарнер на повышенных тонах. — Он его не раз скидывал.

— Я предупреждал, — бурчит сын. — Ничего же не случилось, пап!

— Ты чуть Джен не угробил!

— Я? Кто мог предполагать, что Снежинка понесёт?! Она самая спокойная у нас, — начинает оправдываться Том, тоже срываясь на крик.

— А ну перестали орать! — рявкаю на них. — Устроили тут...

Они замолкают и тарашатся. Адреналин внутри отпускает и меня потряхивает от случившегося. Ещё эти двое... Горячие техасские парни, блин!

Шмалять начните, как заправские ковбои.

— У тебя выпить что-нибудь есть? — спрашиваю у Дэна.

— Да, идём... — в его кабинет.

Он достаёт из шкафа бутылку бурбона и стакан, плескает немного на дно. Такой дозой даже муху не успокоишь.

— Краёв не видишь? — смотрю на него укоризненно.

Его брови взлетают вверх, но он наливает полный стакан и двигает ко мне.

Залпом.

Гарнеры округляют глаза.

— Слышал, что русские умеют пить, но так... — удивляется Дэн.

Через несколько минут алкоголь ударяет в голову. Тяжело так, будто наковальня сверху прилетела.

— Похоже, у меня в глазах двоится, — хихикаю, взглянув на отца и сына.

Они словно клонированные.

Достаю из кармана ключи от машины и кладу на стол.

— Кому-то из вас теперь придется везти меня домой, за руль я не сяду.

— Я! — шустро хватает связку Том.

— Я сам отвезу Сэл, а ты следом её машину отгонишь, — обламывает его отец.

Глядя на мальчишку, издаю губами звук пука разочарования.

Парень недовольно скрипит зубами.

Голова кружится и хочется спать, но нужно держаться до дома.

— Ты перебрала, — бросает на меня беглый взгляд Дэн, не отрываясь от дороги.

— Немного, — соглашаюсь с ним. — Ничего... Дома выплюсь.

— Тебе не помешает.

— Сына не наказывай, — прошу его. — Он не виноват. Мало ли отчего лошадь могла сорваться.

— Его накажешь! — усмехается он. — Характером весь в мать. Максимум, что я могу ему сделать — отключить интернет. Но и это не поможет, он соседский вай-фай взломает, — смеётся Дэн, посмотрев в зеркало заднего вида на мою машину, в которой за рулём Том.

— С девочкой они теперь точно расстанутся... — закрываю глаза и откидываюсь

головой на спинку.

— С Джен? Это дочь наших друзей, влюблена в Тома с младших классов, так что простит. Только она для него больше подруга, чем девушка.

— Я застучала их целующимися...

Дэн удивлён:

— Значит, я что-то пропустил...

— Он не в том возрасте, чтобы секретничать с родителями.

— Он никогда не был открытым, если только лет до шести. Со школы у него вечно какие-то секреты и тайны от нас. Узнаём только тогда, когда из-за очередной выходки нас к директору вызывают. Три школы уже из-за этого сменили.

— У нас про таких говорят — сам себе на уме.

— Правильно говорят, — соглашается Дэн. — Сейчас футболом занимается, вроде дурь выветрилась из головы. Но не факт... Раньше был бокс, но теперь он переведён в разряд хобби, для поддержания формы, — будто цитирует сына.

— У тебя вода есть? — открываю глаза.

Во рту Сахара.

— Да, сзади на кресле в кармане.

Приходится отстегнуть ремень и перегнуться назад, встать коленями на сиденье, чтобы её достать.

Бросаю взгляд в заднее стекло и вижу недовольное лицо Тома в моей машине. В прищуренных глазах злость и недовольство. Становится не по себе.

Когда сажусь обратно, то замечаю, что Дэн смущённо отводит глаза в сторону.

На мою задницу пялился, не иначе.

Делаю несколько больших глотков.

От прохладной воды немного легче. Прикладываю бутылку к голове, так и держу до самого дома.

Дэн останавливается на стоянке перед тридцатипятиэтажкой, в которой на время съёмки я снимаю квартиру, а Том загоняет мою машину на подземную парковку.

— Может до квартиры проводить? — предлагает Гарнер старший.

— Спасибо! Но не надо. До пятнадцатого этажа меня лифт доведёт, — отказываюсь.

Подходит мальчишка и отдаёт мне ключи.

— До свидания! — машу им рукой и сваливаю от парочки одноликих.

Они, когда рядом, ломают мне мозг своим сходством.

В квартире падаю на диван и крепко засыпаю.

Следующий день не так насыщен на события. На съёмочной площадке пробыла около шести часов, потом нужно было сменить локацию, но произошла заминка и солнце ушло. Всех актёров отпустили домой.

Проговорила с Алексом больше часа по видеосвязи.

Я по нему жутко скучаю. Увидимся через неделю. С каждым днём всё труднее ожидать нашу встречу. Иногда за время работы над фильмом я срываюсь и улетаю к нему всего на несколько часов.

Не представляю как бы я жила, если бы он тогда умер от пули грабителей. До сих пор в холод бросает от этой мысли... Жутко становится.

Принимаю душ и в половине одиннадцатого собираюсь лечь спать, но вдруг раздаётся звонок в дверь...

На пороге стоит Дэн. Пьяный в хлам и с початой бутылкой виски в руках.

Его взгляд скользит по моей фигуре и останавливается на ногах.

Я в коротких шортах и свободном кроп-топе. Одна дома и могу себе позволить одеваться, как хочу.

— Неожиданно, — недовольно складываю руки на груди. — Как ты нашел квартиру?

— Это не трудно, здесь их только две, — говорит заплетающимся языком, показывая на дверь напротив.

— Чем обязана столь позднему визиту?

— На пороге будешь держать? — задаёт встречный вопрос.

Задницей чувствую, что это ни во что хорошее не выльется, но зачем-то впускаю его.

Он вяло плюхается на диван.

— Будешь? — приподнимает бутылку, приглашая.

— Нет, спасибо! Мне вчера хватило.

Дэн пьяно хихикает и делает хороший глоток прямо с горла.

— Так что тебя ко мне привело? — пробую снова попытаться до правды.

— Я с Гвен поссорился... — шумно и печально выдыхает.

— И ты ко мне прибежал? Молодец! — осуждающе.

— Ещё и сын на меня из-за чего-то обиделся...

— Может, наказал слишком сурово?

— Ничего я ему не сделал. Мы просто поговорили с ним. Он дуться ещё в машине начал, когда от твоего дома отъезжали.

Ещё бы! Отобрал у него шанс отвезти меня домой. Там же у парня над головой горит вывеска "влюбился".

Дэн откидывается на спинку дивана. Последняя порция была лишней.

Выпроводить его уже не удастся. Сам он не доедет, а дотащить его стокилограммовую тушку до такси я не смогу.

— Давай снимай куртку, — встаю на колени на диване рядом с ним и тяну за рукав.

Он шевелится в слабой попытке помочь мне. С горем пополам всё же удаётся снять ветровку, следом рубашку. Он остаётся в футболке.

— Почему вы здесь одеваетесь, как капуста?! — бухчу я, перекидывая его одежду на кресло.

Он сдавленно смеётся.

Я замешкалась всего на секунду и внезапно оказываюсь в объятиях его рук. Дэн прижимает к себе, запускает пальцы мне в волосы и целует в губы. Его поцелуй жадный и жёсткий, но ничего, кроме запаха алкоголя, я не чувствую.

Напрягаю руки и отталкиваю, спрыгивая с дивана. Желание — врезать ему со всей силы, но он валится на подушку и закрывает глаза.

Что с пьяного возьмёшь? Утром поговорим...

Накрываю пледом и ухожу к себе в спальню. Подумав пару секунд, закрываю дверь на замок.

Уснуть удаётся не сразу. В голове крутятся вопросы о том, зачем он поцеловал. Останавливаюсь на том, что он просто пьян и не соображает, что делает.

***

Тормошу Дэна за плечо.

— Подъем! Пора на работу! — громко.

Он возится и с трудом разлепляет веки.

— Держи! — подаю ему стакан с растворимым аспирином.

Гарнер приподнимается на локтях, забирает стакан и выпивает.

— У тебя полчаса на душ и завтрак. Мне скоро на площадку, — иду на кухню сварить кофе, она соединена с гостиной.

Он садится, сдавливает голову руками, видимо гудит, и осматривается по сторонам.

— Я что к тебе припёрся?

— Ага...

— Зачем?

— Если бы я знала... Свежие полотенца в ванной. Она там, — указываю на дверь рукой.

Он уходит приводить себя в порядок.

Минут через десять возвращается мокрый и бодрячком.

Ненавижу мужиков, которые расхаживают в доме без верха! Алекса это не касается, он мой муж.

Беру его рубашку и кидаю в руки.

— Надень! Если ты забыл, то я замужем!

— Извини... — с трудом натягивает её на мокрое тело и застегивает несколько пуговиц. — Надеюсь, я не приставал?

— Нет! — выпаливаю на одном дыхании.

Решаю не поднимать вопрос нашего поцелуя, раз уж он ничего не помнит.

— Отлично... — проводит руками по лицу.

— Черный без сахара, — отдаю ему чашку кофе.

— Спасибо!

Делает несколько глотков. От тостов отказывается.

— Прости, что ввалился к тебе вчера, — виновато.

— Наверное, ты посчитал это нужным для себя в тот момент.

— Не знаю, чем я вообще руководствовался тогда. Сел в машину и поехал сюда.

— Помирись с Гвен!

— Это будет сложно... Я без причины дома никогда не ночевал.

— Надеюсь, ты не расскажешь, что был у меня. Мне проблем на пустом месте не надо.

— Конечно, — машет головой.

Дэн

На улице подхожу к своей машине, которая стоит передними колёсами на клумбе. На стекле извещение о штрафе за неправильную парковку.

Чтоб вас!

Сзади из кустов раздаётся треск веток. Вглядываюсь, в попытке разобрать кто там. Но тихо.

Ну и ладно! Может животное какое-нибудь, они часто в кустах днём прячутся от людей.

Отъехав несколько кварталов, набираю номер друга.

— Привет, Мэт!

— Привет! — отвечает он.

— Можешь выручить?

— Без проблем!

— Если Гвен спросит, скажи, что я провёл ночь у тебя. Мы напились и я уснул.

— Хорошо... А что случилось? — интересуется друг.

— Мы поссорились, я напился и уснул в машине, — вру ему. — Но она не поверит мне.

— Ты точно в машине спал? — задаёт Мэт каверзный вопрос.

— Точно!

— О'кей, — соглашается.

— Спасибо! — отключаюсь.

Но Гвен мне не поверила. Я явился домой свежим и без футболки, в которой уходил. Она осталась в ванной Сэл. Жене хватило этой мелочи, чтобы накрутить себя. Даже поддержка друга не помогла, Мэт совершенно не умеет лгать на ходу, когда она начала задавать встречные вопросы.

Где провёл ночь я, естественно, как и обещал, не сказал.

А через неделю мне пришли документы на развод.

Новый Орлеан. Четыре года спустя.

Спрятавшись от изнурительной луизианской жары в баре, который только открыл свои двери для посетителей, потягиваю холодный лимонад в одиночестве.

Мы здесь уже неделю и все эти дни умираю от нестерпимого зноя.

Похоже, я старею, раньше высокие температуры переносились легче. А работать на пекле невыносимо сложно. Съёмки в сорок градусов заставляют плавиться уже через пятнадцать минут. Поэтому снимаем последние дни с утра до обеда и перед закатом. Остальное время отсиживаемся в прохладе.

Справа от меня скрипит стул, на него присаживается пожилая тучная афроамериканка. На вид лет семьдесят. Одета в яркий цветастый балахон, а на голове намотана чалма.

— Боже мой! Не ожидала тебя встретить снова, да ещё и в моём родном городе, — произносит она громко, обращаясь ко мне.

Я пристально смотрю на неё, перебирая в голове всех своих знакомых, хоть немного похожих на неё. Таких нет... Но она может знать меня по моим работам.

— Вы, наверное, ошиблись... Мы не знакомы.

— Это ты ошибаешься, девочка. Ещё как знакомы!

Разворачиваюсь к ней и ещё раз пытаюсь покопаться в памяти. Но ничего.

— И где же мы познакомились?

— Лондон, февраль, ужин перед премией около четырнадцати лет назад...

— Четырнадцати? — охренеть!

Это было где-то на старте моей карьеры. Первый ужин был перед премией БАФТА.

— О, вы мадам Куку! — озаряет меня.

— Вообще-то мадам Заза, — поправляет меня.

— Куку вам больше подходит. Вы такой бред несли, — отворачиваюсь от неё и делаю глоток лимонада.

— А я и сейчас скажу, что ты — сирена.

— Вы же понимаете, что это ересь? — смотрю на неё и ухмыляюсь.

— С мужем ведь я не ошиблась. Не твой человек оказался...

— Это единственное во что вы точно попали, — усмехаюсь. — Вы ещё там что-то про шестилетнего мальчика говорили, — напоминаю ей.

— С мальчиком тут ошибка вышла, — соглашается она.

— Значит, никакого мальчика не будет? — смеюсь над ней.

— Ну почему же? Просто я не разглядела, что их будет два. Близнецы по энергетике... Просто они у них противоположные, перекрыли друг друга, и я за одного человека их приняла.

— Два?! — округляю глаза. — Я замужем, если что, — показываю ей обручальное кольцо. — И очень люблю своего мужа.

— Только детей у вас нет... — произносит Заза как-то грубо.

— Это не секрет.

— Потому что сможешь родить только от себе подобных. А он такой один. И он тёмный, а не светлый.

— Значит, я останусь без детей. Я не собираюсь верить в ваши бредни! Вы сами

слышите, что говорите? Если уж касаться мифологии, то сирены были только женщины. Мужчин не было. Найти себе подобного просто нереально.

— Я не сказала что он сирена. Но что-то в нём есть, — ведёт она загадочно бровью. — Знаешь, в чём твоё проклятье?

— Нет. И в чём же?

— Судьбу свою под себя переписываешь. Я тебе сказала одно, а ты всё перевернула. А так нельзя. Да ты это и сама знаешь, — произносит холодно.

Этим ответом она меня ставит в тупик.

— Задумалась? А хочешь, ещё о тебе кое-что расскажу, о чём только единицы знают?

Я делаю знак кивком головы.

— Жажда крови... Чувствовала её? Сознание мутнеет, звон в ушах, всё бурлит внутри. Чувствовала... — протягивает она слова, увидев мою реакцию. — Это в тебе душа тёмная проявляется. Но человеческий дух сильнее. Вот и ищут они выходы в разных направлениях. Ты любишь одного, только пока твоё чудовище спит. Но скоро оно проснется. И я тебе не завидую...

Я прикрываю лицо рукой.

Вот же бредятина полная!

— Какие чудища и тёмные? Я во всё это сверхъестественное не верю, — отмахиваюсь, отгоняя от себя всё услышанное. — Жажда крови? Я что, по-вашему, вампир?

— Убивать она тебя не заставляет. Хотя... — смотрит пристально. — Ориентиры теряешь, любить хочешь. Так, чтоб рвать партнёра на части.

Тут она в точку попала. Я нервно тру лоб.

— Но ты молодец! Ради мужа держись. Продолжай также, хоть и трудно тебе придется. Скоро... — хлопает меня по руке и уходит.

Что это сейчас было?

Ё-маё, это же Новый Орлеан, детка! Тут в кого пальцем не ткни — ведьма или гадалка.

Но такую ересь придумать...

— Так и знал, что найду тебя здесь, — нарушает тишину в моём кабинете голос Алекса.

Я отрываю глаза от бумаг и смотрю в сторону двери. В проёме стоит мой муж, одетый в чёрный вечерний костюм и белую рубашку.

— Чёрт! — бросаю документы и откидываюсь в кресле. — Сколько времени?

— Почти одиннадцать...

— Я совершенно забыла, что мы собирались поужинать вместе, — обречённо.

— Я заметил... Прождал тебя в ресторане два часа, — закрывает дверь и поворачивает замок. — Конечно, я же уже муж и на свидания со мной можно не ходить. Куда ж я денусь, — в несколько шагов пересекает комнату и прислоняется задом к столу рядом со мной. — Телефон ты тоже специально отключила?

Я хмурюсь, беру со стола смартфон и пытаюсь его запустить.

— Батарейка села... — кидаю обратно.

— А когда ты его последний раз заряжала?

— Не помню, вчера, кажется...

— Вчера... Как обычно.

— Прости, — прикасаюсь к его коленям и провожу руками вверх по бёдрам, но он меня останавливает, положив свои ладони на мои. — У нас через две недели презентация новой коллекции. А работы ещё вагон. Ты же знаешь...

— Знаю. Сам тебе помогаю её организовать. Сэл, у нас не так часто совпадает свободное время. И сегодняшний вечер был одним из таких. Я хотел провести его с тобой, а не раздражать официантов своим присутствием. Любой другой на моем месте подумал бы, что его жена не пришла и отключила телефон, потому что с любовником. Однако я на сто процентов был уверен, что ты здесь. И не ошибся.

— Потому что ты — самый лучший муж, — улыбаюсь кокетливо ему.

— Не буду спорить, — довольно закатывает глаза. — И я, как хороший муж, не претендую на твою свободу. Ты можешь заниматься, чем хочешь, в пределах разумного, конечно, — поправляется. — Но хочу, чтобы ты покидала свой офис вместе со всеми сотрудниками в конце рабочего дня. Приезжала домой, мы ужинали, смотрели кино и обсуждали дурацкие новости.

— Это скучно!

— А копать до полночи в этом не скучно? — поднимает несколько листков на моём столе двумя пальцами и снова отпускает.

— Кроме меня это никто не сделает.

— Я предлагал тебе свою помощь, но ты не хочешь меня напрягать.

— У тебя музыка...

— А ты зарылась в своих бесконечных отчётах, забросив и музыку, и кино. Для меня помощь тебе в радость. Я даже смирился с тем, что ты передумала об усыновлении ребенка, посвятив себя работе.

Дети — это больная тема для него. Он очень их хочет. В идеале трёх. Но отказалась от усыновления я не, потому что погрязла в работе. Решение было принято после очередного заявления его родителей, что они не признают приемных внуков.

" Ублюдок наркоманов или алкашей не будет носить нашу фамилию", — так заявил его

отец. Они меня-то терпеть не могут. Так что я не хочу портить и без того шаткие отношения Алекса и родителей.

За пять лет нашего брака мы виделись с ними всего раза четыре, на семейных праздниках, куда — не пригласить нас они просто не могли, а мы не могли отказаться. С сыном отношения натянуты, он ведь ослушался их и женился на мне. Только месяц назад Громов старший позвонил Алексу и попросил присмотреть за младшей сестрой Лимой, которая поступила в Калифорнийский университет. Хотел, чтобы он нашёл ей квартиру поближе к нему. Они не хотят, чтобы дочь жила в университетском общежитии.

Блюдут за чистотой и непорочностью дочери?

Но Гроу настоял, чтобы сестрёнка поселилась с нами. Послезавтра она прилетает. До учёбы ещё две недели и Лима хочет освоиться немного в Лос-Анджелесе.

— Сэл, ты где? — щёлкает пальцами у моего носа Алекс.

— Извини, я задумалась...

— Я уже жду не дождусь, когда пройдет твоя презентация, чтобы ты наконец-то успокоилась и выдохнула. Думаешь только о своих бриллиантах.

— А ещё о тебе, — растягиваю развратную улыбку.

— Заметно... — усмехается моим словам.

Я тянусь к пряжке его ремня и расстёгиваю её.

— Что ты делаешь? — вскидывает брови.

— Хочу показать, как люблю своего мужа, — опускаю молнию брюк и запускаю руку под резинку боксеров.

Глаза Алекса томно сужаются. Столько лет вместе, а заводится от одного прикосновения.

— Развратница... — проговаривает хрипло и медленно.

— Ещё какая, — стягиваю его штаны.

Он привстаёт, чтобы это было сделать легче.

Осыпаю поцелуями низ живота, слегка коснувшись губами его органа.

Он издаёт стон и закрывает глаза, закусывая нижнюю губу.

Ловко работаю пальчиками и ртом, доводя мужа до состояния дрожи. Поднимаюсь из кресла и впиваюсь в его губы поцелуем.

Он обхватывает моё лицо руками и жадно отвечает, чуть ли не съедая мои губы. Хватает за бедра, усаживает на стол. Задирает юбку и медленно стягивает трусики, одновременно покрывая шею поцелуями. Несильно надавливает мне на грудь, заставляя лечь на стол. А потом входит в меня.

Обхватываю его ногами за талию и теснее прижимаюсь. Движения отлажены за много лет, мы словно одно целое. Так же одновременно приходим и к пику, поглощая друг друга.

Я ещё долго сижу на столе, обнимаю мужа и покрываю его лицо лёгкими поцелуями.

Мне так кайфово, когда он рядом.

Мой самый любимый на свете человек!

***

— Ты уверен, что Лиме будет лучше жить с нами? Может быть, всё же поселить её в студенческом кампусе? — спрашиваю у Алекса, когда едем домой.

— Уверен. Она моя сестра! Ты поселила бы свою в место, где рядом будет жить тысяча похотливых парней? — бросает мельком на меня взгляд.

— Я бы прислушалась к её мнению...

— Она хочет жить отдельно, но я считаю, что рано ещё. Поживёт годик с нами, а там посмотрим на её поведение, — сжимает крепко руль.

Братишка переживает за сестру. Это и понятно. У них большая разница в возрасте, он был уже взрослый. Она родилась болезненной, мать забеременела тогда, когда Алекс пытался восстановиться после аварии, и всё время была на нервах. Это передалось девочке в виде слабого иммунитета и нервозности в младенчестве. С годами она переросла болячки, но трястись над ребенком семья до сих пор не перестала, пытаются оградить от всех проблем.

— Всё-таки вы душите её своей заботой, — отворачиваюсь к окну.

— Родители мне не простят, если с её головы хоть один волос упадёт.

— По-моему, они вообще не способны тебе что-то простить. Особенно наш брак...

— Ещё бы! Ты же пригрозила моему отцу обанкротить и упечь его в тюрьму, если он не оставит нас в покое!

— Но гиперопека к хорошему не приводит. Они девочке выдохнуть свободно не дают.

— Вот у нас и выдохнет свободно.

— С тобой? Слабо верится, — смеюсь над его словами.

— Обещаю не контролировать её ежеминутно, — улыбается мне. — А то ей и вспомнить-то потом о своей юности будет нечего.

— Ловлю тебя на слове.

Он берёт мою руку и прижимает к губам, целуя костяшки пальцев.

— Клянусь! — обещает мне.

— Позвони мне после занятий, я тебя заберу или пришлю водителя, — выхожу из машины следом за Лимой на стоянке университета.

У неё сегодня первый учебный день. Я решаю лично привезти её.

Алекс улетел в Майами на съёмку клипа.

— Хорошо, — вытягивает с заднего сиденья рюкзак и надевает на плечо.

— Ни пуха, ни пера! — желаю ей.

— К чёрту! — машет мне и направляется к зданию учебного корпуса.

Захотелось вот так же, как она, влиться в толпу студентов и пойти на занятия, забыть о том, что я давно не восемнадцатилетняя девчонка.

Стою немного, провожая Лиму глазами. Но вдруг понимаю, что привлекаю слишком много внимания. Молодежь стала собираться, чтобы посмотреть на меня. Чувствую отовсюду пристальные взгляды. Сейчас они иногда меня пугают.

Сажусь в машину и завожу двигатель. Глаза выхватывают двух парней у тачки в соседнем ряду, один из них, высокий крепкий брюнет, сидит на капоте джипа. Второй такой же крепыш выкрашен в белоснежный блонд. Оба в куртках университетской команды по футболу.

Брюнет вдруг прячет лицо, заметив, что я на них смотрю.

— Странно... — фыркаю и выворачиваю руль.

Том

— Кто это? — киваю в сторону припарковавшегося черного Кадиллака.

Из него выходят две девушки.

Итан разворачивается в сторону, которую я показал.

— А ты что не видишь? Не думал, что увижу такую звезду в нашем универе.

— Я не про Сельванну, её знаю. Про девчонку, с которой она.

Хорошенькая стройная голубоглазая шатенка.

— Без понятия! — пожимает плечами друг. — Новенькая, наверное. Только рядом с Сэл все другие — мышки серые.

Провожая взглядом девушку до ворот и снова смотрю на Сельванну. Не видит нас.

По лицу сама собой ползёт надменная ухмылка.

А это шанс...

Она стоит ещё минут пять, садится в машину и неожиданно обращает внимание на нас.

— Чёрт! — опускаю голову, чтобы не заметила.

Лима

Устраиваюсь на высоком бордюре, который опоясывает клумбу в парке, и достаю из рюкзака учебник по истории архитектуры.

— Привет! — садится рядом парень.

Красивый высокий брюнет с карими глазами. Спортивная, накаченная фигура. Одет в бомбер футбольной команды университета.

— Ээ, привет... — стеснительно.

Он первый, с кем я сегодня заговорила здесь.

— Ты новенькая? — широко улыбается, показав белоснежные зубы.

— Да...

— И на каком факультете учишься?

— Архитектура, — показываю ему обложку книги.

— А я на юридическом. Третий курс.

— Круто! — сдержанно натягиваю улыбку.

— Меня Том зовут, — протягивает руку.

— Лима... — отвечаю неловким пожатием.

— Красивое имя, — задерживает мою руку в своей и легонько проводит большим пальцем по тыльной стороне ладони.

Становится не по себе и жарко. Чувствую, как пылают мои щёки.

А он не отводит глаз, наблюдая за моей реакцией.

— Мне пора на занятия, — выдергиваю ладонь и встаю, направляясь к зданию, где будет проходить пара.

— Стой! — догоняет Том. — В выходные на пляже будет туса по поводу посвящения в студенты. Приходи, — подаёт флаер. — Это входной билет.

Я беру его, кручу в руках.

— Пока! — сбегаю от этого парня.

Сельванна.

Из гостиной доносятся звуки ссоры. Не трудно догадаться, кто шумит. Отложив в сторону папку с документами, иду к ним.

— Что за шум, а драки нет? — прерываю поток брани, льющийся из уст Алекса и Лимы.

— Он меня на тусовку не пускает! — в слезах кричит девушка.

— Какую ещё тусовку?

— Завтра в университете посвящение, будет вечеринка на пляже. А он не хочет, чтобы я шла. Говорит, нечего там делать!

— Алекс, так нельзя, — спокойно, стараясь их уговорить.

— Это ещё почему? Там будет несколько сотен пьяных студентов! — злится Гроу.

— Нельзя пропустить посвящение. Это важно...

— С чего бы это?

— Это, как бы, зашквар, — объясняю понятным ему языком.

— Вот именно! Со мной никто не будет общаться, если я не приду. Я стану изгоем, — пускает опять слёзы Лима.

— Не ной! — прикрикивает на неё брат.

— Алекс, хочу тебе напомнить, что ты кое-что мне обещал... — смотрю на него пристально.

Он сжимает руки в кулаки и нервно передергивается, издавая рык. Психует и выходит в сад.

— Не обижайся на него, — обнимаю за плечи девчонку. — Он просто не был студентом, поэтому не знает ничего. Можешь идти на свою вечеринку.

— Спасибо! — радуется, как ребенок.

— Пожалуйста. И не шумите больше, я работаю.

Она машет головой и бегом наверх в свою спальню.

Том

Пляж. Море людей. Шум, крики, свист и грохот музыки. Если кого-то потеряешь в такой толпе, то точно не найдешь. Всё ещё разбавляется шумом океанских волн.

Кто-то всучает Лиме стакан с пивом. Она делает глоток и морщится.

Согласен. Отвратительное пошло.

Осматривается постоянно в поисках кого-то.

Меня. Сто процентов.

А вот я её прекрасно вижу и давно наблюдаю со стороны, перемещаясь в толпе в нескольких метрах, но так, чтобы она не заметила.

Замечаю, что группа ребят показывают пальцем на неё.

Придурки!

Знаю я ваши игры. Найти новенькую абитуриентку и развести на секс. Сегодня вам не обломится.

Подваливаю к Лиме.

— Привет! — слегка касаюсь её руки.

Он испуганно разворачивается ко мне. Радостно выдыхает, приложив руку к груди, и улыбается, увидев знакомое лицо.

— Привет!

— Давно здесь? — приближаюсь поближе, чтобы она могла слышать.

— Нет, всего несколько минут, — пытается перекричать музыку.

Гляжу поверх её плеча на парней, которые спорили на неё, а сейчас замешкались, увидев рядом меня. Незаметно поднимаю и показываю им средний палец.

Они отступают. Со мной связываться — себя не уважать. Квотербек и капитан футбольной команды универа, а по вечерам бокс. Так, для профилактики, чтобы форму не потерять. Ю если придётся кому-нибудь пиздюлей навалить.

Благодаря привлекательной внешности и похожести на отца дефицита в девушках у меня нет. Но никто не цепляет надолго. Я разочаровался в любви ещё подростком.

— Какая гадость! — беру из рук Лимы стаканчик и выкидываю через плечо.

— Согласна...

— Пойдём, угощу тебя нормальным пивом, — сжимаю её хрупкие пальчики и тяну за собой.

Перепрыгиваю через стойку бара, открываю под ней холодильник и вытаскиваю две бутылки. Крышки улетают в стороны. Одну бутылку передаю Лиме и чокаюсь своей.

— За знакомство!

Девушка отпивает пенное.

— Это вкусное.

— Я же говорил, — снова перепрыгиваю через стойку. — Пойдём, там самое интересное начинается.

Пробираемся сквозь толпу к месту, где проводят конкурсы для первокурсников. Толпа гудит, когда кто-то, преодолевая отвращение, запикивает в себя какую-то дрянь. Тошнит даже тех, кто просто смотрит.

Следующий конкурс для девушек. Нужно станцевать максимально эротично, стоя на стульях.

— Вперёд, — подталкиваю Лиму.

— Что? Я? Я не умею! — отказывается.

Но я кричу, что есть желающая участвовать.

Девушку выдергивают из людской массы.

— Господи, позор какой! — забирается на стул.

Диджей включает музыку.

Лима медленно двигается, обнимая себя руками.

Свищу в поддержку.

Это придаёт уверенности и она раскачивается в такт музыке более активно, собирая и приподнимая подол платья.

Глядит на меня... Ищет одобрение.

В пьяненьких глазах блестят искорки от лампочек.

Музыка замолкает, и её хвалят, вручая брелок для ключей с эмблемой университета.

— Молодец, — тоже хвалю, усыпляя её бдительность. — Может быть, теперь просто со мной потанцуешь?

— Боюсь, после такого я не могу опускать планку ниже, — шутит Лима.

Так себе шутка, но я улыбаюсь.

Вечеринка и веселье продолжают Мы пропускаем ещё по паре бутылок пива.

Лима пьяная, когда я подвожу её к арке, украшенной цветами.

— Что это?

— Арка поцелуев.

— И что здесь делают? — непонимающе хлопает длинными ресницами.

— Целуются, конечно, — обнимаю её за талию.

Она делает это неумело, словно первый раз. Даже ножку поднимает, как девушки из фильмов.

Вот это смешно.

Но я сдерживаю себя, чтобы не вырвалось.

— Он такой... — не может подобрать слова Лима, рассказывая о своём поклоннике.

— Какой? — посмеиваюсь над ней, перебирая в шкафу платья, выбираю, что надеть на вечеринку в честь дня рождения друга семьи.

— Потрясный! — находит наконец-то, подпрыгивая на нашей кровати. — Красивый, умный, спортом занимается. Самый популярный парень в университете.

— Хочу тебя предупредить, самые классные парни универа — обычно полные козлы, — прикладываю к себе чёрное короткое платье и смотрюсь в зеркало.

— Почему?

— Потому что считают, если девчонки и так на них вешаются, то можно и не утруждать себя ухаживаниями. Не даст одна, даст другая.

— Ну, это как-то...

— Это нормально для парней этого возраста. Там только половые гормоны играют, чувства им до фонаря. Для таких разбить девичье сердце, как орех расколоть, — достаю красное платье с вышивкой. — Как тебе это?

— Очень красивое, — глядит мельком. — И что мне делать? — проговорила расстроено.

— Ждать.

— Чего ждать?

— Пока не почувствуешь, что он влюбился.

— И как я это узнаю? — хмурит красивое личико.

— Не знаю. По взглядам, прикосновениям, вздохам. У них на лице это написано. Огромный такой баннер, — развожу руки, — на весь лоб — ВЛЮБИЛСЯ!

— Так можно вечно ждать.

— Лима, но не в первую же ночь к парню в постель прыгать! Твой брат четыре года ждал, пока я решусь.

— Четыре года?! — выпучивает глаза.

— Угу... Мы сначала просто общались. Почти... — припоминаю наши шалости. — Потом он сделал попытку меня склонить... Понимаешь к чему... Но я испугалась и сбежала. Он ждал ещё два месяца. Господи, зачем я тебе это рассказываю?! — спохватываюсь. — Алекс меня придушит. Скажет — чему ты учишь ребенка?!

— Я не ребенок! — надувает губы Лима.

— Для него ты всегда будешь маленькой сестрёнкой. Так что будь со своим кавалером поосторожнее. И если всё же решишься, то не забывай...

— Про защиту. Я помню, — отмахивается. — Только с вашими советами и опекой можно до пенсии девственницей остаться.

— Первый раз должен быть особенный, его нужно вспоминать с удовольствием, а не... — вспоминаю себя. — В общем... не торопись. Хорошо?

— Ладно, — соглашается, слезает с кровати и, повесив голову, плетётся в свою комнату. Только все уговоры для влюблённой дурочки, у которой глаза закрыты розовыми очками — бесполезны. В одно ухо влетело, в другое вылетело.

Лима

— У тебя... мило, — осматриваю комнату Тома в кампусе. — Только места мало.

— Нам хватает, — пожимает плечами и садится прямо на письменный стол, заваленный учебниками и тетрадями.

Он живёт с соседом, крашенный блондин Итан. Сейчас парень отсутствует.

— А я не могу жить с кем-то в одной комнате, поэтому и отказалась селиться в общежитии.

— Есть комнаты на одно место, правда их намного меньше и живут там, в основном аспиранты. Значит, ты остановилась у родственников?

— У брата и его жены, — прохожусь вдоль подоконника и провожу кончиком пальца по нему.

Том при их упоминании становится сжатым и серьезным, превращается в слух.

Почему?

— У них большой дом, в котором они живут вдвоём, не считая прислуги. Правда добираться сюда с другого конца города приходится долго.

— У них нет детей?

— Нет. У неё какие-то проблемы со здоровьем... Хотели усыновить, но почему-то передумали, — выкладываю семейную тайну. — Поживу немного у них, а потом брат обещал снять квартиру поближе к университету.

— Это она привозит тебя на учебу каждое утро? — интересуется Том.

— Да, — подхожу поближе к нему. — Перед работой забрасывает сюда.

— Жена твоего брата — Сельванна?

— Угу, — немного качаю головой. — Ты её знаешь?

— Кто ж её не знает! — усмехается. — Удивительно, что она так свободно передвигается по городу сама. Не боится чокнутых поклонников.

— Брат тоже против, поэтому за ней всё же присматривает охрана на расстоянии. Но она может постоять за себя сама.

— Да, я слышал.

— Она троих грабителей расстреляла, защищая Алекса. Вот это любовь... — произношу с восторгом, закатив глаза.

Такие жертвы ради любимого человека... Эх, кто бы ради меня...

— Они действительно так сильно любят друг друга? — смотрит загадочно.

— Очень! Парочка Твикс.

Том задумывается на мгновение. В глазах смятение. Но потом встряхивает головой и отгоняет его. Протягивает руку, хватая крепко за запястье и притягивает к себе.

Его глаза жадно блуждают по моему лицу, останавливаясь на губах.

У меня дыхание перехватывает. Не нужно даже стетоскопа, чтобы услышать биение сердца.

Том целует, впивается губами, прижимая к своей широкой груди. Машинально обвиваю его шею руками и прижимаюсь теснее.

Не отпуская из объятий и продолжая поцелуи, Том спрыгивает со стола и оттесняет к кровати. Когда мы в неё упираемся, то немного толкает, чтобы я упала на постель. Сам нависает надо мной, вглядываясь в глаза. В его плескается огонь желания. Есть ещё что-то, но я не могу уловить что именно.

Рука скользит по бедру под юбку и цепляет край трусиков.

— Том... — останавливаю его, схватив за кисть. — Я... у меня... не было ещё... — выдыхаю признание.

— Тогда я буду максимально нежным, — произносит в губы и целует.

Легко, без прежнего напора. Я расслабляюсь и отпускаю его руку, а он продолжает ласку, запуская пальцы под бельё.

Втянула в себя воздух и замираю, когда он касается нежной плоти и гладит меня там. Закрываю глаза и впиваюсь пальцами в его мускулистые плечи.

Том знает, что делать с девушками один на один. Я уже наслушалась восторженных отзывов от университетских шлюшек о его способностях.

Чёрт! Как же это... круто!

Одежда сброшена, и он покрывает мою кожу поцелуями. Зажмуриваюсь от удовольствия и тихо постанываю.

Слышится шуршание упаковки.

В голове ударяет набатом — сейчас это случится. Сжимаюсь от предчувствия.

Острая боль пронзает тело, когда он преодолевает преграду. Впиваюсь ногтями ему в спину и вскрикиваю. Том останавливается и ждёт, пока я его отпущу. Жжение стало утихать, и ослабляю хватку. Он медленно двигается во мне, растягивая тугие стенки лона. Опять хватаюсь за него и морщусь от боли. Но он продолжает. В голове стучит кровь сильнее и сильнее. Он ласкает мою грудь, целует.

Постепенно расслабляюсь и почти не чувствую неприятных ощущений. Тогда он и доводит дело до конца.

А я чувствую какое-то опустошение.

Не так я себе представлял свой первый раз...

***

Сажу на кровати Итана, прижимаю к себе колени и обнимаю их руками, пока Том снимает и отправляет в стирку окровавленное постельное бельё.

— Извини, что сделал больно, — возвращается из ванной, садится рядом и целует в плечо.

Дёргаюсь и смотрю на него отрешённым взглядом.

— Обещаю, в следующий раз будет приятнее, — проводит пальцем по изгибу шеи.

— Следующий раз? — округляю от испуга глаза.

— Да. Мы же теперь пара, — чмокает в щеку.

— Пара?.. — повторяю, как попугай.

— Ты против?

— Нет... Я поеду домой! — соскакиваю с кровати и направляюсь к двери, хватая на ходу свой рюкзак.

— Я отвезу, — поднимается Том.

— Нет! — вытягиваю руку, чтобы остановить его. — Я сама... На такси... Пока! — буквально вылетаю в коридор.

Подальше отсюда.

Мне сейчас почему-то ужасно стыдно. Я хочу побыть одна.

Том

Подхожу к окну и наблюдаю, как быстро Лима удаляется от здания, несколько раз повернувшись назад...

Входит Итан.

— Как всё прошло? — скабрёзно улыбается.

— А как ещё могло пройти с девчонкой, у которой опыта в постели ноль? — косой

взгляд на него. — Никак...

— Вот поэтому я бы лучше трахнул её тетушку. Вот она точно горячая штучка! — играет бровями друг.

У меня только об одном упоминании о Сельванне челюсти сами собой сжимаются, так, что скулы заболели.

— Ты можешь об этом только мечтать, — произношу с нотками агрессии. — И она не тётушка!

Лима пролетает мимо нас, как пуля.

— Что случилось? — кричит ей в след Алекс.

— Ничего! — недовольно отвечает ему сестра и быстро забегает по лестнице на второй этаж, громко хлопнув дверью своей спальни.

— Что это было? — смотрит на меня.

— Не знаю... Может так торопится выполнять домашнее задание?

— Можно было бы и нормально ответить, — сводит брови.

— Оставь её в покое. Мало ли что могло произойти. Там наверняка ничего супер страшного...

Он выдыхает и откидывается на диван.

Сажусь рядом с ним и прижимаюсь к плечу.

— Я переживаю за неё, — трётся о мою голову своей.

— Алекс, она взрослая девочка и свои проблемы, в первую очередь, должна решать сама. Вот если не будет справляться, тогда подключимся мы.

— Может зря родители отправили её сюда. Училась бы в Москве...

— Милый, она учится в одном из лучших и престижных ВУЗов мира. Попасть сюда мечтают тысячи выпускников и ей несказанно повезло.

— Да, всё я понимаю, Сэл! Просто постоянно думаю о том, что её могут обидеть.

— Тогда ты за неё заступишься, но пока она не попросит — не лезь в её жизнь. Набьет шишки, о'кей! Но сама... Вспомни себя в восемнадцать лет.

— Я тогда уже жил самостоятельно. Работал на твоего крестного, — обнимает меня за плечи.

— Да, мы с тобой в этом возрасте не были такими тепличными.

— Я лишь об одном жалею, что после нашей встречи в клубе не нашёл тебя.

— Понравилось получать по шее?

Он заливается смехом.

— Нет. Тогда бы мы были вместе на четыре года раньше.

— С чего ты взял?

— Ты бы не устояла. Сто процентов! — хитро строит мне глазки.

— Вряд ли. Иначе тебе не пришлось бы столько лет со мной дружбу водить. А знаешь, у меня есть предложение...

— Какое?

— Полететь на выходные на Гавайи.

— На Гавайи? Хорошая идея! Мы там провели первый наш отпуск.

— Да. Я узнала, отель, в котором мы тогда жили, до сих пор работает. И даже наше бунгало стоит.

— И ты его зарезервировала?

— Угу.

— У меня нет причин для отказа, — вдавливая меня в себя Алекс так, что кости хрустят.

— Тогда распорядись, чтобы в пятницу вечером самолёт был готов.

— Хорошо, когда есть свой самолёт, можно сесть и полететь куда угодно.

Я седлаю мужа, обхватываю руками лицо и целую.

— Я говорила тебе, что я тебя люблю? — смотрю на него серьезно.

— Ммм... — делает вид, что вспоминает. — Сегодня нет.

— Я тебя люблю!

****

Подумав пару секунд, стучусь в дверь спальни Лимы. Она разрешает войти.

Лежит на кровати, свернувшись калачиком, и теребит край наволочки.

— У тебя всё нормально? Ты не спустилась к ужину, — присаживаюсь в ногах на кровать.

— Я не голодна...

— У тебя проблемы? — слегка прикасаюсь к её ноге.

Она дёргается и отодвигается.

Кто-то явно обидел.

— Нет у меня проблем! Всё хорошо... Просто преподаватель сегодня на меня накричал, потому что я не всё поняла из сказанного им.

— Хочешь, наймём репетитора по английскому?

— Нет. Я записалась в клуб таких же иностранцев, как и я, чтобы лучше изучить язык.

— Отлично. Если у тебя трудности, то не стесняйся, мы с твоим братом поможем.

— Если будут, то обращайся. Извини, но я спать хочу, — переворачивается она на другой бок.

— Спокойной ночи...

***

Приезжаю сегодня лично забрать Лиму из университета.

Алекс предложил нам обеим вечером сходить на светское мероприятие. Нужно заехать к стилисту, сделать причёску и макияж, подобрать наряды.

Громова младшая идёт к машине, озираясь по сторонам, будто боится кого-то встретить. Забирается в машину, нервно дёргает ремень, который заел, стараясь пристегнуться.

— Не дергай, — советую ей.

Она наконец-то закрывает замок, и мы трогаемся.

Отъехав немного от ВУЗа, внимательно смотрю на неё. Сидит, ковыряет ногтем дырку в рюкзаке.

— Он пять тысяч долларов стоит, может не стоит портить вещь? — обращаюсь к ней. — Давай признавайся, что у тебя случилось, что ты нервная такая последнюю неделю ходишь? Только не втирай мне про языковые барьеры.

Лима молчит, но потом всё же заговаривает:

— Как у тебя было в первый раз?

— Какой первый раз? Села за руль? Попробовала дури? — шучу.

Последнее не очень весёлое было.

— Не издевайся! Ты прекрасно меня поняла...

Я скриплю зубами и перевожу взгляд на боковое зеркало.

— Я не самый лучший пример...

— Почему?

— Потому что была в отключке. Да и невинность я потеряла не по своему желанию, — сжимаю руками руль до побеления костяшек.

— То есть? Тебя что...

— Давай не будем говорить это вслух, — перебиваю её.

— А Алекс знает?

— Знает. Только к чему эти вопросы? — гляжу на неё. — Лима, ты, что переспала с этим парнем? — догадываюсь, почему она такая дёрганая.

Она качает головой в согласии.

— Офигеть! И он тебя кинул после этого?

— Нет. Наоборот... Предложил встречаться...

— Тогда что не так? Ты же вроде была в него влюблена.

— Я испугалась, — бегают глазами. — Просто было очень больно. А он сказал, что в следующий раз будет приятно. И...

— И ты боишься, что не будет? — она кивает. — Первые разы действительно не очень. Но со временем всё нормализуется. Странно, что я должна тебе об этом рассказывать! У тебя же вроде подруги есть.

— Они только позавидовали, что это сделал крутой парень. Поздравили.

— Поверь, дело не в крутости, а в том, какой это человек. Твой вот не сбежал, отношения предложил. Значит, ты ему небезразлична, хоть я и сомневалась. Может, дашь парню шанс? Или он тебе больше не нравится?

— Нравится...

— Тогда отбрось сомнения. Рано или поздно тебе придётся, переступит эту грань. Все женщины через это проходят. Посмотри на нас с Алексом, если бы я в своё время не отпустила свой страх, то мы не были бы счастливы. Очень надеюсь, что и тебе так же повезёт. Если он окажется единственным мужчиной в твоей жизни, в хорошем смысле, то это вообще круто.

— А сколько было у тебя?

— Зачем тебе? Немного...

— И всё же?

— Трое, — открываю правду.

Об этом даже Алекс не знает. Он никогда не интересовался моими прежними связями. Да и какие там связи?! Бывший муж и один случайный перепихон.

— Это мало. У Светки, моей подруги, уже двадцать было, а ей всего восемнадцать.

— Какие вы разные...

— Я была единственная в нашей компании, у кого секса не было. Просто для меня был важен первый раз. Я представляла эту ночь красиво. А получилось по-быстрому в комнате студенческой общаги, — грустно и разочарованно вздыхает.

— Радуйся, что вообще кровать была, а не как у меня заднее сиденье прокатного лимузина.

Она морщит нос.

— Увы, иногда наши ожидания не оправдываются. Хочешь красиво — сделай сама, а не надейся на парней. Не все из них романтики, большинству наплевать, где и когда это произойдет, лишь бы получить своё. В Америке молодёжь более раскованна, чем в России. У нас всё ещё прививают в семьях хоть какие-то традиционные ценности. А здесь всем наплевать. Сношаются, как животные. Думаю, твой парень охренеет от того, что ты от него как от прокаженного бегаешь.

Мы подъезжаем к салону. Я глушу машину и поворачиваюсь к ней.

— Твоему брату я ничего не скажу. Иначе он твоего ухажёра порвёт как Тузик грелку.
Но обещай быть благоразумной и не следовать слепым порывам.

— Обещаю, — закусывает нижнюю губу.

— Вот и отлично. Идём делать из нас богинь красоты!

— Ну, сколько их можно ждать?! — недовольно гримасничаю, ожидая жену и сестру в машине у салона.

Психанув, выхожу и иду к ним. У двери встречает девушка администратор и провожает куда нужно.

— Алекс! Ты же нам весь сюрприз испортишь! — наезжает на меня Дориан, стилист Сельванны.

Иногда хочется этому манерному нос сломать, когда он предлагает ей к различным мероприятиям супер открытые платья. Порой такие, что проще просто голой пойти. Дешевле выйдет...

А меня каждый раз рвёт на части от ревности, когда на МОЮ жену пялятся. Я так и не научился с ней справляться, хотя и доверяю Сэл на все сто. Знаю, что другие мужчины ей абсолютно не интересны и их комплименты она мимо ушей пропускает. Но поначалу я скандалы закатывал. Только она не реагировала. Сказала, что со своими заскоками я должен справляться сам, а не выносить ей мозг из-за своей неуверенности и внутренних комплексов. Она для себя всё давно решила и если я продолжу, то она будет раздувать проблему по-своему. Не трудно догадаться как...

А у меня от неё зависимость, ломка такая, что когда её нет рядом, меня будто наружу выворачивает. Я физически чувствую боль.

Любовный наркоман, блин!

После последней нашей разлуки, когда она на два месяца в Австралию на съёмки улетела, я в больницу слёг. Врачи ничего не нашли. Просто психо-соматика. Сэл отказалась от всех дальнейших проектов и перестала сниматься, ограничилась небольшими работами на несколько дней. Я тоже стараюсь не уезжать надолго из дома.

Но требовать от неё бросить всё и стать домохозяйкой — я не могу. Ей нужно чем-то заниматься, иначе зачахнет. Поэтому и погрузилась с головой в свой бизнес, увеличив за последние пару лет капитал в два раза.

Мои глаза сзади закрывают женские руки, у затылка раздаётся негромкое хихиканье.

— Лима, — узнаю сразу.

Это её привычка так делать. С детства.

Она опускает руки.

— Мог бы для приличия, и погадать немного, — с укором.

Я не узнаю свою сестру. На ней светло-голубое шифоновое платье на бретельках с золотым поясом чуть ниже груди. Что-то подобное носили девушки в Древней Греции. Волосы уложены в локоны и собраны назад, на голове тиара с камнями в цвет платья. Она из последней коллекции нашего ювелирного дома. На лице лёгкий и естественный макияж, который подчеркивает всю красоту Лимы.

— Великолепна! — окидываю её восторженным взглядом.

— Ты ещё Сэл не видел, — широко улыбается.

От вида жены действительно дыхание спирает.

Потрясающее белое кружевное платье в пол, которое обнимает её фигуру, подчеркивая всю красоту. Распущенные лёгкие локоны придают причёске объем. Украшения и заколки с бриллиантами. Стилист выделил макияжем глаза и полные губки, они притягивают взгляд.

Она больше на невесту похожа.

— Богиня, вы выйдете за меня замуж? — в шутку встаю на колени.

— Я уже замужем за самым лучшим мужчиной в мире.

Я тянусь к её губам с поцелуем, но сзади раздаётся возглас Дориана:

— Ты с ума сошел?! Хочешь мою работу испортить? Я полчаса наносил макияж!

— Я когда-нибудь его придушу, — шепчу так, чтобы услышала только Сэл.

— Не стоит. Он единственный, кто чувствует мои желания.

— Так это твои желания? А я думал — мода! — изображаю удивление. — Ладно, девочки, поехали! — подталкиваю их к выходу.

Обычная процедура — фотографирование перед мероприятием, которую проходят все приехавшие медийные люди. Каждый раз одно и то же: встаньте на крестик, улыбнитесь, обнимитесь, поцелуйтесь.

Но моя жена взяла привычку выдавать на таких фотосессиях что-то новое, разбавить скучный фотосет. То скорчит рожу, то сексуально язык покажет. Сегодня прислоняется своей спиной к моей и медленно приседает, раскачивая бёдрами под музыку, изображая страстный танец.

— Прекращай! — приобнимаю её за талию. — А то мы покинем эту тусу прямо с порога.

Она стряхивает невидимую пылинку с моего смокинга и проводит пальчиком по моей скуле.

— Я бы с радостью, но тогда мы не узнаем, кто купит свидание с твоей сестрой на аукционе. Зачем ты её выставил?

— Это благотворительность... Лиму это ни к чему не обязывает, всего час в ресторане под наблюдением охраны. Она сама согласилась.

— Дай бог, чтобы ей попался нормальный покупатель, а не один из этих пузатых толстосумов, — кивает в сторону дорого одетых пухляшей.

— Я тоже...

— Добрый вечер! — прерывает наш разговор, подошедший к нам Дэн Гарнер.

— Привет! — улыбается и обнимает его за плечи Сэл.

Её старый приятель и коллега.

— Ты же вроде в Нью-Йорке обосновался, — пожимаю ему руку.

— Да. Получил приглашение, как завидный холостяк, вот и приехал.

Лима подходит и цепляется вдруг в мою руку выше локтя, уставившись на Дэна.

— Познакомься, моя сестра Лима, — представляю её. — Дэн, наш друг.

Она во все глаза смотрит на него с каким-то недоумением.

— Ты чего? — слегка пихаю её в бок.

Она очухивается и медленно хлопает ресницами.

— Ничего...

— Похоже, ты обезоружил мою сестру, — шучу, обращаясь к Дэну.

— Приятно, что я ещё привлекаю молодых девушек.

— Перестань накручивать свой возраст! Стариком прикидываешься, — журит его Сельванна.

— Я видел твоё имя в списке лотов, — обращается к Лиме. Она качает головой в согласии. — А мой сын в этом году отказался. Сказал, что ему прошлого года хватило. Развлекать очередную престарелую дамочку, которая весь вечер будет пытаться залезть ему

в трусы, он не собирается.

— Характер у него по-прежнему кусачий, — усмехается Сэл.

— Не то слово! Каждая наша встреча заканчивается ссорой. Хорошо мы живём в разных концах страны, иначе бы ненавидели друг друга люто. Он мне до сих пор наш развод с Гвен простить не может.

Лима вся напряглась, когда речь зашла о сыне Дэна. Я списываю это просто на интерес к персоне парня.

Когда начинается аукцион за Лиму, и я понимаю, по её брезгливому выражению лица, что все претенденты не фонтан, посылаю сообщение Дэну:

"Выручай. Деньги верну".

Он ей вроде понравился.

Он еле заметно кивает мне головой и вступает в торги. Выигрывает. Сестра обходится мне в восемьдесят тысяч долларов.

— Спасибо! Скинешь мне реквизиты, чтобы я тебе деньги перевел, — благодарю Гарнера перед уходом.

— Брось! Мне и самому было интересно. Лучше их в фонд переведи.

На том и забились.

Завтра вечером Лима должна поехать с ним на свидание. Дэн свой человек и не позволит себе ничего лишнего, в этом я уверен.

— Это же не честно, — с укором смотрит на меня Сэл, когда мы едем домой.

— Зато безопасно...

— Клуб обеспечивает безопасность, близкий контакт во время свидания запрещен.

— Ты Дэна слышала?

— Том — парень и способен постоять за себя, — спорит жена.

Лима смотрит на нас широко открытыми глазами.

— Его сына зовут Том?

— Да.

Съезживается вся, обнимает себя за плечи и потирает их.

— Замерзла? — спрашиваю у неё.

— Немного...

Я скидываю пиджак и надеваю ей на плечи.

— Успокойся. Дэна можешь не бояться, он знает, что ему придётся отвечать передо мной. Поговорите часок и всё.

— Я и не боюсь. Он показался интересным...

— Вот и хорошо, — откидываюсь на сиденье и сжимаю руку жены.

Том

Никогда не ищу встреч с отцом, но, когда он приезжает в Лос-Анджелес, не увиливаю от них.

Через год после развода он уехал сначала в Вашингтон, потом переехал в Нью-Йорк, а я с матерью и сестрами остался в Хьюстоне. После окончания школы переехал в Лос-Анджелес, нужно было учиться дальше.

Расставание родителей было громким. Пресса долго муссировала эту новость, предполагая возможные причины разрыва. Но я их знаю, а они нет. И из-за этого у нас с отцом постоянное недопонимание и ссоры, хотя самой темы мы никогда не касаемся.

— Тебя выставили на торги дважды? — беру со стола два приглашения на свидания.

— Нет, один, — застегивает отец рубашку, собираясь в ресторан на встречу со своей поклонницей.

— Откуда тогда второе? — показываю ему.

— Я тоже выиграл.

Открываю карточку. Там поздравления с победой в аукционе, адрес ресторана и имя девушки.

Лима Громова.

Злобно сжимаю челюсти.

От меня бегаешь, а в аукционе готова с любым пойти?

— Отдай его мне... — обращаюсь к отцу.

— Зачем?

— А зачем тебе свидание с молодой девчонкой? У тебя и так одно есть.

— Меня Алекс попросил, её брат.

— Какой Алекс?

— Алекс Гроу, муж Сельванны. Ты её наверняка помнишь, она несколько лет назад лошадь с Джен остановила у нас на ранчо, когда та сорвалась.

— Помню...

— Лима — его сестра. Она участвовала в аукционе, и Алекс попросил сделать за него ставки. Я помог.

— Значит, тебе с ней идти на свидание не обязательно?

— Я не могу отказаться, иначе это вызовет подозрение. Все знают о нашей дружбе, — отвечает отец, застегивая ремешок часов.

— Тогда отдай приглашение мне, и я схожу вместо тебя.

— Не думаю, что это в правилах клуба...

— Здесь не указано имя, написано только " мистер Гарнер". Так что никто не придерётся.

— Ладно, если ты хочешь... — пожимает плечами. — Ты же помнишь правила этих свиданий?

— Да. Никакого интимного контакта. Только не все их, похоже, знают, — вспоминаю своё прошлогоднее свидание.

Меня тогда купила женщина лет пятидесяти, которая оказалась жутко озабоченной. Час показался бесконечностью.

Лима

Машина останавливается у порога роскошного ресторана. Водитель помогает выйти из машины и подводит к дверям. Швейцар открывает дверь, улыбается и желает приятного вечера. Благодарю его улыбкой и кивком головы.

В холле встречает администратор клуба, которая забирает приглашение и провожает в небольшой уютный зал, там накрыт всего один стол. Дэн стоит и смотрит в окно неподалеку. На нём строгий серый костюм, подчёркивающий фигуру.

— Добрый вечер! — здороваюсь.

Мужчина оборачивается.

У меня вырывается громкий вздох.

Передо мной не Дэн, а Том. Сзади они совершенно одинаковые. И сейчас, приглядевшись, понимаю, что сходство разительное.

— Том? — открываю рот.

— Удивлена? — скромно улыбается, окидывая взглядом. — Ты красивая...

Я одета в приталенное чёрное платье с открытыми плечами, с левой стороны по бедру идёт разрез, из которого выглядывает стройная ножка.

— Я знаю, что Дэн твой отец, — нервно сглатываю. — Только почему вместо него пришёл ты?

— Наверное, потому что ты от меня бегаешь, вместо того, чтобы поговорить и всё выяснить. Прошу, — приглашает Том рукой к столу.

Официант подаёт меню, ждёт заказ и удаляется.

— Так может, объяснишь, что я не так сделал, отчего ты со мной общаться не хочешь?

Я опускаю голову и молчу.

Что мне сказать?

Мне стыдно? Мне было не очень приятно?

Это его обидит.

— Я понимаю, что ты, скорее всего, как любая девушка, свой первый раз представляла иначе. Отель, цветы, романтический ужин при свечах. Я готов всё это для тебя сделать.

— Поздно уже! — приподнимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Лима... — берёт за руку.

Охранник у двери, который внимательно за нами наблюдает, трогается в нашу сторону.

Тому приходится отпустить ладонь.

— Ты мне нравишься, — продолжает он. — И я хочу, чтобы мы продолжили наше общение. Мне казалось, что у нас взаимно.

— Я не хотела, чтобы всё произошло так быстро.

— Надо было сказать мне, я бы не торопил события. Но там, в комнате, я не заметил, чтобы ты была против. Почему не сказала "нет"?

— Не знаю... — признаюсь честно.

— Я не умею читать чужие мысли, Лима. И уже ничего не изменить. Но у нас два пути — быть вместе или разойтись. Лично я за первый.

Молча думаю. Том мне очень нравится, но страхи сильнее.

Сэл говорит, что со временем всё пройдёт и останется только удовольствие.

— Я тоже, — решаюсь.

— Вот и отлично, — широко улыбается своей белозубой улыбкой. — У меня даже аппетит появился.

Оставшееся время мы больше не обсуждаем наши отношения. Говорим просто обо всем и поглощаем вкусный ужин.

— Как насчёт того, чтобы завтра вечером сходить в кино? — спрашивает Том перед расставанием.

— Почему бы и нет! — соглашаюсь на его предложение.

— Тогда скинь мне адрес, я заеду за тобой.

— Хорошо.

С этого дня мы начали встречаться. Постепенно всё пришло в норму. И даже близость, которой я так боялась, стала действительно желанной.

От поцелуев Тома кидало в жар, а голова шла кругом.

Он будит во мне женщину и каждый раз всё проходит совсем иначе, чем в предыдущий. Он обучает меня искусству любви.

Домой прихожу поздно, так как большую часть времени провожу на занятиях, а остальное время с Томом. Иногда забегаю посмотреть на его тренировки по футболу или боксу. Последние особенно нравятся. Он на них такой агрессивный. Это жутко привлекает и возбуждает. Тому наплевать даже на запреты тренеров, о том, что нельзя заниматься сексом перед важной игрой.

Не нравится только одно — у него вечно что-то было разбито: брови, скулы, костяшки. Содрана кожа на руках или ногах при торможении на траве. Даже форма от этого не защищает. Я ругала его за это, а он только смеётся.

— Пригласишь домой? — спросил Том, когда подвозит после университета. — Или твоя семья не обрадуется тому, что ты пришла со своим парнем?

— Дома только Сельванна, — смотрю на припаркованные у дома машины.

Там стоит её Эскалайд. Мерседеса Алекса нет.

— Замечательно! Поздравляю со старой знакомой, — ухмыляется он и выходит, чтобы открыть для меня дверь.

— Проходи... — впускаю Тома в дом.

Проходим в большую гостиную.

Он осматривается вокруг.

— Современно, — делает заключение.

— Да. Брат старается идти в ногу со временем.

Из небольшого коридора в дальнем углу слышится стук каблуков о пол. Сельванна выходит, держит в руках папку и перебирает бумаги. Она посмотрит сначала на меня, потом на Тома, стоящего к ней спиной.

— Ты уже дома? Отлично. У меня через час деловая встреча, но к ужину я вернусь.

Лицо Сэл изменяется, когда Гарнер смотрит на неё. Она удивлена, но в глазах проскальзывает и тревога.

— Том?

— Вижу представлять вас не нужно, — обнимаю парня за пояс.

Он обнимает в ответ.

— Здравствуй! — растягивает широкую улыбку.

— Здравствуй! — бегают глазами Сэл.

Том не сводит с неё глаз как ящерица, ждущая, когда добыча подползет поближе. Надменная ухмылка сменяет улыбку.

Не дружественно как-то они смотрят друг на друга.

— Мне пора... Мы позже поговорим, Лима, — говорит Сельванна и торопливо устремляется к выходу.

— Сэл, можно Том с нами сегодня поужинает? — в спину.

Она медленно разворачивается на каблуках, глядит на нас и отводит глаза.

— Можно... Только предупреди повара.

Быстрым и твердым шагом удаляется. Напряглась вся...

— Твою мать! — ударяю рукой по рулю.

Знала бы, с кем переспала Лима, в жизни бы не посоветовала с ним встречаться. Он ещё подростком у меня вызывал смешанные чувства, а сейчас взрослый парень.

Взгляд его, липкий какой-то, с нотками похоти. На вырез блузки уставился. И не золовки, а мой!

Я хорошо и уважительно отношусь к Дэну. Но его сын — это какая-то дьявольская помесь. Есть в нём что-то опасное...

А может, я себя накручиваю? И не такой уж он и плохиш? В общем, он мне ничего плохого не сделал, кроме того, что он его взглядов мороз по коже.

Почему я не поинтересовалась у неё именем поклонника?

Теперь понятно, почему она вся вытянулась, когда на благотворительном бале увидела Дэна, сама каждый раз удивляюсь их сходству.

Надеюсь, у них несерьезно и они скоро разбегутся.

— Ты серьезно про несерьезно? — задаю сама себе вопрос.

Лима влюблена в него по уши! Понятно теперь, где она пропадает целыми днями.

После нашего откровенного разговора мы больше не секретничали, не было на это время. Я только как-то спросила — помирилась ли она с парнем. Она сказала, что да. Всё! Это был весь наш разговор.

Что ж, придётся вечером за ужином понаблюдать за этой парочкой и всё выяснить.

Алекс будет в бешенстве! Он ничего не знает про чувства сестры. Я не рассказала ему, как и обещала. Надо бы его как-то подготовить к сегодняшнему ужину. Иначе он этого мелкого порвёт.

Хотя порвешь его! Шкаф не меньше моего мужа. Лима говорила он вроде футболом и боксом занимается.

Надо быть на чеку! Не дай бог, эти двое сцепятся...

Я была уже свидетельницей, как у Алекса провода в голове перемикают и он на быков, вроде Марка, кидается.

Отбросив дурные мысли, стараюсь сосредоточиться на работе, у меня сейчас важная встреча. Но это оказывается сложно, перед глазами то и дело мелькает взгляд Тома.

И что я так зацикливаюсь?

Даже во время переговоров это не даёт мне покоя и сбивает. Итог — они прошли натянуто и ни к чему толком не привели. Договариваемся только встретиться ещё раз.

Приезжаю домой в раздрае. Принимаю душ, переодеваюсь в более удобную, но с долей праздности одежду. Не в пижаме же гостя встречать.

Алекс в кабинете и с кем-то разговаривает по телефону. Подхожу тихо и сажусь на подлокотник кресла, обнимаю его за шею и целую в щеку. Он приобнимает меня одной рукой, отложив смартфон.

По телу сразу растекается теплая волна спокойствия и умиротворения. Рядом с ним всегда так хорошо...

— Что случилось у моей кошечки? — глядит в глаза и сразу понимает, что меня что-то гложет.

— Переговоры прошли неудачно.

— Бывает... Не волнуйся так.

— Ещё есть кое-что...

— Что?

— У нас за ужином будет гость.

— Хорошо. Ты пригласила кого-то из партнёров?

— Нет. Это бойфренд твоей сестры, — на одном дыхании, зажмуриваясь.

Алекс смотрит на меня, я делаю извиняющееся лицо. Он подскакивает и застывает от удивления.

— В каком смысле её парень? С каких пор у неё есть парень?! — повышает тон.

Я морщусь от громкости его голоса.

— Они около месяца встречаются.

— Месяца? Она здесь ещё и двух не прожила! Ты всё знала и ничего мне не сказала? — с обвинениями кричит на меня.

— Это её личная жизнь и я туда не лезу. Она только поделилась, что у неё появился поклонник.

Противно врать мужу, но он не глупый, сам догадается, что они там не только звёзды по ночам рассматривают.

— Если тебя это успокоит, то это сын Дэна.

— Сын Дэна? Том? Ещё лучше! — запикивает руки в карманы.

Видно, что он там сжимает кулаки.

— По крайней мере, мы с ним знакомы...

— Не мы, а ты. Я его один раз мельком видел.

— Он был активным, по словам Дэна, хулиганистым мальчишкой, но Том уже взрослый и, думаю, исправился. Занимается спортом, учится хорошо. Будущий юрист...

Алекс злобно бросает взгляд на меня.

Я встаю и обнимаю его за талию.

— Не нервничай ты так! Она совершеннолетняя девушка, не сидеть же ей вечно в девицах. Сейчас самое время с кем-то встречаться, влюбиться.

— Ей учиться надо, а не шуры-муры крутить.

— Ты ей это не докажешь. На её месте я бы тоже никого не слушала.

Муж вынимает руки из карманов и обнимает меня.

— Поцелуй меня! — прошу, чтобы перевести его пыл в другое русло.

Мне сейчас это очень нужно. Непокойно как-то на душе...

Алекс наклоняется и слегка касается моих губ. Проводит по ним языком, заставляя приоткрыть рот. Я выполняю его немую просьбу. Его губы обхватывают мои, а язык проникает внутрь. В голову ударяет кровь, а по телу течёт тягучее тепло.

Я прижимаюсь к нему теснее, ощущая каждым сантиметром его близость и жар.

Мы очень долго так стоим и целуемся, пока не раздаётся стук в дверь.

Алекс отстраняется и хрипло произносит:

— Войдите!

На пороге Лима и Том.

Гроу нервно дёргает губой, смотрит мне в глаза и натягивает улыбку. Меня из объятий он не выпускает. Но я сама заставляю убрать его одну руку и поворачиваюсь к паре.

— Добрый вечер! — за всех.

Взгляд сам находит глаза парня. В них почему-то гнев, хоть лицо и каменное. Он

рывком притягивает Лиму за талию к себе.

Пальцы Алекса сжимаются сильнее. Он злится и буравит Тома глазами.

И дело не в том, что это Гарнер, он бы так реагировал на любого парня сестры. Отцовский инстинкт, желание защитить от придуманных заранее неприятностей. Он и у братьев есть.

— Идёмте ужинать, — решаю я разрядить обстановку.

А то тут такой накал, что может шандарахнуть. И не понятно кому больше прилетит, комплекция и рост у них одинаковые.

Мы сидим в малой столовой на закрытой террасе за небольшим столом. Обычно мы здесь только семьёй принимаем еду, для гостей есть другой зал. Но у нас вроде как домашние посиделки.

— Значит, ты тоже учишься в калифорнийском университете? — задаёт Алекс вопрос Тому.

— Да. Третий курс юридического факультета, — отвечает тот.

— Ещё Том квотербек в университетской футбольной команде. И боксом увлекается. Для себя, — хвастается Лима.

— И когда ты всё успеваешь? — подозрительно пилит его муж.

— Мой день распланирован буквально по минутам. Был! — поправляется он. — Теперь я стараюсь найти больше свободного времени для Лимы, — смотрит на неё ласково и берёт за руку.

Алекс сильнее сдавливают в руках нож, до побеления костяшек. В голове он точно рисует картинку, как втыкает его Тому в глаз.

Ну, я бы такое представляла.

Том видит это, я замечаю, как он слегка на секунду прищуривает глаза, а на губах появляется еле заметная улыбка.

Ему, похоже, нравится бесить моего мужа. Только причина мне не понятна. Если ты хочешь войти в семью, то наоборот должен вести себя максимально сдержанно, чтобы не раздражать будущего родственника.

Или мне это только показалось?

Я ловлю на себе взгляд Тома. Он без смущения с интересом разглядывает меня. Приходится перевести взгляд на Алекса, чтобы этот мелкий наглец не подумал, что я на него пялюсь.

В отражении на стекле замечаю, что ничего не изменилось, он всё так же глядит на меня.

По пояснице пополз неприятный холод.

— Я попрошу принести десерт, — сбегая из-за стола и направляюсь на кухню, ощущая прожигающий затылок взгляд.

— Не нравится мне этот парень, — прыгает боком Алекс на кровать рядом со мной. — Зря мы разрешили ему бывать в нашем доме.

— А Тому не обязательно нравится тебе, главное, что он нравится твоей сестре. И лучше уж они здесь видятся, чем не понять где. Хочешь нажать ещё одного врага в семье? Родителей мало? Кстати, мы с той яркой пример того, что происходит, если семья против твоей второй половины.

Алекс кривится.

— Родителям пора было бы уже и привыкнуть к тому, что я женат и счастлив.

— Они об этом не знают. Вы же общаетесь, только если у них к тебе что-то важное есть. Когда они тебе звонили просто так, чтобы узнать, как твои дела? — он молчит. — Никогда...

— Отец звонил утром, поинтересовался как Лима. Вот он "обрадуется", когда узнает, что у неё парень появился.

— А виноват будешь ты. Не уследил за сестрой. Она должна расти на своих ошибках, набьет шишки, но зато сама. Поумнеет. У меня Том тоже вызывает смешанные чувства. Но и у нас с тобой не сразу всё гладко пошло. Мои родители изначально тоже от тебя были не в восторге.

— Мне не нравится, как он смотрел на тебя, — ревностно цедит муж.

— Не заметила...

— А я заметил, — сжимает челюсти.

— Алекс, у нас был разговор по поводу твоей ревности. Мне к нему больше добавить нечего, я всё тогда сказала. Если бы я хотела пойти налево, то ты бы об этом первый узнал. Но мне это не нужно, я тебя люблю.

Я ложусь на плечо мужа и слегка царапаю его бок, там, где тату, ноготками.

— Я своего любимого котика ни за что на другого не променяю, — растягиваю улыбку чеширского кота.

Алекс урчит и подминает меня под себя.

— А я тебя никуда и не отпущу. Буду заставлять влюбляться в меня снова и снова... — целует, — снова и снова... — очередная порция поцелуев.

Одной рукой он обхватывает оба моих запястья и прижимает к кровати над головой, а вторая рука скользит под неглиже.

Горячая ладонь обжигает кожу и двигается к груди. Он слегка сжимает одну и прикасается губами к соску.

Тело ломит, а внизу живота появляется тянущее чувство желания.

Губы накрывают быстро бьющуюся вену на шее, а зубы несильно впиваются в неё. Следом снова поцелуи. В голове стучит лишь одна мысль — возьми меня!

Но Алекс не делает этого, долго и упорно терзает лаской, пока я содрогаясь от желания не вцеплюсь в него. Он издаёт злорадный смешок и наконец-то входит в меня.

Почти сразу накрывает волной оргазма.

Любимый продолжает, не давая мне опомниться, заставляет выгибаться и громко стонать.

Пальцами тербит мой клитор и опять меня топит цунами экстаза. Я впиваюсь ногтями

в его ягодичцы, заставляя войти в меня глубже, до сладкой боли.

Алекс стонет и ускоряет темп, достигая своего оргазма.

Блаженство...

****

Том, не смотря на разрешение, не сразу стал посещать наш дом. Прошло больше недели, прежде чем я увидела его у нас в гостях.

Он сидит с Лимой в гостиной. Они целуются.

Что-то мне это напоминает... Не хватает только конюшни и сена.

— Добрый день! — с силой бросаю папку с документами на журнальный столик.

Они отпускают друг друга.

Только в этот раз в глазах парня не стыд и испуг, а наглость. Он кайфует от этой ситуации. Смотрит прямо, не отрывая глаз... У меня от него уже пупырчатые мурашки по коже.

— Ты уже вернулась? — поправляет одежду Лима и застегивает пуговицы на блузке.

— Не советую вам этим... — кручу пальцем. — Заниматься здесь. Если бы вместо меня зашёл Алекс, то получили бы оба.

— Мы уроки учили, — поднимает девушка с пола учебник.

— Интересно какие? — смотрю на книгу в её руке. — История Соединённых Штатов? И как она вяжется с вашими поцелуями? Не помню, чтобы янки с южанами в дёсна целовались.

Том хихикает. Я гляжу на него со злостью. Он пытается подавить смех.

— Извини... — всё ещё пробивается у него смешок.

Я забираю папку и ухожу к себе в кабинет.

Попытка работать провалена, ни черта не получается. Перед глазами то и дело встаёт картина их поцелуев.

Почему меня это так волнует?

И почему он так смотрит?

Как тогда...

От этой мысли становится не по себе. У него ведь в прошлом была влюбленность в меня.

Успокойся! Столько лет прошло! Сопливый подросток вырос и давно забыл свои детские капризы.

Смотрю на часы.

Блин! Ещё ужин готовить. У повара сегодня выходной.

Запираю документы в стол, по второй лестнице поднимаюсь на второй этаж, чтобы переодеться в домашнее. Потом так же спускаюсь на кухню, не встречаясь с влюблённой парочкой.

Включаю в телефоне музыку, наушники в уши и выгребаю продукты из холодильника и шкафа.

Давно обещала Алексу приготовить плов, он здесь скучает по нашей и восточной кухне. Сегодня как раз и сделаю.

Летаю по кухне пританцовывая, пока не почувствовала на себе чей-то взгляд. Резкий поворот назад.

В дверном проёме стоит Том, прислонившись к косяку.

— Ты меня напугал! — вынимаю наушник из уха.

— Sorry, я этого не хотел, — ведёт плечом.

— Что ты здесь делаешь? Почему не с Лимой?

— У неё онлайн-урок английского, я ушёл, чтобы не мешать. Может быть помощь какая-нибудь нужна? Я могу помочь, — отталкивается плечом от стены и подходит к столу.

— Можешь помыть салат, — показываю лопаткой на пучок.

— И только?

— Ну, если настаиваешь, то вот, — кладу перед ним на доску луковицу.

— Лук? Конечно же! Мама тоже мне его постоянно доверяет, — весь скривился.

— Ты сам напросился.

— Где нож? — осматривается по сторонам.

Магнитный держатель с ножами прямо за мной.

Том подступает ко мне почти вплотную, так что я чувствую запах его туалетной воды, который глубоко вдыхаю. Легкий морской бриз. Протягивает руку к ножу, почти прикасаясь ко мне, задерживается так на несколько секунд. При этом ловит взгляд моих глаз, его начинает блуждать по моему лицу, задержавшись на губах. Он нервно сглатывает и встаёт в прежнее положение.

Моё сердце бьётся, как ненормальное.

От странных ощущений я быстро и часто моргаю, пытаюсь отогнать этот морок. Машинально хватаю нож.

— Как резать? — с трудом слышу его вопрос.

— Что? — не сразу доходит, о чём он.

— Лук как резать? Кольцами, полукольцами, кубиком?

— Полукольцами, — отворачиваюсь.

Всё равно его присутствие чувствуется. Он будто заполняет собой всё пространство кухни.

Быстрый стук лезвия о доску режет слух.

— Готово.

Я не глядя на него, забираю лук и высыпаю в казан.

— Ты красиво танцуешь, — проговаривает медленно, растягивая каждое слово.

— А подглядывать нехорошо.

— Я случайно. Просто не хотел мешать... Но ты же и не скрываешь это, на твоей странице в соцсети полно роликов с танцами.

— Только не говори, что ты мой фанат, — это бы многое объяснило.

— Нет. Но мне нравится то, что ты делаешь. В этом есть какой-то... огонь, — подбирает слово. — Может быть, дашь пару уроков? — я непонимающе смотрю на него. — Нам с Лимой. В университете скоро будет Осенний бал, а я танцевать совершенно не умею. Не хочется упасть лицом в грязь, мы претендуем на звание короля и королевы.

— В Лос-Анджелесе куча школ, где за несколько занятий вас обучат основам, — бухчу, пряча от него глаза.

Ещё бы я тебя танцевать не учила!

— Я привык доверять хорошим учителям, — говорит сзади, почти у уха.

Я даже дыхание его ощутила, оно опалило кожу.

— Не приближайся ко мне! — срываюсь и угрожаю ему ножом.

Но он не боится нисколечко.

Том стоит на расстоянии ладони. И опять его взгляд на моих губах.

Он даже свои облизывает и прикусывает нижнюю.

Пикапер, блин!

— Что здесь происходит? — появляется на кухне Алекс.

Повисает неловкая пауза.

Я отхожу подальше от Тома и невинно гляжу на мужа.

Он злится... Я его понимаю.

— Сэл, ужин готовит. Хотел помочь. Но, пожалуй, пойду, — нарушает тишину Гарнер.

Проходит в дверной проём боком, чтобы не задеть Алекса.

Сучонок! Оставил меня одну оправдываться перед мужем в том, в чём я своей вины не чувствую.

— Он попросил дать им с Лимой пару уроков танцев, — это же правда. — У них скоро Осенний бал и они хотят стать королём и королевой университета.

— Почему она сама об этом не попросила? — смотрит в след ушедшему Тому.

— Не знаю... У неё занятия сейчас. Я не согласилась...

Трясущимися руками накрываю крышкой казан и обнимаю своего подошедшего мужчину.

— Я плов готовлю, для тебя, — встаю на цыпочки и целую его в губы.

— Извини, я не смогу сегодня дома поужинать.

— Как так? — надуваю губы.

— Рейнольдс позвонил и попросил срочно с ним встретиться, я заскочил только переодеться.

— Ладно, — расстраиваюсь.

Рейнольдс — крутой голливудский продюсер, работает с большими мировыми звездами. Недавно он предложил Алексу контракт на запись альбома.

— Поставь плов в холодильник, я приеду и съем. И держись от Тома подальше. Мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Поцеловал меня и ушёл наверх.

Я набираю воздуха и выдыхаю со свистом.

Хорошо Алексу сзади не было видно, как ИМЕННО он на меня смотрел.

Теперь мне не понятны поведение и мотивы Гарнера.

Чего он добивается?

Но и забивать голову этим я тоже не хочу.

Готовлю салат и накрываю ужин на троих на открытой веранде. Вечер теплый и безветренный, что здесь довольно редко, океан рядом, ещё так бывает перед грозой. Природа как будто затихает перед бурей.

Лима почти всё время что-то щебечет, не замолкая, пытаюсь втянуть Тома в разговор, но он по большей части отмалчивается.

Я просто сижу молча, покручивая бокал с вином и глядя на горизонт. Оттуда действительно ползут грозовые тучи. Потом моей золовке звонит какая-то подруга, и она уходит поговорить в сад, оставив нас вдвоём.

— Спасибо за ужин! Очень вкусно, — благодарит Том.

— Пожалуйста... — мельком взглянув на него, и опять смотрю на небо.

— Мама тоже готовит что-то подобное, только не такое жирное.

— Тут так надо. Но думаю, тебе с твоим спортивным режимом этот жир не помешает.

Он улыбается краешком рта.

— А если возникнут проблемы, то в южном крыле на втором этаже есть спортзал.

— Прямо дома?

— Я брезгую ходить в общий, ненавижу общественные душевые.

— Может и тренер есть? Могу предложить свои услуги, — наклоняется ко мне ближе, поставив локти на стол.

На губах играет пошленькая улыбка.

— Я с пяти лет в профессиональном спорте, малыш, так что мне тренер не нужен, — залпом выпиваю остатки вина.

Похоже, разговор опять переходит допустимые этические рамки.

Спасает возвращение Лимы.

— Я, пожалуй, пойду, поработаю, — поднимаюсь из-за стола и начинаю собирать посуду.

— А мы можем пойти в кинотеатр и посмотреть фильм, — предлагает Тому девушка.

— Лима, ты извини, но я сегодня не настроен на поход в кино, — отказывается он, бросая взгляд на меня.

— Никуда не нужно идти, — смеётся она. — Он в подвале.

Парень немного приподнимает брови.

— Нет, давай в другой раз... У меня завтра с утра важная тренировка перед игрой, хочу выспаться.

— Хорошо... — грустно вздыхает девушка.

— Спокойной ночи! — желает нам и уходит через сад на парковку к своей машине.

***

Началась гроза.

Раскаты грома оглушают, а вспышки молний освещают ночное небо. Стихия разбушевалась, вот-вот хлынет дождь.

Я немного прибавляю свет на настольной лампе, чтобы в комнате не было так мрачно.

Порывом ветра из окна открывает дверь...

Я встаю, чтобы закрыть.

Спиной чувствую чьё-то присутствие в кабинете. За спиной стоит Том, зашёл с открытой на веранду двери.

— Что ты здесь делаешь? Ты же уехал, — сильно начинает биться сердце в груди от страха.

Массивная фигура на темном фоне, освещаемая только вспышками грозы, кажется угрожающей.

— И ты поверила в это? — делает пару шагов ко мне и выходит на свет от лампы.

Большой и опасный.

— Тебе лучше уйти, скоро вернётся Алекс.

— Я его не боюсь, — скалится он.

Мышцы под футболкой напряглись.

— Зря, он может быть отмороженным.

— Я хуже... И ты это чувствуешь...

Я мотаю головой. Он делает ещё пару шагов. Сейчас между нами всего метра полтора, не больше.

— Ты такая же, как и я. Жёсткая, агрессивная и... — преодолев дистанцию, в мгновение ока хватает меня за талию, — горячая. Я с ума по тебе схожу, — нагибается к шее

и втягивает ноздрями мой запах. — Перед глазами постоянно твой образ... твои угольные глаза...

— А Лима? — вся сжимаюсь в его руках.

— А что она? Хорошая девочка, но такого желания, как ты, не вызывает.

— Ну, ты и гад! — упираюсь руками в его грудь.

Но он только сильнее прижимает к себе, так что я ощущаю его возбуждение.

— Отпусти, — пытаюсь прокричать, но слова тонут в поцелуе.

Он грубый, властный и безжалостный. Том просто сминая меня своими губами.

Прикусив до боли нижнюю губу, заставляет приоткрыть рот. Нагло и без приглашения проникает в него языком.

Я очередной раз пытаюсь оттолкнуть его, но получается слабо. Ударов он даже не замечает. Натренирован...

Тело вдруг перестаёт слушаться, а ноги становятся ватными.

В голове пополз туман.

Сминаю руками его футболку, пытаюсь удержаться на ногах.

Кожу покалывает иголками, а внутри что-то трепещется.

Сама не замечаю, как отвечаю на поцелуи.

Его напор сменяется нежностью, когда понимает, что я больше не сопротивляюсь.

Подхватывает меня под попу и усаживает на стол, я вцепляюсь руками в край.

Губы Тома спускаются к шее. Он целует, трётся щекой, заставляя меня от удовольствия томно закрывать глаза.

У меня вырывается стон, который оглушает, как раскат грома за окном.

Его руки тянутся к кнопкам на рубашке, рывком расстёгивает их и спускает её с моих плеч.

— Ты такая красивая... — доносятся его слова на выдохе.

Том покрывает поцелуями кожу на плечах. Придерживая одной рукой за бедро, второй отстегивает бретельки на бюстгальтере и опускает его вниз.

Губы коснулись моей груди, а руки сжали их. Он втягивал то один, то второй сосок, прогоняя по моему телу разряды тока. Невероятные ощущения.

Гарнер наматывает на руку хвост и тянет за него назад, заставляя выгнуться. Второй рукой расстёгивает молнию на шортах и запускает её под них.

— Не носишь трусики? Обожаю... — хрипит на ухо, наклонившись ко мне.

Скользит пальцами в меня. Тело парализует от его ласк. Могу только стонать от наслаждения, пока он ловко ими двигает.

Заставляет меня приподняться, чтобы снять шорты, а сам спускает спортивные штаны вместе с боксерами. Горячий и каменный член касается моего входа и начинает тереться, вызывая судорожную дрожь по всему телу.

Кладёт руку мне на затылок и приближает мою голову к своей, щека к щеке.

— Скажи, что хочешь меня так же, как и я тебя, — требовательно. Я молчу. — Ну, — толкает меня бёдрами, — я продолжу только тогда, когда ты это скажешь, — рычит хрипло и с агрессией.

— Хочу... — чуть слышно.

— Громче... Я не слышу.

— Хочу!

И он выполняет обещание...

Просыпаюсь и сажусь в постели.

Сон... Это просто плохой сон...

Хватаюсь руками за лицо. Я вся потная, а сердце бешено колотится.

Неожиданно раздаётся раскат грома, и я громко вскрикиваю от испуга.

— Кошмар? — поднимается на руках Алекс и устраивается рядом. — Ты стонала во сне.

Я его разбудила.

— Да... — ёжусь.

Мне кажется, что я всё ещё чувствую руки и поцелуи Тома, таким настоящим было сновидение.

Муж двигается ко мне, откидывает волосы от шеи и целует в неё. Я вздрагиваю.

— Ты вся мокрая и холодная, — трёт мне плечи ладонями.

Аккуратно на себя и обнимает обеими руками.

— Ты в безопасности, — шепчет у виска.

Меня время от времени мучают кошмары с воспоминаниями о нападении на нас, и Алекс в них всегда умирает.

Но сейчас это другой ужасный сон. И я опять сама пустила причину в дом.

— Алекс, я тебя люблю... — льну к нему сильнее.

Меня колотит, мне нужно его тепло.

— Я тебя тоже, — поднимает одеяло повыше и накрывает мои плечи. — Спи. Я рядом... — чмокает в макушку.

Пригревшись и успокоившись в его руках, засыпаю. Когда просыпаюсь утром, Алекса в постели уже нет.

Семь утра.

В это время он таскает железо в тренажёрке.

Бодрящий душ, накидываю поверх майки домашнюю рубашку Алекса и спускаюсь на кухню приготовить завтрак. Кофе, блинчики со сгущенкой и фруктовый салат, всё, как он любит.

В коридоре раздаётся голос мужа, он с кем-то разговаривает по телефону.

— Я понял... Конечно, буду, — говорит неизвестному мне собеседнику и отключает.

— Проблемы? — мельком взглянув на него, расставляю на столе тарелки.

— Нет. Но мне придётся уехать на пару дней.

— Сегодня?

— Да.

— Жаль... — расстраиваюсь, что его не будет рядом, когда он мне так нужен. — Куда едешь?

— В Вегас. Там снимают какое-то шоу и просят приехать на съёмку.

— Это замечательно! Чаще мелькать на экране — это супер. Я тобой горжусь! — обхожу сзади, разминаю его плечи и целую в колючую щеку.

— Надеюсь, вы без меня тут шалить не будете? — приобнимает рукой за талию и усаживает к себе на колени.

— Будем... Обязательно будем, — шутливо.

Он убирает локоны волос с моего лица и смотрит ласково.

— Обожаю тебя домашнюю. В моей одежде и без макияжа.

— Жалкое зрелище...

— Наоборот потрясающее, — вжимается губами мои.

Нежный утренний поцелуй для тонуса.

— Привет, родственники! — врывается в наш мир Лима и садится за стол. — Можно мне тоже блинчики? — заглядывает в тарелку Алекса.

Он пододвигает её к ней.

— Ешь.

— Спасибо, братишка! — довольно потирает руки. — Кстати, кто сегодня везёт меня в универ?

— Я отвезу, Алексу надо вещи перед отъездом собрать, — слезаю с колен мужа и ставлю перед ним другую порцию панкейков. — У меня сегодня выходной.

— Поздравляю! — говорит с набитым ртом Лима.

Да, у меня они редкость...

— Надо бы тебе записаться в школу вождения, — предлагает Алекс.

— Зачем?

— Чтобы права получить. В Америке любой школьник умеет водить машину.

— Я боюсь, — хлопает глазами Лима.

— Поначалу все боятся, но привыкнешь, — наливаю себе и ей кофе.

— Вам просто лень меня возить? — прищуривается она.

— Было бы лень, тебя бы возил водитель, — объясняет брат. — Получишь права — куплю машину. Всё, я пошёл собираться. Всем хорошего дня, — быстро глотает остатки завтрака, целует в щеку сестрёнку и меня и уходит наверх.

— Он про машину серьезно?

— Думаю, да... Иди, собирайся, отвезу тебя.

****

Лёгкий спортивный костюм, кроссовки, конский хвост и минимум макияжа. У меня выходной и пляить на себя в такой день деловой костюм я не собираюсь.

Доставлю Лиму по назначению, а сама рвану на пляж побегать. Это успокаивает и прочищает мозги.

Мне сейчас это необходимо. До сих пор отчётливо перед глазами мелькают картинки сна. Противно, что в нём я так легко отдалась этому мальчишке.

— У Тома сегодня вечером игра с командой другого университета, не хочешь пойти со мной посмотреть? — предлагает Лима по дороге.

— Я не фанатка американского футбола... Хоккей предпочитаю, — передергивает от упоминания его имени.

— Здесь практически тоже самое, только вместо шайбы — мяч. Так же дерутся и толкаются, — смеётся она.

— Я подумаю...

— Игра в шесть на университетском стадионе. Если надумаешь, напиши.

— Хорошо...

Высаживаю Лиму на парковке и топлю к океану.

Оставляю машину на стоянке, забиваю музыкой уши и неспешно бегу по дорожке вдоль пляжа навстречу таким же бегунам как я.

Пробежав пару километров, спускаюсь к воде. Подставляю лицо солёным и прохладным

брызгам океана.

Всё будто налилось свинцом, тяжесть во всём теле, а мысли улетучились. Кроме одной...

Что тебе от меня надо, Том?..

Или это только моя больная фантазия?

Говорят, сны — это тайные желания или скрытые страхи.

И что я видела этой ночью?

Желание? С чего я должна его хотеть?!

Страх? Я не боюсь. Он всего лишь для меня мальчишка, хоть и вырос под два метра.

Просто нужно забыть это дурацкое сновидение и всё! Что и стараюсь сделать.

Почти весь день провожу в городе, прогуливаясь по улицам и магазинам, обедаю в небольшом ресторанчике, где мы с Алексом иногда любим посидеть вечером и послушать джаз.

К четырем часам возвращаюсь домой и застаю Лиму дома.

— Я думала, ты вернёшься поздно.

— Тоже так думала, — гневно цедит она сквозь зубы. — Но какая-то дура в университетской кофейне плеснула на меня кофе. Пришлось тащиться на такси через весь город, чтобы переодеться.

— Сама виновата. Заняла самого популярного парня, — усмехаюсь.

Она смотрит на меня с укором.

— Отвезёшь меня ещё раз? Пожалуйста... — складывает руки в мольбе.

— Довезу. Только душ приму и переоденусь. Весь день на жаре, похоже, уже даже духи не скрывают, что я воняю, — посмеиваюсь и ухожу в свою спальню.

По дороге мы попали в пробку, так что приехали, когда игра уже началась.

— Ну, всё! Стадион наверняка забит, — причитает Лима. — Ты пойдешь?

— Нет.

— Идём! — тормозит меня за руку. — Будешь сидеть дома, как пенсионерка?

— Посмотрю кино...

— Вот я и говорю, как бабулька старая. Пошли! — смотрит умоляюще.

— Ладно! — глушу машину и иду за ней.

Она почти бежит по парковой дорожке к футбольной площадке. Это не просто стадион. Стадионище. Тысячи болельщиков забили его под завязку. И все кричат.

Лима останавливается, рассматривает игроков на поле.

— Это Том, — указывает на парня в чёрно-золотой форме под номером пятнадцать. — Идём, там есть места, — показывает на сиденья.

Когда мы спускаемся, то студенты, стоявшие на лестнице, расступаются, удивлённо провожая меня.

Немного не по себе. На такое количество людей я обычно смотрела со сцены.

Камеры, которые снимают и транслируют игру на экраны, выхватывают меня из толпы, и я появляюсь на всех огромных телевизорах.

Смущённо улыбаюсь и машу рукой, сорвав шквал аплодисментов. К нам шустро подскакивает какой-то мужчина с бейджиком на шнурке и просит идти за ним.

— Круть! Надо тебя постоянно с собой брать, — произносит с восторгом Лима, когда нас ведут к первому ряду, прямо за скамейкой игроков университета.

Камера всё так же показывает меня, но уже на один экран.

Второй занимает картинка с поля, где растерявшийся пятнадцатый номер, заглядевшись на телевизор, пропускает удар.

— Ууу! — взывает толпа.

Я морщусь, представляя, как это неприятно и больно быть сбитым с ног.

Тренер свистит и заменяет Тома на несколько минут.

— Чего ушами хлопаешь! — орёт на парня. — Девушек никогда не видел?!

Потом смотрит на нас и делает виноватое лицо.

— Извините! Нервы... — просит прощения.

Я понимающе киваю головой и медленно моргаю глазами.

Том снимает шлем, выпивает половину бутылки воды, а вторую половину выливает на голову.

— Привет! — безмолвно губами.

Я оборачиваюсь на Лиму, она широко улыбается. Потом опять возвращаю глаза к парню. По его взгляду понимаю — приветствие предназначено мне. Растягиваю на секунду ответную улыбку.

Гарнер подходит к человеку в костюме символа университета — огромный бурый медведь, и что-то ему говорит. Тот кивает большой головой.

В перерыве эта зверюга подваливает ко мне, вытягивает меня с места и выводит на край поля. Звучит моя песня с заводным ритмом.

Парень в костюме начинает танцевать под музыку танец, который в челлендже несколько лет назад танцевал весь мир.

— О, Боже! — смущаюсь и закрываю рукой лицо.

Он отнимает мою ладонь и опять повторяет движения, намекая, чтобы я делала тоже самое.

Заиграл припев, и я подтанцовываю, при этом повторяя слова песни.

И снова мы на экранах... Со всех сторон слышится хохот и аплодисменты. Рассмеяться не сложно, медведь довольно пластичный и уморительный. Меня и саму разбирает смех.

Пока мы развлекаемся, игроки выстроились на поле для продолжения игры. Музыка закончилась, и я собираюсь вернуться на своё место, как вдруг этот медведь подхватывает меня, перекидывает через плечо и бежит к середине поля.

— Парни, похоже, нам подарок несут! — кричит кто-то из футболистов.

Все дружно ржут.

Ноша оказалась не по плечам, мой похититель сбавляет темп, а потом вообще сбрасывает меня прямо в руки одному из игроков. Сам падает рядом и дёргает ногами, изображая умирающего, его так и утаскивают с поля за них.

— Классный подарок! — слышу голос Тома.

Это он держит меня на руках.

Гляжу на него сквозь решетку защиты шлема. Глаза улыбаются.

Шевелюсь в попытке сбежать, но хватка крепкая.

— Отпусти, пожалуйста, — смотрю умоляюще.

— А что мне за это будет? — в его глазах загорается огонёк, от которого по коже пробегают мурашки.

— Спасибо...

— Этого мало. Парни, чем у нас вознаграждают спасителей? — обращается к другим

игрокам.

— Поцелуем! Сексом! — раздаются голоса.

— Охренели в конец! — рывкнув, рублю кулаком в шлем.

Блядь, как же больно! — трясую рукой.

А им смешно... Всему стадиону смешно...

Том отпускает меня. Берёт мою кисть в свою большую ладонь и осматривает костяшки.

Они в кровь.

Его лицо под маской нервно скривилось.

— Осторожнее надо... Уходи, иначе нас оштрафуют, — произносит серьезно.

Я иду с поля, сжимая ноющую от боли руку. На месте ко мне оказывает помощь медик, обрабатывает и перевязывает раны.

— Спасибо!

— Зря вы ударили, шлемы выдерживают удары до полутонны, а вы кулаком... — складывает бинты и антисептик в сумку.

Не дожидаясь конца игры, прощаюсь с опарашенной Лимой и уезжаю домой.

****

— Как закончилась игра? — спрашиваю у Громовой, которая хотела незаметно проскользнуть мимо меня в гостиной, где я читаю в углу дивана книгу.

— Мы выиграли... — тормозит и садится на другом краю.

— Это хорошо...

— Как рука?

— Нормально, — разминаю пальцы.

Боль есть, но тупая, а не жгучая, как в самом начале.

— Почему ты его ударила?

— Хамло твой Том, — сосредотачиваюсь на тексте в книге.

— Все говорят, что он попросил тебя его поцеловать, — говорит с неприкрытой злобой.

— Все — это кто?

— Игроки, которые были на поле, рассказали... Том сказал, что это просто шутка.

— Идиотская шутка. Если бы не шлем, то отхватил бы, — захопываю книгу и бросаю на диван. — Я, пожалуй, пойду спать.

— Видео и ваши фотографии уже во всех соцсетях, — злится Лима.

Я только гневно сжимаю плотно челюсти.

Вот это плохо.

Алекс будет не в восторге. Да и Мишка утром обязательно наорёт. Он сейчас с семьёй в отпуске на Карибах.

— Со всеми претензиями обращай к своему парню, — цежу официально сквозь зубы. — Ты была там со мной и видела, что от меня ничего не зависело. Дурацкие приколы озабоченных придурков.

Выговариваю ей и отправляюсь к себе в спальню, где на кровати прижимаю к себе подушку Алекса, которая пахнет им, и засыпаю.

Опять этот сон заставляет меня подскочить в постели.

— Fuck! — хватаюсь за голову.

Дыхание надрывистое и тяжёлое, будто мне перекрыли кислород.

Вдох через нос, выдох через рот.

Техника успокоения помогает. Но сон как рукой снимает. Да и страшно засыпать, вдруг

он опять повторится.

Я так не могу уже, я физически ощущаю это всё.

Переборов себя, закрываю глаза и стараюсь уснуть. Но вдруг в голове всплывает разговор с мадам Зазой, который был у нас в начале лета.

"Ты любишь одного, только пока твоё чудовище спит. Но скоро оно проснется. И я тебе не завидую".

"Я не разглядела, что их будет двое..."

— О, Господи! — встаю с кровати и открываю окно, в которое тянет прохладой.

Спиной медленно стекаю на пол вдоль стены.

Она предупреждала о Томе, но я не поверила. Посчитала, что она, как обычно, несёт бред.

В одном она ошибается точно — я не собираюсь с ним заводить роман. Я Алекса люблю. Даже чокнутая это сказала.

Поджимаю колени к груди и обхватываю их руками. Голова становится ужасно тяжёлой, и я опускаю её вниз. Так и сижу до самого утра, возможно задремав на какое-то время, пока меня не выводит из оцепенения звук телефона.

— Что это за хрень во всех инфосплетнях? — на повышенных тонах заговаривает Мишка. — Что за обнимашки со школьником?

— Он студент... — стараюсь говорить ровно.

— Один хрен! Сэл, ты соображаешь что делаешь?

— Я здесь не виновата! Меня какой-то идиот в костюме медведя выволок на футбольное поле и скинул в руки Тома.

— Видел. Но всем похрен! Его записали не просто в твои фанаты.

— Это парень Лимы. У нас почти родственные связи...

— А ещё он сын Дэна, с женой которого у тебя были проблемы из-за поцелуя.

— Это было давно...

— Сэл, боюсь, тебе предстоит серьёзный разговор с Алексом.

— Я знаю... Надеюсь, он ещё не видел этого. Ему Том не нравится.

— А тебе?

— Пофиг, мне с ним детей не крестить. Мы его приняли только потому, что Лима в него влюблена по уши. Первая любовь и всё такое, сам понимаешь. Запретим — обозлится на всю жизнь. Мы и так в их семейке — изгой.

— Ладно... От назойливой прессы я как-нибудь отбрыкаюсь, а ты будь внимательнее. Хорошо?

— Окей. Как отдых?

— Замечательно, Давида из моря не вытащить.

— Приветтики, целовашки и обнимашки всему вашему семейству.

— Передам. Пока.

Я снова ложусь на кровать и наконец-то засыпаю.

Просыпаюсь после обеда.

Работу проспала.

— Ничего себе ты храпишь! — ругаю сама себя, глядя на часы.

Достаю из шкафа футболку и джинсы, надеваю и спускаюсь вниз на кухню по второй лестнице.

Кофе и пара бутербродов с сыром быстро насыщают мой желудок, хотя Мария, наша

повариха, и пыталась запихнуть в меня обед.

— Влюбленные от моей стряпни не отказались, — бухтит большая пожилая, с шикарными формами, латиноамериканка.

— Они что здесь?

— Сидят в гостиной книжки читают с перерывами на обжимания, — тихо по-заговорщически.

— Книжки? — не верю я и направляюсь к ним.

Лима и Том устроились с ногами на диване и действительно рассматривают книгу.

— Мифы древней Греции в архитектуре, — читаю название вслух. — Так это учебник.

А мне Мария говорит, что вы литературу шгудируете.

— Это тоже интересное чтиво, — улыбается Том. — Ты знаешь, кто такие гарпии? — вопросительно поднимает бровь.

— Знаю. Очень красивые девушки, с когтями птиц, крыльями и длинными волосами. По легенде они похищали красивых молодых мужчин для сексуальных утех. Иногда парни сами уходили к ним, влюбившись в неотразимых красавиц.

По лицу Тома ползёт ухмылка, и он игриво подёргивает бровью.

Звук сообщения от Лимы нарушает тишину в кабинете.

" Забери меня в 21.30 из боксерского клуба "Хук", пожалуйста".

— А что любимый до дома подкинуть не может? — произношу в пустоту.

А сама тем временем набираю в ответ "хорошо".

Где он вообще этот клуб?

Открываю на телефоне карты и забиваю название.

— Отлично... У чёрта на куличках! Надеюсь, хоть район приличный.

У меня ещё час до выезда и примерно столько же ползти по городу в лучшем случае.

Сегодня суббота, все отдыхают, город не спит.

Опять берусь за составление коллажей из фотографий украшений на компьютере.

Нужно снять чем-то нервозность после разговора с Алексом.

Он был взбешён... Не орал, но я чувствовала даже сквозь экран, что он кипит, как чайник. Постаралась ему спокойно и доходчиво всё объяснить, вроде понял. Но пар из ушей от ревности всё равно шёл.

Меня саму вся эта ситуация не приводит в восторг.

Забрасываю своё занятие, пусть дизайнеры занимаются, и отправляюсь за Лимой.

Паркуюсь у клуба. Классическая боксёрская школа, прям как в кино про Рокки.

В зале не очень много людей, похоже, тренировки уже подошли к концу. Только на одном из рингов всё ещё бьются два боксёра.

Один из наблюдавших за спаррингом афроамериканцев присвистывает при виде меня.

— Ничего себе! Какая киска к нам в гости зашла! — говорит громко парень.

Морщусь. Как пошло он произносит слово "киска". У Алекса всегда мягко и нежно.

Боец на ринге поворачивается на голос в нашу сторону, за что тут же наказан ударом по лицу слева.

Том, прекращай пялиться! Так и без башки можно остаться.

Я оглядываюсь по сторонам, но Лимы нигде нет.

Может он её в раздевалке прячет?!

Прохожу к рингу, где Гарнер уже активно мутузит в живот спарринг-партнёра. Тренер останавливает бой.

Оба парня, мокрые и помятые, расходятся по углам. Том подходит ко мне...

— Что ты здесь делаешь? — облакачивается на канаты.

— Приехала забрать Лиму, она попросила.

— Ты что-то путаешь... Я отправил её домой на такси примерно час назад. Лично вызывал, — хмурится.

Пролезает под канатами и спрыгивает на пол. У него ссадина над глазом и разбита губа.

Fuck!

В голове начинает шуметь кровь.

Переборов себя, достаю телефон и показываю ему сообщение:

— Вот. Попросила приехать. Но я поехала через центр и застряла там, поэтому опоздала.

— Странно... Мне она ничего не сказала. Правда, мы немного поссорились перед её отъездом. Она хотела пойти в ночной клуб, а я отказался, сказав, что устал.

Я набираю Лиму, но абонент недоступен.

— Ну, если её здесь нет, то я домой. Пока! — собираюсь пойти на выход.

— Стой! Подожди! — окликивает меня.

— Что ещё?

— Подкинешь до кампуса? У меня машина в ремонте.

— Ты же после обеда уехал от нас на ней.

— Уехал... А по дороге что-то в движке застучало. Эвакуатор оттащил её в автомастерскую.

— Ладно... Приводи себя в порядок и поедem. Только не долго. И это обработай... — показываю на сочащуюся из ран кровь.

Быстрым шагом на улицу.

Свежий воздух. Огромный глоток один за другим. Надо выбить туман из сознания.

— Успокойся! Алекс тоже получал по лицу на тренировках и ничего, ты справлялась, — уговариваю себя собраться.

" С Алексом ты спишь и каждый раз всё заканчивалось в спальне,"- орёт внутренний голос.

Я даже умоляю, чтобы Том не вышел сейчас, всё может кончиться плохо. Его нет минут двадцать, и я прихожу в норму.

Закидывает сумку на заднее сиденье, а сам устраивается на переднем.

— Ремень пристегни, — смотрю на него требовательно.

Он выполняет просьбу.

Да, твою мать! Я же попросила обработать! У тебя, что пластыря нет?

Но молчу, просто сильно выдыхаю и трогаюсь с места.

Через несколько кварталов я всё же ударяю по тормозам. В голове пульсирует, каждый раз, когда бросаю взгляд в боковое зеркало. И я не выдерживаю.

Включаю свет и достаю из бардачка аптечку. Он удивлённо глядит на меня, когда я хватаю его лицо руками и начинаю обрабатывать антисептиком рану над бровью.

— У вас в школах не учат первой помощи? — злюсь.

— Учат... — изучает моё лицо, которое сейчас так близко от него. — Я не нашёл в раздевалке аптечку, похоже кто-то унёс. А ты профессионально это делаешь, — задерживает дыхание.

— Не один ты по морде получаешь, — промокаю салфеткой губу.

— Ффс, — втягивает воздух и шипит.

Одной рукой приобнимает меня за талию, слегка проводит пальцами по спине.

— Не ври! Не так уж и больно. И руку убери! — рычу на него.

Он убирает ладонь.

— Ты добрая и грозная одновременно, — ловит мой взгляд.

Его зрачки как блюда.

Лейкопластырем залепляю ссадину, а на губе осталась только припухлость. Отлично.

— Не дай бог тебе на меня работать, вот где ты узнаешь праведный гнев.

Он издаёт смешок.

— Ты крови боишься, да? Я видел, как тебя передёрнуло в зале.

— Не боюсь. Дурманит от вида... — зачем-то рассказываю ему.

Мы отправляемся дальше.

— Тормозни, — хватает меня за руку, когда мы объезжаем центр мимо побережья.

— Что ещё?

— Там МакАвто, давай заедем, я есть ужасно хочу, — смотрит жалостливо.

Я закатываю раздражённо глаза, но сворачиваю к кассе заказов.

— Два гамбургера, две картошки и две колы, — произносит он заказ.

— Не лопнешь, деточка?

— Так нас же двое, — улыбается по-детски искренне.

Какой же ещё ребёнок...

— Я не собираюсь с тобой есть, — чеканю каждое слово.

— Выпьешь колы.

— Я не пью газировку.

— Почему? — сводит брови.

— У меня непереносимость газов.

— Пучит? — хихикает.

— Рвота открывается.

— Давай вернемся, и я закажу воду без газа.

— Сиди уже! — цыкаю на него.

Мы забираем заказ и выезжаем на дорогу.

— Держи, — протягивает мне один пакет.

— Ты хочешь, чтобы я ела за рулём?

— Я часто так делаю. Но если тебе сложно, то остановись где-нибудь.

Я сворачиваю в карман и глушу машину.

Как же ты меня достал!

Вон из машины и подхожу к ограждению вдоль дороги. Сжимаю металлическую трубу

так, что кости хрустят, а сбитые костяшки снова ноют.

Так и стою, не знаю сколько времени. Прохладно и я ёжусь, растирая плечи.

Том выходит из машины и накидывает мне на плечи свою спортивную куртку.

— Простынешь, — смотрит ласково на меня, слегка улыбаясь.

Дверь осталась открытой, и я замечаю в его сумке книгу. Она на русском, судя по обложке. Беру её.

Достоевский "Идиот"...

— Ты знаешь русский? — гляжу на него подозрительно.

— Нет... — тушуетса и отводит глаза. — Это книга Лимы, она забыла её у меня. Нужно вернуть...

— Книга Лимы? Я кроме учебников у нее других не видела.

Он пожимает плечами.

— Я верну, — засовываю её в задний карман сиденья. — Ешь, давай и поехали, а то время уже позднее, — мельком взгляд на часы.

Почти одиннадцать.

— Детское, — спорит со мной.

— Будет тебе столько же лет, сколько и мне, тогда ты будешь считать так же как я.

— Не ври себе! — подаёт мне пакет с картошкой фри, я беру несколько штук. — Тебе больше двадцати пяти не дашь. Большинство моих сокурсниц выглядят старше тебя, — шумно тянет из трубочки колу, резанув по слуху.

— Спасибо за комплимент, — натянуто улыбаюсь.

— Это правда, — ведёт плечом.

Собирает мусор и выбрасывает в урну рядом.

— И в форме ты отличной. До сих пор помню, как ты грациозно скакала на лошади, — подступает почти вплотную ко мне.

— Вспомнил тоже! — фыркаю.

— А я каждую минуту наших встреч помню, с момента столкновения в молле, — хватается за поручни ограждения по моим бокам.

Я в ловушке.

Отвожу голову в сторону, чтобы не смотреть на него. Но он берёт рукой за подбородок и заставляет опять взглянуть на себя.

— Что ты хочешь? — выпаливаю вопрос.

— Губы твои на вкус попробовать, — произносит томно, упираясь в мой лоб своим. — Надеюсь, они такие же вкусные, как и твой запах, — вдыхает воздух у виска.

— Перебьешься! — с вызовом гляжу на него.

— Уверена?

Он запускает руку в волосы и слегка натягивает их, заставляя немного откинуть голову назад.

Взгляд его глаз парализует, я даже дышать перестаю.

А потом он целует. Жадно, с натиском, так, что всё тело будто молнией пробивает. Впиваюсь пальцами в него, пытаюсь оттолкнуть, но он просто сгребает меня в охапку и не выпускает, продолжает терзать губы.

Мой кошмар оживает...

Я не хочу этого! Но тело не слушается...

Мысленно молюсь всем богам. И кто-то там меня услышал.

Слегка пальцами обхватываю его лицо. Он вздрагивает и ослабляет хватку, посчитав, что я сдалась.

Напрасно...

Получает удар коленом по бубенцам и скрючивается от боли.

— Ты сдурела? — пищит, присаживаясь на корточки.

— Нехрен руки распускать! — скидываю куртку на землю.

Рядом ставлю его сумку, сажусь в машину и ударяю по газам, сваливая отсюда подальше.

— Зачем ты написала забрать тебя, если уехала на такси? — требую ответа за завтраком у Лимы.

— Ты о чём? Я ничего тебе не писала, — округляет глаза.

Я открываю приложение и показываю её сообщение.

— Я ничего не писала. Вот! — открывает своё и там пусто.

В голову закрадывается подозрение.

— Ты кому-нибудь давала телефон?

— Нет... Он всё время был со мной. А потом сел. Ты что ездила в клуб?

— Представь себе! Но вместо тебя нашла там кучку похотливых подростков.

— Я поэтому оттуда и уехала. Неприятно стало, когда они все смотрят.

— Доедай, и поедем, мне ещё на работу, — встаю из-за стола и иду собираться.

Значит, меня туда специально позвали, зная, что Лимы там уже не будет. И кто это сделал не трудно догадаться.

Мелкий гад!

Мало ты вчера получил! Значит, огребешь ещё раз.

Доехав до университета, я достаю сзади книгу и отдаю девушке.

— Держи, твоя... Том просил передать.

— Это не моя! — смотрит на меня, как на сумасшедшую. — У тебя всё нормально? Сообщение, которого нет. Теперь эта книга... Идиот? Достоевского? Да я его даже в школе не читала! Это же нудная тягомотина! Может тебе к врачу сходить? Похоже, старая травма обострилась.

Хлопает дверью и уходит.

Открываю книжку и пролистываю её.

Глазам не верю!

Больше половины страниц с пометками на полях. Вопросы, восклицательные знаки. Карандашом обведены слова, которые даже я не знаю, как перевести на английский, если только по смыслу.

— Ублюдок! — громко закрываю.

Глушу машину и решительно отправляюсь на его поиски.

Оказывается, не так уж и трудно это сделать. Мне почти сразу сказали, что он в спортзале.

Громко чеканя каблуками под пристальным вниманием других студентов, которые затихли, прохожу через весь зал в дальний конец, где Том прыгает на скакалке. На нём только шорты, и ручьём льётся пот.

Он останавливается, окидывает меня масляным взглядом.

— А сны сбываются и даже быстрее, чем я думал, — с ухмылочкой.

— Мелкий лживый гаденыш! — шиплю сквозь зубы и ударяю книгой, оставив её в его руках, которыми защищается.

— Потихе! А то нас не так поймут, мы же вроде как оба несвободны, — кидает книгу на подоконник и говорит по-русски.

Я гляжу на него ошарашено.

— Да, я учу русский. Ты правильно поняла.

— Значит, ты знал всё, о чём мы говорили в твоём присутствии и даже вида не подал?!

— Почти... Были слова, которых нет в моём словарном запасе, но это не мешает мне вас понимать.

— Как же мерзко... Зачем тебе это?

— А зачем тебе знать пять языков? — прислоняется спиной к стене и откручивает крышку бутылки с водой.

Слова застревают у меня в горле.

Он пьёт воду, проливая её мимо рта, и она струйкой стекает на грудь. Я залипаю на это зрелище.

Внутри что-то сжимается и трепещет. Приходится глубоко вздохнуть.

— Как ты отправил сообщение? — спрашиваю, когда прихожу в себя.

— Проще простого. Создал клон сим-карты Лимы и отправил тебе сообщение. Ты ответила.

— Ты ещё и хакер.

— Баловался в малолетстве, когда родители интернета лишали, приходилось пользоваться чужим, — его голос неожиданно оглушает эхом.

Пока мы разговаривали, зал опустел. Мы здесь одни.

— Занятия начались, — поясняет мне Том, перейдя снова на английский. — Вовремя, — хватает меня за талию, разворачивает и прижимает к стене. — Сейчас ты заплатишь за вчерашнее.

— Ещё раз получить не боишься? — рычу в лицо.

— Не боюсь, — блокирует мои ноги своими. — Так безопаснее. И камеры здесь не видят.

Одна его рука скользит по юбке вниз до края, подцепив его, он проникает под неё. Горячая влажная рука двигается по бедру.

— Не стыдно лезь под юбку жены брата твоей девушки?

— Она не узнает, — шепчет в губы. — А ты ей точно не скажешь, дорожишь браком, — поднимает руку выше, сжимая ягодицу.

Вот именно, я замужем!

Собираюсь и влепляю ему со всей дури пощёчину. Он отлетает в сторону, схватившись за лицо.

Воспользовавшись моментом, сбегаяю. Он только смеётся утробно в след.

Чёртов псих!

Озабоченный малолетний придурок!

И это самые цензурные слова в его адрес, которые могу подобрать.

Срываюсь с парковки так, что те, кто оказался на пути шарахаются по сторонам.

Но еду не в сторону офиса, а домой.

Я вся пропахла Гарнером. До сих пор чувствую запах пота смешанный с каким-то парфюмом.

Надо снять всё с себя и смыть следы его прикосновений.

Вся одежда отправляется в помойное ведро, а в душе оттираю свою кожу, практически сдирая её с себя. Потом стою под холодной водой и охлаждаю голову, чтобы даже не вспоминать о нём, пока зубы стучать не начинают.

Надеваю теплый махровый халат и собираюсь пойти выпить виски, чтоб не простудиться.

Но когда выхожу из ванной, меня ждёт сюрприз.

— Доброе утро! — обнимаю сзади сильные руки.

— Алекс! — с радостью жмусь к мужу.

— Ты ледяная! — запускает руки под халат.

— Контрастный душ.

— Я соскучился, — страстно впивается в губы.

Сначала по телу разливается тепло, а потом накрывает горячей волной. Возбуждение ползёт по каждой клеточке тела.

Алекс подхватывает меня на руки, доносит до кровати и нежно опускает на неё.

Вот кто мне сейчас поможет забыть всё случившееся за эти дни.

Я сверху.

— Ого! Даже так, — довольно улыбается.

— Мистер Гроу, лежите и получайте удовольствие, — расстегиваю его рубашку и целую каждый сантиметр широкой груди.

— Мне нравится такая встреча, — закрывает глаза и расслабляется.

Царапаю ноготками по рёбрам.

— Фсс, — шипит.

А я чувствую, как его тело начинает пробивать мелкая дрожь.

Тащусь от своего мужчины.

Никакие мелкие хитросделанные мальчики и рядом с ним не стоят.

Ноготки путешествуют ниже, спускаясь к молнии на джинсах.

Алекс уже дышит прерывисто, вздрагивает и сжимается, когда я выпускаю на свободу его член.

— Ауч! — вскрикивает, когда я глубоко его заглатываю.

Закрытые веки быстро трепещут, и дыхание через раз от моих ласк.

— Сэл... — предупреждение, что он вот-вот взорвётся.

И я, возбудившись, седлаю его, двигаясь как искусная наездница.

Алекс вдабливается затылком в подушку, вдавливая меня в себя с такой силой, что я вскрикиваю. И получаю свою порцию оргазма.

Вау... Выпадаю на время из реальности и уплываю в блаженство.

Мы лежим в постели, обнаженные тела переплетены, уставшие и довольные.

— А я планировал поехать к тебе в офис, а оказалось никуда ехать не нужно, — гладит муж меня по спине.

— Я и поехала, но после того, как отвезла Лиму на учебу, передумала и вернулась домой. Позвонила Майли и сказала, что приболела. Думаю вообще взять отпуск на неделю, — приподнимаюсь и смотрю любяще на него.

— Замечательно, — отводит мокрые волосы от моего лица.

— Давай слетаем домой?

— Домой? В Москву? — удивлённо вскидывает бровь.

— Угу... Я соскучилась по сестрёнке, Антону и племянникам. Я думаю, ты тоже.

— Конечно. Хочешь в Москву, значит полетим. Когда отправляемся?

— Завтра утром. Я попрошу подготовить самолёт, — ложусь подбородком ему на грудь.

— Окей. Чемодан, значит, можно не распаковывать. Не понимаю только, почему ты так резко изменила мнение? Говорила, что до Нового года я могу даже не думать о поездке домой.

— Устала, наверное... Последнее время всё так давит, что я чувствую себя выжатой, как лимон. Хочу отдохнуть... И не на морях, а в холодной и промозглой Москве.

— Да, сейчас там как раз разгар золотой осени. Как мы Лиму здесь только одну оставим?

Я закатываю глаза от раздражения, заматываюсь в покрывало и встаю с постели.

— Алекс, она не маленькая девочка! За ней есть, кому присмотреть. Водитель будет возить в университет, повар накормит, горничные уберутся. Ей только остаётся учиться, с этим, я думаю, она сама прекрасно справится. И она точно не одна будет... — намекаю на Гарнера. — Перестань трястись над ней! В её возрасте я родителей к своей жизни вообще не подпускала. И работать ещё успевала, между учебой и тренировками. Ночами в студии сидела, озвучивая всё, за что платили.

— Ну, не заводись! — поднимается и обнимает меня сзади.

— Бесит, что ты с ней, как курица с яйцом, носишься. Боюсь подумать, что было, если бы у нас была дочь.

— Я бы убил любого, кто к ней притронется...

— Умеете вы удивлять, — встречает нас в аэропорту Стаська, Антон ждёт на парковке.

— Да, неожиданно решили себе отпуск устроить, — оправдываюсь перед сестрой, которой своим приездом сорвали поездку в Италию.

— Да не парьтесь! Мы только рады вам, — обнимает нас по очереди.

— А мелкие где? — спрашивает Алекс.

— Дома, с бабушкой и дедушкой уроки делают. Арс совсем от рук отбился, Антон настаивает отправить его в Лондон в частную школу, — рассказывает сестрёнка, пока идём к машине. — А ваша студентка как?

— Учится наша студентка.

— И парня завела, — недовольно продолжает муж.

— О, как! Нежданчик...

— Я тебе потом расскажу... — беру Стаську под руку и подмигиваю.

Пока добрались до дома, поужинали и обсудили все свои бизнес новости, наступила ночь. Я так и не поговорила с сестрой. А мне нужно кому-то выговориться.

Антон с утра уехал в компанию, Алекс к родителям, к которым я, естественно, не поехала.

А мы выходим со Стаськой в сад, устраиваемся в креслах погреться под осенним солнышком, закутавшись в пледы и потягивая горячий чай.

— Москва — это вам не Лос-Анджелес, — посмеивается, увидев, как я плотнее кутаюсь.

— Это точно...

— Так что там с сестричкой Алекса не так? Мы вчера так и не поговорили.

— Да всё с ней так... Только вот в парня она неудачно влюбилась, — гляжу в сторону садовника, подрезающего кусты роз.

— Почему?

— Последние новости обо мне читала?

— Ну, и?

— Вот это тот самый парень, который держал меня на руках, — сжимаю губы.

— Это же сын Дэна. Того, с которым ты в сериале и кино снималась.

— Ага, — отхлебываю горячий чай.

— И что с ним?

— А то, что он теперь ко мне подкатывает.

Стаська попёрхивается.

— Полегче, так можно и захлебнуться! — ругается, откашлявшись. — В каком смысле подкатывает?

— В том самом, Стась! Ты как маленькая! Подстроил так, чтобы я приехала в боксерский клуб, где он занимается, отослав сообщение с номера Лимы. Я приехала, а её там нет, она уехала. Попросил довести его до общаги, машина якобы у него сломалась. Я согласилась, а он приставать начал... Целоваться полез.

— Ты ему, конечно же, вломила?

— Да, прямо по шарам. Вчера утром я выяснила, что он знает русский. Достоевского читает в оригинале, представляешь? Шпионил. Пришла к нему разборки навести, а он под

юбку полез.

— Жесть! — открывает рот Стаська.

Но по глазам вижу, её вся эта история забавляет.

— Пришлось вlepить по морде.

— Правильно!

— Неправильно! Не могу я его всё время лупить, — тру сбитые костяшки. — И не хочу...

— Не хочешь?

— Это самое отвратительное, но он как-то странно на меня влияет. Где-то глубоко внутри мне это нравится, — признаюсь сестре.

— То, что за тобой молоденький парень увивается? Так среди твоих поклонников таких... — проводит рукой по горлу.

Я встаю и отхожу немного, отвернувшись к ней спиной.

— Нет. Меня парализует от его близости. Будто внутри какой-то магнит, который тянется к нему.

— Ань, ты опять головой стукнулась? А Алекс?

— С Алексом всё нормально, с ним так же фонтан эмоций и страсти.

— Разве так бывает? Сразу к двоим одинаковые чувства?

— Почему одинаковые-то?! Алекса я люблю безумно. Возможно, просто между нами романтика пропала. Приключений не хватает. Работа затянула как болото с головой. А этот парень даёт новые эмоции...

— Это ненормально, sister...

— Я понимаю, что неправильно. И я мужа люблю. А этот мальчишка всего лишь какая-то дурная фантазия. Выбор моего внутреннего монстра, так говорит Заза.

— Какая ещё Заза?

— То ли гадалка, то ли ведьма... Первый раз мы с ней в Лондоне встретились. Она меня тогда чудовищем обозвал, сказала, что я из рода Сирен, тех, что в Древней Греции корабли голосом топили.

— Господи, что за басни! — смеётся сестра.

— Да не говори! Ладно, хрен с ними, этими её дурацкими придумками. Она мне тогда сказала, чтоб я не связывалась с Роном, он мне не принесет счастья.

— Тут она в точку попала, — забирается в кресло с ногами и укрывает их пледом.

— Да, но тогда она ещё сказала — моя судьба — это мальчик шести лет. В начале лета мы с ней снова пересеклись в Новом Орлеане. И опять она мне начала втирать байки про сирен, внутренних кровожадных монстров. Две души... Сериалов видимо пересмотрела. Но её речи были и здравые вещи, как я сейчас понимаю. Она предупреждала, что скоро в моей жизни появится второй мужчина, которого вот это самое "чудовище" и полюбит, такой же с тёмной душой, как и я.

— Ей бы сценарии к фильмам писать, — закатывается от смеха Стаська.

— Надо ей предложить... Только в реальности это ни черта не смешно. Он снится каждую ночь, во сне говорит, что мы одинаковые, а потом мы занимаемся сексом.

— Ого! — громко вскрикивает сестра.

— Вот тебе и ого! А я засыпать уже боюсь.

— Ну, это не удивительно, тайные желания и всё такое, — шевелит пальцами.

— Стась, по-твоему, это шутки? Я сюда свалила, чтобы подальше от него быть и мысли

в порядок привести.

— Расскажи Алексу, он быстро решит проблему, — предлагает она.

— С ума сошла?! Что я ему скажу? Меня тянет к другому мужику! Сама-то подумала, что сказала? — выплескиваю на неё негодование.

— Зато он его быстро приструнит. Лиму только будет жалко...

— Лима, похоже, вообще здесь разменная монета, ему нужен доступ в дом. Когда она рядом, он идеальный, прям душа. Любящий и заботливый... Он её первый парень и у неё сейчас шоры на глазах. Смотрит на него, как на божество какое-то. За ним столько девушек бегают, а он её выбрал...

— Потому что у неё в жизни опыта ноль пока, — мрачно улыбается.

— Родители её опекали, Алекс пытался, как только она приехала, пришлось притормозить братишку. Свои косяки пусть зарабатывает и исправляет сама!

— Просто выгони его!

— Не могу. Не хочу, чтобы Алекс и с сестрой потерял контакт. Видишь, что с родителями происходит?! До сих пор не простят ему женитьбу на мне. Я даже с ним не поехала, чтобы своим видом не раздражать.

— И что? Будешь дальше терпеть выходки этого Тома? Он просто зарвавшийся мальчишка, который вымотает тебе немало нервов.

— Буду стараться не оставаться с ним одна и меньше контактировать. Со временем эта его блажь пройдет...

— Сама-то в это веришь? — печально приподнимает брови.

— Слабо... Учитывая то, что кукуха у него на мне ещё с шестнадцати лет поехала.

— Тебе бы к нему в комнату проникнуть, может, у него алтарь с твоими фотографиями в шкафу спрятан, — шутит Стаська. — Как в триллерах про маньяков.

— Какой с него маньяк! Стась, я тебя умоляю! Был бы маньяк — давно по голове стукнул и утащил в темный подвальчик.

— Может он маньяк — мазохист? Нравится ему мучиться.

Мы смеёмся.

— Смех смехом, а проблему нужно как-то решать, — перевожу дух.

— Придумаем что-нибудь...

Родители встречают сдержанно, но узнав, что Сэл со мной не приехала, немного оживляются.

— Как там Лима? — интересуется мама.

— Нормально, учится... Вроде влилась в коллектив, занимается в клубе английского языка, там наших русских немало, вот они собрались группой и стараются углубить знания.

— Это хорошо...

— Дома почти не бывает, то учеба, то... — я осекаюсь.

— Что "то"? — смотрит грозно отец.

— Она с парнем начала встречаться, учится с ней в университете на третьем курсе на юриста, — выкладываю как на духу.

Мама увеличивает от удивления глаза.

— Ты там вообще в край охренел? Какой парень? За сестрой присмотреть не мог? — срывается отец.

— Она взрослая и я не могу ей запрещать. Между прочим, вы ей квартиру снять хотели. Думали, она там книжки всё время читать будет? Я её на тусовку не отпустил, так она мне такой скандал устроила! Всех собак на меня спустила.

— Так и знала, что не нужно её было туда отправлять! — причитает мать. — Испортит её Америка...

— Успокойся, мам! Всё с ней будет нормально. Сэл права — вы слишком сильно о ней печетесь и меня накручиваете.

— Сэл! Ну конечно! — взрывается отец, всплеснув руками. — У вас же она глава семьи! Решает, как кому жить и что делать. Своих детей сначала родите, а потом нас учите, как вас воспитывать! Ах, да! Твоя Сэл же не может, — язвит.

Я сжимаю челюсти от злости так, что их сводит. Не по правилам бить в больное место.

— Я думал, что вы хоть чуть-чуть, — свожу пальцы, — изменили своё мнение. Но видимо у вас всё по-старому. Я, пожалуй, поеду...

— Ну, куда же ты? — подсказывает мама. — Не побыл у нас почти.

— Извини мам! И знаешь, отец, лучше совсем не иметь детей, чем родить и ненавидеть.

Хлопаю дверь и уезжаю из их дома. Я в нем вырос, но сейчас, как никогда, чувствую, что это место, куда мне совершенно не хочется возвращаться.

Просто мотаюсь по городу, выгоняя из себя дурные мысли. Потом набираю жену.

— Как прошел разговор? — сразу чувствует моё настроение.

— А ты как думаешь?

— Думаю, как обычно. Вы сцепились, слово за слово и опять поругались.

— В точку, — угадала. — Давай пообедаем вместе? В ресторане твоего крестного.

— Том самом?

— Ага. Я буду тебя ждать там.

— Хорошо. Я приеду...

По дороге попадается цветочный магазин. Продавцы очень удивляются, когда видят, как я вхожу к ним. Помогают выбрать самые свежие цветы, собирают огромный букет. Скидкой, которую они любезно предлагают, не пользуюсь, оставляю только селфи на память и автограф в книге отзывов.

Залипаю на жене, которая входит в зал ресторана вся в белом, лёгкая и воздушная, как облако.

Она всегда красивая, но сейчас в ней есть что-то другое. Неуловимое...

Сразу вспомнилась наша свадьба. Пусть она была и скромной, но это был лучший день в моей жизни. Я тогда чуть не задохнулся от счастья, а не от того, что у меня на тот момент ещё были проблемы с лёгкими из-за ранения.

И тогда я поклялся — никогда не отпущу её от себя, что бы ни случилось.

Недавно чувство тревоги обострилось, будто рядом происходит какой-то пиздец, а я в упор не вижу.

За Сэл волнение очень сильное. Изменилось, что-то в её поведении. Вроде всё как прежде, но она чаще вздрагивает и уходит в себя. Кошмары ночные снова начались.

Надо отвлечь её от всего, что раздражает.

Вручаю букет.

— Ничего себе! — удивляется и целует. — Я думала у нас просто обед, а у нас, оказывается, свидание.

— Спонтанное решение...

— Мне нравится, когда ты бываешь неожиданным, — гладит по щеке и ещё раз целует.

Она убирает букет на соседний стул и садится напротив меня.

Смотрим глаза в глаза. В них всё: любовь, радость, ласка, страсть, счастье.

— Здравствуйте! Что будете заказывать? — спрашивает подошедшая официантка.

— А можно мне её под перцовым соусом? — шучу, не отрывая глаз от любимой.

Девушка давит смех, остаётся только широкая улыбка.

— К сожалению, такого экзотического блюда у нас нет в меню, — отшучивается в ответ и одобряющие смотрит на мою жену.

Та ей подмигивает.

— Два блюда от шеф-повара и салат дня, — быстро выбирает Сельванна.

Обсуждаем за обедом, куда нам сходить, пока мы в Москве. Хочется встретиться со старыми друзьями, но это чисто мужские посиделки, которые я часто избегаю. Начинается всё обычно ровно, а потом парней несёт к тёлкам. Я лишний повод сомневаться в себе стараюсь не давать.

— Что плохого в том, что ты встретишься с друзьями?

— Ты же знаешь, чем это обычно у них заканчивается.

— Брось! Остепенились уже многие... Даже Ник стал примерным папашей с тремя детьми, — взмахивает пальчиками Сэл.

— Да, все... Кроме Илюхи, — хмыкаю. — А ему отказать очень сложно.

— Ну, у него душевная травма, любимая девушка бросила... Ему сейчас тяжело. Твоя поддержка будет кстати...

— Умеешь ты уговаривать.

— В этом у меня талант, — улыбается так, что у меня в висках стучит.

— Поехали в отель, — беру за её руку.

— Зачем в отель? Нас и у сестры неплохо приняли.

— Там много лишних глаз и ушей.

Она приоткрывает рот, догадавшись, зачем я её туда приглашаю.

— Поехали, — лукаво.

Том

— Проходи. На неделю дом в полном нашем распоряжении, — радуется Лима.

— А куда твой брат делся? — интересуюсь, плюхаясь на диван.

— На неделю в Москву улетел к родственникам в гости, — садится на мои колени верхом.

— А Сэл?

— И она тоже. Это была её идея, они быстро собрались и улетели.

Натянуто улыбаюсь на секунду и снова серьёзный.

Сбежала...

Только я перешёл к делу, так она улетела, прихватив мужа.

— Можешь оставаться у меня на ночь.

— Уверена?

Вместо ответа Лима впивается губами в мои. И я сначала отвечаю, но почувствовав, что это не то, что мне хочется, отстраняюсь.

— Может не здесь? В доме полно прислуги.

— Идём в мою комнату, — тянет за руку в сторону лестницы.

Я не сопротивляюсь. Но и особой страсти к Лиме не чувствую.

"Ну, почему ты на неё не похожа хотя бы чуть-чуть?" — крутится голове, глядя на девушку.

****

— Что ты здесь делаешь? — обращается ко мне Лима, застучав в спальне её брата.

Я молчу, смотрю на их кровать как зачарованный. В голове картинка, как Сэл с мужем занимаются сексом. А потом как я с ней...

— Том? — дёргает за рукав.

Очухиваюсь.

— Что?

— Говорю, ты, что тут делаешь? Это не наша спальня...

"Знаю... Это её... Здесь всё пропитано ей..." — стучит в голове.

От этих мыслей резкая боль в виске.

Диким взглядом посмотрю на Лиму и медленно приближаюсь к ней как хищник.

Запах витающий в комнате сводит меня с ума. Я сейчас перед собой не Лиму вижу, а красавицу с длинными чёрными волосами и огромными бриллиантами вместо глаз.

— Том, у тебя всё нормально? — пугается девушка.

Как пушинку подхватываю на руки и швыряю на кровать. Сдираю с себя одежду, потом принимаюсь за халат девушки.

— Том, что ты творишь?! — резкий удар по щеке.

Не больно, словно отключили, продолжаю свои грубые ласки. Губы горят от поцелуев.

— Том, остановись! — кричит.

Замираю. В голове щелкает, и я вижу перед собой испуганную Лиму. Трясу головой, окончательно разгоняя одержимость.

— Прости... — отпускаю её.

— Что это было? У тебя крыша поехала?! Посмотри на меня, у меня теперь засосы по всему телу!

— Извини! — хватаюсь за голову. — Не знаю, что на меня нашло.

— Я не против такой страсти, но можно без этих синяков? Поласковее немного...

— Можно... — заваливаю её снова на постель.

Том

— Опять на ночь к Лиме собираешься? — прыжком садится на стол Итан, отодвигая задницей стопки книг и тетрадей.

— Да, — складываю в рюкзак вещи и учебники.

— Нахрена? Ты же сказал, что она никакая. Зачем тогда мутить с такой? — разводит руками.

— А в её доме всё меняется.

— Может быть это потому, что там тебе всё о жёнушке её брата напоминает?

— Может быть...

— Бро, я не понимаю, на какой хрен тебе это нужно? Это жедохлый номер! Там муж, лямур тужур...

— На такой, что даже самые сильные чувства и крепкий брак могут закончиться, если появляется кто-то третий. Поверь мне, я это по своим родителям знаю. Они двадцать лет прожили вместе, трое детей родили, а потом появилась одна... — запинаюсь. — И они развелись...

— А если не получится? — смотрит скептически друг.

— Получится, — закидываю рюкзак на плечо и ухожу.

— Я скоро приеду, — отправляю голосовое Лиме, сидя в машине.

— Я буду ждать, — кокетливо в ответ.

Сижую ещё несколько минут, глядя в черный экран телефона. Потом решаюсь.

Открываю приложение, набираю и отсылаю сообщение.

Только попробуй не ответить.

Сельванна.

— Алекс, перестань выносить всё из детского магазина! Помнится, ты меня ругал в Лондоне, когда я скупала игрушки для племянников.

— Я крестнице столько подарков задолжал. Арса уже таким не удивишь, ему гаджеты покруче нужны.

— Ты магазин электроники для этого посещал, пока я за бельём ходила? — подозрительно прищуриваюсь.

— Да. Побоялся, что если увижу тебя во всём этом кружевном, то у меня прямо там башню снесёт.

— Кружевное? Я такое не покупаю, ты же не любишь.

— Потому что тащусь от тебя без всего, — играет бровями. — Я на кассу.

— Иди, я сейчас подойду, — слышу звук сообщения на телефоне из сумки.

Достаю и гляжу на экран.

Сердце пропускает удар...

" Я соскучился. Возвращайся быстрее".

Номер неопределен и подписи нет, но не трудно догадаться от кого оно.

Сразу становится ужасно душно.

Переписка улетает в бан.

Собравшись с силами, на ватных ногах всё же подхожу к мужу.

— Всё нормально? — с волнением вглядывается в меня. — Ты какая-то бледная.

— Жарко здесь... Нехорошо вдруг стало...

— Может, к врачу съездим?

— Нет. Выйду на улицу, и мне на свежем воздухе полегчает.

— Ну, тогда пошли, — предлагает свой локоть.

Я иду, прижимаясь головой к его плечу. Это успокаивает. Сердце притихает и больше не бьётся как сумасшедшее.

Пока муж выгребает из багажника покупки, я быстро захожу в дом и ищу Стаську. Она в гардеробной внизу, разбирает какие-то вещи.

— Хорошо, что ты здесь, — запираю дверь на замок.

— Что за конспирация? — не понимает, зачем я это делаю.

Я достаю телефон и показываю ей сообщение.

— Это от Тома?

— А от кого же ещё!

— Решил тебя и здесь достать. Настырный...

— Мне вчера звонила Мария, сказала, что он каждую ночь остаётся в нашем доме, — вышагиваю по тесной комнате. — Котёнка Лиме подарил.

— Какого котенка?

— Маленького! Такой, с короткими лапками...

— Лёлька такого просит. Манчкин порода называется.

— Пофигу как она называется! Алексу только не говори, а то он и его ей купит, — останавливаюсь и гляжу на себя в зеркало.

Заведенная, взъерошенная и бледная как поганка. Приглаживаю волосы, чтобы не торчали в разные стороны.

— Гаденыш этот и сообщение так написал, что в случае, если бы его увидел муж, подумал, что у меня кто-то есть. Удалить его надо к чертовой матери! — хватаю телефон и стираю всё.

— Продуманный...

— Знаешь, я всегда гордилась тем, что все решения и поступки принимаю с холодной головой. А тут не знаю что делать, — обречённо сажусь рядом с ней.

— Успокоиться и не паниковать. Гарнер чувствует, что ты нервничаешь, и давит на это. У него юношеский максимализм — всё или ничего. Ему плевать на всех и вся. Он хочет, и подайте ему это. Ты для него лишь игрушка, с которой он забавляется. Так что включи обратно голову!

— Так сложно... Он опять сегодня снился...

— Вернёшься — поговори с ним. Скажи, что ему не на что надеяться. Пусть идёт к задницу.

— Я его видеть не могу, а ты говоришь, поговорить! — вскрикиваю.

— Разговора всё равно не избежать, если он в вашем доме околачивается.

— Девчонки, вы здесь? — раздаётся голос Алекса за дверью.

Господи, только бы он ничего не слышал.

Он дёргает за ручку. Я быстро подбегаю к ней, открываю немного, чтобы просунуть голову.

— Вы чего заперлись? — хмурится.

— Стаська платья мерит на вечер, хочет, чтобы мы все вместе отдохнуть куда-нибудь сходили. Выбираем, она не одета... — лгу мужу.

— Понятно... Не буду мешать.

— Ты что придумала? Какой ещё отдых? — накидывается сестра, как только Алекс уходит.

— Ляпнула, что первое в голову пришло, — оправдываюсь.

— Чтобы вытянуть Антона из дома, его надо за неделю вперёд предупредить, — шипит на меня сестра.

— Вы, как пердуны старые — вечно дома сидите.

— У нас дети. Хорошо вам бездетным.

— У вас есть бабушка и дедушка. И полный дом прислуги, за ними есть кому присмотреть. Звони Решетняку и предупреждай, что у нас сегодня выход в свет. Договаривайся со свекрами, чтоб посидели с внуками. Не могу же я мужу врать.

— А я, по-твоему, могу? — шепотом.

— Какое это враньё, если мы, правда, куда-нибудь пойдём. Не скажу же я ему, что мы передумали.

— А почему нет? Скажи, мне ни одно платье не понравилось.

— Стась! Ну, ты серьезно?

— Ладно! Пойду, позвоню, — встаёт и направляется к двери.

— А мои платья сохранились? А то я не брала вечерние.

— Здесь! — показывает на дверь напротив.

Стаська ушла, а я отравляюсь выбирать для себя наряд.

Столько воспоминаний хранит эта комната. Праздники, дни рождения, светские мероприятия, походы в рестораны и театры — всё хранится здесь. В этих платьях, костюмах и туфлях. Целая история части моей жизни.

Мой размер за все эти годы не изменился, поэтому легко можно подобрать понравившееся. Большинство — это классика, которая актуальна всегда.

Достаю из шкафов одно за другим и прикладываю к себе, рассматривая в зеркало.

— Мне чёрное с золотом нравится, — слышу голос мужа сзади.

— Это? — снимаю с вешалки длинное облегающее платье.

— Да. Очень сексуальное.

— Я его надевала на своё двадцатилетие.

— Ого! А выглядит, как из новой коллекции.

Я поворачиваюсь снова к зеркалу и прикладываю платье к себе. Алекс обнимает сзади и кладёт голову на плечо.

— Ты у меня самая красивая, — дорожка из поцелуев от моей уха до ключицы, расстегивает пуговицы блузки спереди.

— Алекс, ты рехнулся? Здесь?

— Да, — судорожно выдыхает. — Я тебя хочу прямо сейчас. Как тогда, когда впервые ночевал в вашем доме. Ты переодевалась в гардеробной, а я плавал в сексуальных фантазиях. А до этого, пока ты была в душе, изнасиловал твой матрас, — стягивает с моих плеч блузу.

Как давно это было...

Смеюсь.

— Дверь... — млею от его поцелуев.

— Я запер.

Закрытый клуб, вход только по пригласительным или членским билетам. Но, если ты большая звезда, то двери перед тобой тоже охотно откроют. Мы воспользовались последними двумя пунктами.

Внутри всё сдержанно, но дорого. Начиная от мебели, заканчивая напитками и кухней.

Кругом одни богатые и знаменитые... Мне это напомнило такой же клуб Марка в Лондоне, только там всё гораздо масштабнее в плане территории. И публика поинтереснее будет.

Алекс почти сразу же встречает своих знакомых и коллег по сцене. Он всё ещё старается ориентироваться на русский музыкальный рынок.

Антон уходит с кем-то переговорить по бизнесу, пока они пересеклись здесь.

— Вот мужики! — злится Стаська. — У них когда-нибудь не о работе мысли есть?

— Есть. Но тогда они спят... Пойдем, выпьем, — киваю в сторону бара.

Дико хочется принять чего-нибудь горячительного.

Но заказываем мы по бокалу вина. Пока...

— Судя по рекламе, — тыкает сестра на листок, лежащий на барной стойке, — сегодня здесь публику будет развлекать Гаред.

— Гаред? Это кто ещё такой?

— Звезда одна новомодная. Из каждого утюга играет.

— Не слышала...

— Услышишь, — потягивает вино и осматривает присутствующих.

В моей сумочке слышится звук сообщения на телефоне.

— Не отвечай! — хватает меня за руку сестра.

— Я только посмотрю. Вдруг что важное.

" Напрасно блокируешь номер. У меня есть список всех твоих контактов. Позвони мне, иначе я позвоню сам. Твоему мужу это точно не понравится".

— Вот мразь!

— Что там? — заглядывает в телефон Стаська. — Мягко сказано. Иди в туалет, позвони и пошли его на хрен.

— Прикроешь?

— Конечно.

Я почти бегу до дамской комнаты, дожидаясь, когда все выйдут, запираюсь и звоню по видеосвязи мелкому гаденышу.

— Я ожидал услышать твой голос, но ты выбрала вариант получше, — проговаривает Том, мелодично растягивая слова. — Аппетитное декольте, — обращает внимание на вырез платья.

— Отвали от меня! Понял? — кричу на него.

— Понял. Но не могу... Мы с тобой уже слишком далеко зашли.

— Ты о чём вообще?

— О наших поцелуях. Только теперь мне одних их мало. Я тебя целиком хочу.

— По-шёл в жо-пу! — по слогам.

— Я бы с радостью. Только жопка, в которую я бы с удовольствием вошёл, сбежала от меня за тысячи километров, — нагло ухмыляется.

— Малолетний извращенец!

— А если бы она была ещё и в этих трусиках. Ммм... — показывает мне бельё из моего шкафа.

— Ты шарись в моём белье?! Убери свои поганые руки и проваливай оттуда!

— Я думал, что у тебя больше кружевного, а здесь в основном шёлковое. Но мне нравится, такое гладкое и приятное, — трет моими трусиками о свою щёку.

— Фетишист хренов! — на него брезгливо.

— Приезжай, я соскучился.

— Ага, бегу, волосы назад!

— Я задолбался трахать Лиму на твоей постели, потому что только так я завожусь.

Я задыхаюсь от возмущения.

— Ты совсем охуел?! Да как ты смел, делать это на нашей с Алексом кровати! Ещё раз ты это сделаешь, я тебя...

— Сделаю... И не раз, пока ты не вернёшься.

— Ты маньяк! Тебе лечиться надо, — уверенно.

— Моё лекарство — это ты. И я хочу его снова принять.

— Держи карман шире! Думаю, ещё не забыл, как ручками всё делать?

Он смеётся.

— Ещё бы! Забыть такое нельзя! Столько ночей на твои фотки... — водит кулаком вверх-вниз.

— Шизанутый онанист!

— Это норма, если ты не в курсе. Можно подумать, ты этого не делаешь, когда твоего мужа нет рядом.

— Не твоё дело!

— Я предлагаю тебе прекрасный выход — я заменю его. Всегда буду рядом. Каждую ночь...

— Он незаменим!

— Незаменимых нет! — с неприкрытой злостью.

— Знаешь, наш разговор — пустая трата времени. До твоего здравого смысла не достучаться. Ты сексуально озабоченный! Не звони и не пиши мне, я всё равно не отвечу. Пока.

***

— Как прошёл разговор? — тихо спрашивает Стаська, чтобы наши мужчины не услышали, когда я возвращаюсь в зал.

— Как с непрошибаемой стеной поговорила. Давай завтра это обсудим. Наедине... — кошусь на Алекса.

Он машет мне рукой. В ответ улыбка.

— Конечно, — согласно качает головой.

Весь вечер провожу как на иголках.

Алекс недоумевает, почему я такая взвинченная и нервная. Я же, чтоб забыть отвратительный разговор просто напиваюсь. Бокал за бокалом, потом перехожу на крепкое.

Пытаюсь утопить отвратительное чувство брезгливости от того, что кто-то осквернил нашу кровать. Она как храм, там только нам позволено.

Фу, блядь... Как противно, — очередной стакан виски.

Просыпаюсь утром с тяжёлой головой и тошнотой.

— Ты как с цепи вчера сорвалась. Я уже не помню, когда так в последний раз напивалась, — Алекс подаёт мне стакан с водой и таблетки.

— Надеюсь, я не устроила большое шоу? — слабо помню, что было после шестого бокала.

— Не волнуйся, мы быстро уехали, как только почувствовали, что ты можешь пойти в отрыв.

— Спасибо! — с трудом поднимаюсь с постели и собираюсь в ванную.

— Но ты всё же славно развлеклась. А ещё пообещала парню, Гареду, если он тебя впечатлит, то ты запишешь с ним трек.

— И что? Впечатлил? — зажмуриваюсь.

— Жди звонка от его менеджера.

Пиздец... — хватаюсь за голову.

Я только так могу описать своё состояние.

Покачиваюсь на ходу, но ловко поймана подоспевшим мужем. Он подхватывает меня на руки и относит в душ.

— Сколько времени? — спрашиваю, когда немного прихожу в себя.

— Почти двенадцать.

— Ничего себе! Стаська дома? Мне с ней поговорить надо.

— Нет. Она уехала с Арсом к стоматологу, у него ночью зуб разболелся. Я попрошу, чтобы тебе что-нибудь приготовили поесть.

— Не надо. Я не хочу. И так до сих пор тошнит. Пойду лучше на улице свежим воздухом подышу. Ты со мной?

— Я попозже подойду. Мне надо один звонок сделать, — отвлекается на телефон.

— Ладно... Я в саду.

Закутываюсь в толстый кардиган и иду по дорожке, вдоль которой ещё цветут хризантемы и розы.

Начало октября. Ещё месяц и всё это скроется под слоем снега.

— Выпивоха! — окликивает меня Стаська.

— Вы уже вернулись?

— Да. Больше паники навёл. Прямо, как ты вчера.

— Не напоминай! — прячу лицо за рукой.

— Да, не парься! Всё в меру прилично было. Почти никто ничего не заметил. Что только тебе этот Том сказал, что ты решила так впечатления заглушить?

— Не спрашивай. Он точно с головой не дружит. В белье моём копался, представляешь! И с Лимой они на нашей кровати, потому что его это возбуждает. Придётся выкинуть её к чертям, — бешусь.

— Похоже, он не совсем здоров на голову...

— Вряд ли у него там что-то такое серьезное есть, он же спортсмен, проверяют постоянно. Просто мальчишка заигрался во взрослые игры. Изображает из себя альфа-самца и думает, что перед ним все должны падать на колени.

— Сложно тебе придется до него достучаться, если его так переклинило...

— Пробовать всё равно придется, — обхватываю себя руками за локти.

— Вы завтра утром улетаете?

— Да. Самолёт будет готов к девяти утра.

— Постарайся вести себя с ним спокойно. Мало ли что... — напутствует сестра.

— Постараюсь...

По возвращении домой сразу же заказываю в магазине точно такую же кровать как у нас, благо имеется в наличии. И пока Алекс уехал на весь день на работу, "оскверненную" мебель вывозят на свалку.

Он даже не заметил подмены.

Потом тоже еду в офис, разбираюсь с делами и под вечер возвращаюсь домой.

Алекс и Лима уже ждут дома.

Хочется тихонько придушить эту гадкую девчонку, которая залезла в мою постель.

После ужина Алекс очень быстро и крепко засыпает. А ко мне сон не приходит. Что-то не даёт уснуть...

Мысли дурацкие...

Посреди ночи решаю встать и пойти выпить воды на кухню. Когда иду обратно, то замечаю темный мужской силуэт в коридоре. Видимо у Алекса тоже жажда.

— Тоже не спится? — задаю весело вопрос.

— Нет...

Это не муж. Я замираю на месте.

— Том? Что ты тут делаешь ночью?

— Меня Лима пустила, — начинает медленно подходить ко мне.

Сердце уходит в пятки... Я с испугу метнулась в боковой коридор южного крыла дома. Он за мной.

Ловит у двери моего танцзала, дверь которого я не успеваю открыть. Сгребает в охапку и встряхивает.

— Сбежать от меня хотела? Не получится, я быстрее и сильнее, — крепко перехватывает.

Прижимает спиной к стене, а руки заводит за голову.

Долго и в упор смотрит мне в глаза, пытаюсь там что-то разглядеть. В его взгляде какой-то нездоровый блеск.

— Я скучал, — проходится носом по моей щеке, вызывая мурашки по всему телу.

— А я нет!

— Не ври. Почему тогда не брыкаешься?

— А стоит? Мне же всё равно не убежать. Могу закричать, — открываю рот, но он зажимает его рукой.

— Не стоит. О твоих голосовых возможностях я наслышан. Давай просто поговорим... Хорошо?

Я кивает. Он медленно убирает руку ото рта.

— Вот и отлично. Ты хорошая и умная девочка.

— Где ты тут девочку увидел?

— Не мальчик же, — улыбается хищно.

Хм... Не поспоришь.

— Отпусти меня, — прошу его.

— Не могу. Ты запрешься в своей студии, — указывает глазами на дверь.

— Можем пойти туда вместе, там хотя бы сесть на что есть.

— И лечь, — пошленько усмехается, намекая на спортивные маты.

— Ты о чём-нибудь кроме секса думать можешь?

— Рядом с тобой — нет... Крышу напрочь сносит, — кладёт руки на ягодицы и сжимает.

— Пусти! — попытка вывернуться.

Он не отвечает, наклоняется и мажет по шее губами.

Сердце останавливается на секунду, а потом начинает биться в утроенном ритме.

— Ты поговорить хотел, — мой голос умоляющий.

— Я передумал, — хрипит в мои губы.

Он целует, но поцелуй вопреки ожиданиям нежный и чувственный.

Одной рукой придерживая за затылок, второй за попу придавливает к себе. Упираюсь руками в грудь, пытаюсь оттолкнуть. Он наполовину обнажен. И его тело горячее. Нет, просто огненное...

— Перестань сопротивляться, — выдыхает слова в губы. — Я чувствую, что тебе это нравится.

Я мотаю головой. Том обхватывает её руками.

— Согласись, что между нами химия... Ты её почувствовала ещё тогда, когда я упал на тебя в торговом центре. Ты смотрела на меня не как на мальчишку, а как на мужчину.

— Просто удивилась твоему сходству с отцом...

— Поэтому с ним спала? — задаёт неожиданный вопрос.

— Что? Я никогда не спала с ним!

В его глазах появляется замешательство.

Он отпускает меня и отходит. Отворачивается ко мне спиной и хватается руками за голову.

— Уходи... Иди к мужу... — тихо спустя несколько секунд.

Очень удивляюсь его внезапной перемене. Но, не задавая вопросы, просто убегаю.

Почему он решил, что я спала с Дэном?

***

— Сэл! — тормошит меня за плечо Лима.

Я после произошедшего ночью заснула только под утро.

Она жутко взволнована.

— Что случилось?

— Я Тома разбудить не могу. Мы должны были в универ уже уехать, а он не просыпается. И горячий весь, — всхлипывает.

— Не паникуй. Посмотрим, что с твоим Томом. А Алекс где? — надеваю халат.

— Он ещё час назад уехал...

Том лежит на кровати и не шевелится.

Я притрагиваюсь к нему. Он очень горячий. Ночью был такой же.

— У него температура, и высокая.

— А ещё он бредит...

Я приподнимаю брови от удивления.

— Говорил, что не верит и что она врёт.

— Сходи к нам в ванную и принеси термометр из аптечки, — отсылаю её.

— Хорошо, — исчезает за дверью.

Я мочу полотенце холодной водой.

Сажусь рядом и обтираю грудь и руки Тома.

Господи, я его вчера убить готова была, а сейчас за здоровье переживаю.

И ведь действительно страшно за него. Похоже, что-то серьезное.

Складываю полотенце и кладу ему на лоб.

Лима приносит градусник.

— Сорок и два, — ужасаюсь цифрам на табло. — Звони 911. Здесь аспирином не отделаешься.

Девушка отходит к окну и набирает службу спасения.

Вот почему у тебя были такие глаза ночью. Как у ребенка, который заболел...

Переворачиваю полотенце на его лбу и невзначай провожу рукой по щеке. Он открывает глаза.

— Скорая скоро будет, — докладывает Лима.

Я освобождаю ей место рядом с ним. Но он даже не глядит на неё. Провожает меня глазами.

— Малыш, ты как? Что-то болит? — берёт она его за руку.

Он молча отрицательно слегка качает головой и снова закрывает глаза.

Тома увезли в больницу с подозрением на пневмонию.

Лима чуть ли не ночевала у него в палате.

Диагноз подтвердился.

Он провалялся в больнице две недели. За это время Лима уговорила Алекса устроить у нас дома вечеринку по случаю Хэллоуина и пригласить своих друзей. В перерывах между учебой и дежурством в больнице, она с подругами занимается организацией праздника.

***

Застаю гостя в своём кабинете.

— Тебя уже выписали? — обращаюсь к Тому, который стоит и рассматривает книги в шкафу.

— Да, вчера...

— Поздравляю с выздоровлением, — сажусь в своё кресло. — Как себя чувствуешь?

— Спасибо! Уже хорошо.

— Как ты умудрился подхватить воспаление лёгких в жару?

— Часто принимаю холодный душ... У вас большая коллекция русской литературы, — переводит тему.

— Да, специально заказывали. А как твои успехи с "Идиотом"?

— Осилит только половину. Оказалось, сложно...

Я смеюсь. Он недоумевает.

— Достоевского не все русские-то понимают, а ты решил замахнуться на великий и могучий. Надо было начинать с чего-нибудь попроще.

Я подхожу к нему, оглядываю книги в шкафу.

— Пушкин, например, — вынимаю и отдаю ему книгу. — Лермонтов, Есенин, Блок, — достаю их томики. — Тимур Юнусов, на худой конец, — решаю поприкалываться.

— Это тоже русский писатель?

— Да, современный поэт. Книги у меня нет, но его творчество легко можно в интернете найти. А теперь будь добр — покинь мой кабинет, у меня видеоконференция через десять минут.

Странно, но он не спорит, не пристаёт, не говорит пошлостей. Просто уходит, захватив книги. Его будто подменили. Такой тихий и спокойный.

Или это затишье перед бурей?

Через два часа, когда я закончила совещание с главами филиалов нашего Дома по всему миру, выхожу в гостиную и вижу Тома, сидящего с ноутбуком на диване.

— Это было смешно... Я повелся! Ха-ха-ха!

— Ты о чём? — присматриваюсь к нему.

— Про поэта этого... Тимура, — читает с экрана.

Действительно смешно.

— Скажешь не поэт? Какие времена — такие и стихи. А у него ещё и под музыку.

Он со злостью захлопывает ноут.

Наш дом превратился в какой-то склад декораций к фильму ужасов.

Бесконечные коробки со свечами, черепами и прочей колдовской ерундой, рулоны паутины. Один грузовик тыкв на лужайке у дома чего стоит.

А до праздника ещё неделя.

— Может, остановитесь? — спрашиваю девчонок, оплачивая вечером очередную доставку.

— В принципе, уже всё. Осталась только еда, но её привезут в день вечеринки, — прикидывает Лима.

— Сколько вас будет?

— Сотня, а может чуть больше...

Я провожу рукой по лицу и ухожу от этого бедлама подальше.

Вечеринок дома я никогда не устраивала, мой дом — моя крепость. Знаю, как здесь всё проходит. Как в стихотворении — приходил Серёжка, поиграли мы немножко. Надо клининг сразу на первое ноября заказать.

Сотня чокнутых студентов!

Это пиздец, товарищи! Других слов у меня нет.

— Привет! — здоровается со мной Том, который сидит в гостиной в углу на кресле под лампой с учебником по гражданскому праву.

Он скользит взглядом по моим ногам и глубоким разрезам по бокам короткой сорочки.

— Привет! Не знала, что ты тоже здесь. Почему девчонкам не помогаешь?

— Их там и так слишком много. Не хочу мешать им секретничать. Они же по-любому о парнях говорят.

— И о них тоже, — натянуто и не с охотой улыбаюсь. — Тогда я тоже не буду отвлекать тебя от уроков, — иду в танцзал.

Нужно слить напряжение в танец. Его слишком много за последнее время.

Лёгкие движения для начала, чтобы расслабить мышцы. Я уже месяца два на пилон не поднималась. Это плохо, мускулатура теряет тонус.

Первые минуты руки трясутся, но постепенно разогрев делает своё дело, и я нахожу нужный ритм и баланс.

Нужно отдохнуть. Вся мокрая от пота и руки скользят по шесту.

Сажусь на пол и приваливаюсь к нему спиной, разматываю тейпы на запястьях, шевелю пальцами.

Костяшки зажили, даже почти следов не осталось. Со временем и оставшиеся шрамы исчезнут.

Отдышавшись и вернув пластыри на место, решаю — ещё одну песню прогоню и всё.

"А давай любимую?!" — предлагает внутренний голос.

Любимую, так любимую...

Обожаю этот переход с пола на пилон под обожаемый трек, сначала медленно, а потом амплитуда по полной.

(Артем Пивоваров — Кислород (Softbeat Remix)

Музыка закончилась.

Я спрыгиваю. Дыхание рваное и частое. Но под пристальным взглядом посторонних

глаз его трудно выровнять.

— Я знаю, что ты здесь... — произношу громко, чтобы услышал.

От стены отделяется тень и выходит из-за колонны.

— Откуда? — это Том.

— У меня глаза на затылке, — снимаю тейпы. — Я всегда чувствую, когда на меня смотрят, и безошибочно нахожу этого человека.

— А если людей тысячи и они все смотрят? — приближается ко мне бесшумно.

— Всегда есть тот, кто смотрит иначе. Это вызывает тревогу. Думаешь, ты первый маньяк в моей жизни?

— Маньяк? Ты преувеличиваешь... — останавливается в паре метров от меня.

— А разве нет? Ты преследуешь меня, пишешь, звонишь, подстраиваешь встречи.

Типичное поведение психопата.

— Я называю это по-другому...

— Ты одержим, Том! — высказываю своё предположение.

— Я влюблен...

Не удивляюсь его словам, рано или поздно он бы их сказал.

— Иногда это одно и то же, — отхожу от него, чтобы выпить воды.

Даже опомниться не успеваю, как он оказывается сзади меня и прижимает попой к своему паху, крепко вдавливая бедра руками.

— Почувствовала мою любовь? — трётся выпирающим бугром о ягодицы.

— Это похоть, ничего общего с любовью у неё нет! — шиплю по-кошачьи. — Отпусти или я буду кричать.

Но его уже переклинило.

Он шумно вдыхает воздух у моего плеча.

Что он там пытается унюхать? Запах пота, который с меня стекает ручьем?

— Можешь кричать сколько угодно. Твой зал в самом дальнем крыле, здесь прислуга пару раз в неделю появляется.

— В доме полно людей, — пытаюсь оторвать его руки от себя.

— У девчонок там вечеринка в самом разгаре, — запускает пальцы под трусики.

Я цепенею и делаю глубокий вдох.

— Ал...

— А муж твой улетел в Детройт на запись песни. Сэл, перестань со мной играть. Я всё равно получу своё.

— Я надеялась, что ты после болезни изменился, — прикусываю губу от жаркой волны, которая прокатывается по телу от того, что он прикасается пальцами к сокровенному.

— Я пытался, не получается... Это сильнее меня, — зарывается лицом в мои волосы. — Я как человек в пустыне. И вроде пить есть что, и не одна бутылка, но только жажда от них всё сильнее. А тот источник, из которого я точно могу напиться, спрятан глубокого в земле и я пытаюсь до него докопаться.

— Красивыми метафорами говоришь. Я так понимаю, ты не одну Лиму трахаешь?!

Он только усмехается в ответ.

— Если ты согласишься быть со мной, то будешь единственной. Не бойся, я буду ласковым и нежным. Тебе понравится... — дёргает тонкую полупрозрачную сорочку вниз так, что горловина рвётся и оголяет плечи.

Он покрывает их поцелуями.

— Том, не надо... — бороться с собой плохо получается.

Наваждение какое-то! Разве так бывает? Его ласки вызывают трепет в животе.

Он вторгается под одежду, обхватывает грудь и сжимает её, теребя соски через тонкую ткань бюстгалтера.

— Ты потрясающая... красивая... сексуальная... — шепчет между поцелуями в мою шею.

Я плавлюсь.

Разворот к себе лицом и целует в губы. В голове шумит кровь, и уходят все мысли. Остаются только чувства, которыми трудно управлять.

Я ощущаю, как что-то поднимается у меня внутри и дурманом окутывает голову. Соображаю плохо.

Том подхватывает меня под попу, а я его ногами.

— Да, девочка, так бы сразу, — смотрит на меня, отстранившись.

Снова целует и тащит меня к матам, которые лежат в дальнем углу.

Осторожно укладывает и садится между моих ног, разглядывая меня. Сбрасывает футболку и набрасывается с поцелуями.

Я всё ещё не могу включить мозг, отдаюсь только наслаждению, которое внутри сжигает всё.

Руки и губы Тома исследуют каждую частичку моего тела, заставляя дрожать от желания.

— Ты моя... Только моя... — слышу сквозь густой полубморочный туман в голове.

Твоя? А вот хрен тебе!

Включается сознание.

Я дожидаюсь, когда он сядет, чтобы стянуть с меня трусики и толкаю его двумя ногами. Он отлетает в сторону и падает с матов. Молнией спрыгиваю с них и бегом к выходу. Пока Том очухивается и следует за мной, я уже за дверью и подпираю её стулом.

— Открой! — ударяет кулаком.

— Нет! Посиди, остынь!

— Я вынесу дверь! — зверем рычит с той стороны.

— Да, пофиг! — хлопаю ладонью о дерево и убегаю отсюда.

У лестницы я встречаю одну из подруг Лимы, Стефани, которая идет из кухни и несёт бутылки с колой.

Она смотрит на меня с удивлением.

Видок у меня тот ещё! Растрёпанная, покрасневшая, испуганная и в порванной сорочке.

— У вас всё нормально, миссис Гроу?..

— Что? Да... — пытаюсь перевести дух и восстановить сбившееся дыхание.

— У вас одежда разорвана...

Я поднимаю и треплю в руках край рваной горловины.

— Увлелась танцами, — ляпаю какую-то ерунду, которую она тоже не поняла и посмотрела с недоумением.

Из коридора, которого я вышла, раздаётся звук шагов и появляется Том.

Сломал всё-таки дверь.

Он замирает, увидев, что я не одна.

— Извини, Стэф, мне надо в душ, — бросаю взгляд на припавшего к стене Гарнера.

Она следит за моим взором.

Я пулей поднимаюсь по лестнице и запираюсь в спальне. Сюда он не придёт.

Том

Прячусь в тени за фальш стенкой.

Об ноги трётся котенок, урчит как трактор.

— Брысь! — чуть слышно, чтобы не заметили, отодвигаю носком от себя.

Но он шипит и набрасывается с укусами на ногу.

Чтоб тебя! Нахрен я тебя купил?!

Сельванна быстро поднимается по лестнице. Теперь к ней не подойти.

— Я вижу тебя, Том, — вглядывается в темноту Стефани.

Отхожу от стены и неторопливо, как тигр на охоте, подхожу к ней, подхватывая котёнка на руки.

Зверёныш царапается своими короткими лапками и кусает за пальцы.

— Ну, ты и козёл! Встречаешься с Лимой, а сам за её спиной спишь с женой брата! — упреки от девушки.

Усмешка.

Придавливаю слегка в руках кота, чтоб успокоился и дал сосредоточиться. Он затихает и начинает урчать.

Козёл? И это мне высказывает рядовая университетская шлюшка, которая готова с любым из игроков в нашей команде переспать, лишь бы быть в гуще событий и закулисной жизни селебрیتی?

— И с тобой... — затыкаю ей рот. — И ещё с парочкой из вашей компании.

Она роняет челюсть. Безмолвно открывает и закрывает рот.

Вот только им ты нормально и можешь работать.

— Так что прикрой ротик, который не для этого предназначен, — скалюсь и захлопываю пальцами её нижнюю челюсть. — Если узнаю, что ты кому-то растрепала хоть слово, о том, что видела сейчас, то твои фотографии будут во всех чатах универа.

— Какие фотографии? — от испуга Стэф жглась в комок и сдвинула бутылки в руках.

Вынимаю из кармана телефон, открываю облако, пролистываю и показываю ей снимки, на которых отлично видно, как она делает минет в душевой раздевалки футболистов.

— Вот ты ублюдок! — ударяет бутылкой по плечу.

— Будешь молчать, и никто ничего не узнает, — уворачиваюсь от второго удара и перехватываю запястье, крепко сжимая.

Смотрю на неё так, что она приседает под давящим взглядом.

— Не понимаю... У тебя и так молодых девчонок пруд пруди. Зачем тебе ещё Сельванна?

— И не поймёшь. Это вообще не твоё дело! Просто закрой рот на замок и всем будет хорошо. Вкурила? — отбрасываю её руку.

— Да, — трёт запястье.

— Вот и умничка, — хлопаю Стэфани по щеке. — Жду завтра после тренировки, сама знаешь где, — иду прочь.

— Да, пошёл ты в жопу! — кричит в след.

Не поворачиваясь, задираю руку и показываю телефон.

— Урод! — злобно и, опустив голову, уходит к подругам.

Сельванна.

Почти всю ночь провожу бодрствуя. Всё время кажется, что Том может прийти, хотя наверняка знаю — он этого не сделает.

Спальня Лимы напротив.

За это время принимаю решение... И оно не требует отлагательств. Кидаю всё необходимое на один день в небольшой чемодан, звоню и поднимаю пилота на крыло.

— Ты куда-то собралась? — спрашивает Лима, увидев, как я спускаюсь с багажом с лестницы.

— Да... Мне нужно улететь по срочным делам.

— И куда?

— В Новый Орлеан.

— А что Алексу сказать, если он вернётся?

— Ничего. Он не вернётся до моего приезда. О поездке я ему сама позвоню и скажу.

Из столовой к нам в гостиную выходит Том.

— Доброе утро! — улыбается, как ни в чём не бывало, и обнимает Лиму за плечи.

Вот же скотина бессовестная!

Его взгляд падает на мой чемодан, на лице расплывается недобрая кривая улыбка, в глаз появляется гнев.

— Вижу подвозить тебя не надо, — обращаюсь к девушке. — Тогда я поехала в аэропорт.

— Я помогу отнести чемодан, — вызывается Том, — пока Лима собирается, — хищно смотрит.

— Я сама, — пытаюсь отобрать у него ручку, но он отодвигает меня.

— Я схожу за рюкзаком, — Громова поднялась по лестнице.

Я напрямик к двери, Том катит следом чемодан. У входа я немного задерживаюсь, и он пользуется моментом — хватает за запястья и притягивает к себе.

— Снова сбегаешь? — с яростью.

— Много чести! У меня дела...

— Ты же понимаешь, что мы не закончили вчера? — глядит блуждающим взглядом.

— Ручками закончишь, у тебя большой опыт, — цежу сквозь зубы.

Он встряхивает меня с рыком и целует в губы. Становится душно, лицо горит от прилившей крови. Мне это и не нравится, и нравится одновременно. Мозг кричит — нет, а тело говорит — да.

Том отпускает и отстраняется.

Открывает дверь и пропускает вперёд.

— Сэл, перестань бороться, — лениво идёт рядом со мной. — Я пробовал, но две недели — это потолок... Нас тянет друг другу и ты это прекрасно знаешь...

— Если бы у меня не было мужа, то возможно, я и не сопротивлялась бы, — осматриваюсь по сторонам, чтобы никто не услышал наш разговор. — Но я замужем за любимым человеком и другой, тем более ты, мне не нужен. Понял?

— Нет! — выплёвывает слово. — Рано или поздно тебе надоест играть недотрогу и всё произойдёт. Зачем затягивать?

— Я буду биться до последнего! С терпением у меня всё в порядке.

Том усмехается:

— Это у тебя хорошо получается. Но ты хочешь меня, и отрицать бесполезно.

— Хочется — перехочется! — вырываю у него из рук чемодан и запикиваю его в багажник.

Решить эту проблему я и лечу в Новый Орлеан.

По дороге звоню Алексу и сообщаю, что мне нужно срочно съездить в Луизиану по важному делу.

Есть у него привычка делать сюрпризы и приезжать домой раньше времени, чтобы порадовать. Будет неприятно, если он прилетит, а меня нет.

Потом набираю сестрѐнку.

— Привет, систер!

— Привет! — взволнованно отвечает Стаська. — Мне сесть или лечь? Насколько новость будет сногсшибательной?

— Нормально пока всё... Я держу оборону, хоть и плохо получается.

— То есть он не сдаёт позиции?

— Нет, пустил в ход тяжѐлую артиллерию...

— Вот засранец!

— Самое противное то, что он, похоже, спит не только с Лимой, но и ещё с кем-то.

— С чего ты это взяла?

— Он затирал что-то про пустыню и несколько бутылок, из которых пьёт. Олеша, блин!

— Не поняла...

— Писатель такой был, "Три толстяка" написал, его звали Королѐм метафоры. Не тупи, Стась! Под бутылками он других девушек имел в виду. А пьёт, — значит, спит с ними. Он даже не стал отрицать этого, когда я его спросила. А активность не проявлял, потому что пытался забыть меня, но не получилось.

— Псих!

— Вот я сейчас и хочу съездить в одно место и узнать правду о нём.

— И где это? Дурдом?

— Новый Орлеан, мадам Заза...

— Ты к гадалке собралась?! Тоже фляга засвистела? Она обычная шарлатанка!

— Она о нём предупреждала пятнадцать лет назад. Знает, что у него в башке творится. Слишком мягко стелет он про любовь и страсть.

— Так он что уже в любви признался? — удивляется Стаська.

— Да, вчера...

— Жесть! "Везёт" тебе на психопатов.

— Да не говори! Одни в дом лезли, этот теперь в мою жизнь пытается.

— Скорее постель... Напиши на него заявление в полицию о сексуальных домогательствах. У вас там с этим строго.

— Не могу. Не хочу, чтобы Алекс знал. Сама разберусь...

— Разберётся она! Ты сама сказала, что тебя будоражат поцелуи этого мальчишки. Уверена, что справишься?

— Постараюсь! У меня выхода нет. Подтяну полицию — поднимется шумиха в прессе. Не хочу привлекать внимание.

— Фигово быть известным человеком, любой пук напоказ.

Я смеюсь.

— Тебе смешно, а мне страшно. За тебя...

— Не переживай! Он мне ничего не сделает. Так что успокойся, Стась. Несмотря на его

напористость, он ни разу не сделал мне больно. Только сам огребает от меня постоянно.

— Ему полезно, — хихикает сестра.

— Я к аэропорту подъезжаю. Пока. Позвоню тебе, как поговорю с мадам Зазой.

— Хорошо. И держи меня в курсе всего.

— Обязательно. Целую.

— И я...

Найти мадам Зазу оказалось не сложной задачей. В том баре, где мы виделись последний раз, её хорошо знают и сразу показали, куда нужно пойти.

Поздно вечером прихожу в её салон. Дожидаюсь, пока посетитель уйдёт от нее, и захожу к ней в кабинет.

Мрачная обстановочка... Полутьма, свечи горят. Но ничего из всей этой дурацкой колдовской атрибутики нет. Несколько кресел, кожаный диван в углу. Шкаф с посудой, круглый стол под красной скатертью посреди комнаты и четыре стула вокруг.

Но всё равно в этом месте есть что-то, от чего мурашки бегут по коже.

— Я сегодня больше не принимаю, — устало произносит большая женщина, сидящая ко мне спиной.

— Меня вам придётся принять.

Разворот и две чёрные пули пристально меня изучают.

— Знала, что ты ещё вернёшься. Вижу, что отчаяние тебя сюда привело. Монстр твой не спит... — отворачивается снова к столу и продолжает раскладывать карты.

Опять та же песня.

Я обхожу стол и сажусь напротив неё. Внимательно наблюдаю за её манипуляциями с Таро.

— Он преследует меня...

— Конечно, ваши внутренние демоны жаждут обладать друг другом. Им сложно сопротивляться.

— Если это потусторонние силы в нас, как вы говорите, то избавьте от них. Сварите какое-нибудь отворотное зелье.

— Не могу, вы такие родились. Ваши предки в этом виноваты, по материнской линии.

— Вы о чём?

— Прапрабабка твоя душу дьяволу продала.

— Моя прапрабабушка во Вторую мировую войну раненных партизан спасала, лечила их. Пока немцы её при всей деревне за это не расстреляли вместе с детьми. Только одна прабабушка спаслась, её в лесу спрятали.

— Дар лечить ей не Бог дал, — показывает пальцем на карту дьявола, которую вынула из колоды.

— А Том чем провинился?

— Индейские шаманы в роду были, там грехи до седьмого колена уходят. Ты сильнее его. Ему сложнее из-за мужской природы с этим справляться. Да и молодой ещё, кровь бурлит.

— И что мне делать?

— Уступить... — абсолютно спокойно.

— Что? Ни за что! — подскакиваю со стула.

— Он уйдёт только тогда, когда ты от него голову потеряешь. А не должен... — внимательно вглядывается в очередную карту. — До этого будет всё время рядом. Изведёт так, что ты всё равно согласишься.

— Отлично! Я потеряю голову, а он свалит в туман?! Адский ёжик, блядь!

— Какой туман? И причём здесь ёжик? — не понимает она.

— Не парьтесь! Это трудно объяснить... — провожу рукой по лицу.

— Я не могу открыть тебе всей картины. Мне показывают какие-то фрагменты из ваших книг судеб. Не всегда их можно сложить в понятную историю. Я даю только подсказки.

— Я как будто живу в фанфике о себе. Я и альфа. Читала не раз подобное от своих фанатов, — хвастаюсь за голову.

— А ты поменьше в судьбу свою лезь. Опять там поначёркала под себя, — цокает обвиняюще языком.

— В смысле?

Заза протягивает мне колоду:

— Сдвинь.

Я выполняю её просьбу. Она вынимает три карты и кладёт на стол. Влюбленные, солнце и башня.

— Пока не сделаешь выбор, счастья не увидишь.

— Я свой выбор ещё пять лет назад сделала.

Она смотрит на меня строго.

— И молодого своего береги, опасность ему грозит...

— Вот ещё!

— Совесть замучает, если не предотвратишь.

Я злобно скриплю зубами.

— Больше мне тебе нечего сказать, — тяжело поднимается мадам Заза со стула. — Денег тоже не возьму, — останавливает меня, предугадав мой вопрос.

— Почему?

— Самой интересно, чем вся ваша история закончится. Вот, позвони, если что, — даёт визитку.

На следующий день назад в Лос-Анджелес.

Слова гадалки весь день не дают покоя. Особенно предупреждение об опасности. Она права. Если я знаю, что с ним может что-то случиться, и не помешаю этому — не прошу себе...

— Чёрт бы тебя побрал, Том! — психую так, что ломаю карандаш в руке.

Собираю вещи и уезжаю из офиса.

В эти дни недели у этого мелкого тренировка в боксерском клубе. Лима как-то поделилась информацией.

Останавливаюсь недалеко, но так, чтобы моя машина не бросалась в глаза. Джип Тома стоит на стоянке.

Откидываюсь на спинку сиденья и наблюдаю за входом.

— Господи, я веду себя, как сталкер! — закрываю глаза рукой.

Сижу уже не меньше двух часов. Том не выходит.

Всё тело ломит от сидения.

— Так задница квадратной станет, — наружу из машины, чтобы размять ноги.

Не вовремя я это сделала. Возле меня тормозит тачка, из которой выходят четверо парней — двое белых и парочка афроамериканцев, обсуждая, что надо жёстко наказать какого-то выскочку.

— Какие крошки у нас на районе, — один из них скользит по мне похотливым взглядом. — На телку с Беверли Хиллз похожа.

— Ехали бы вы парни дальше по своим делам, — огрызаюсь на его слова.

— А что мы такие не ласковые? — подваливает другой. — Ты не местная, так что не хорошо в гостях хамить.

Дать бы вам по башкам битой, но она в машине осталась, а путь к ней отрезан. Остаётся пятиться задом к клубу.

— Я полицию вызову... — решаю их припугнуть.

— Валяй!

Парни смелеют и окружают меня, сжимая кольцо.

Пипец! Вот я попала! Знала же, что райончик так себе.

По спине холод от страха. Один делает выпад и хватает меня крепко за руку.

За спиной кто-то свистит.

— Эй, ублюдки! Руки от неё убрали! — доносится голос Тома.

Страх сменяется ужасом.

— А тебе что больше всех надо, Гарнер? Вали по добру по здорову, — кричит в ответ один из парней.

— Это моя девушка, — рычит где-то рядом Том, я его не вижу.

Похоже, они знакомы.

— Что ж ты свою девку правилам приличия не научишь, — петушится второй из парней.

— А мы в свободной стране живём, говорим, что хотим, — парирует Том.

Я выворачиваюсь посмотреть перепалку.

— Ты не первый раз нарываешься, белый! — с явной угрозой один из афроамериканцев.

— Ну, так накажите меня, — манит их руками.

Они накидываются на него, но он с нескольких ударов укладывает троих на асфальт.

Четвертый держит меня, прикрываясь, как щитом.

— Девушку отпусти, — проговаривает, растягивая звуки Гарнер.

— Хрен тебе! — парень достаёт из кармана нож и приставляет к моему горлу.

Страх сковывает все мышцы.

Где моё хладнокровие в этот момент?

Когда я стала такой мягкотелой?

Том пытается сделать выпад и выхватить меня из рук отморозка, но тот с перепугу машет рукой и режет Гарнеру предплечье.

Я взвизгиваю. Набираю воздуха в легкие и бью локтем под дых подонка. Том добивает ударом справа. Все четверо в нокауте.

Он прижимает к себе и гладит по голове. У меня начинается истерика, слёзы ручьём.

Я сейчас вспомнила нападение на Алекса. Он не был так натренирован, как этот парень.

— Всё, всё, успокойся! — гладит по волосам. — Я рядом. Тебя никто не обидит.

Отстраняется, вытирает мне слёзы. Я смотрю на разбитые лица бандитов.

Кровь...

У меня снова паника. Том следит за моим взглядом, всё понимает и заставляет глядеть в свои глаза.

— Не смотри туда. Слышишь? — я киваю головой, глубоко втягивая воздух. — Я отвезу тебя домой, где ключи от машины?

— В ней... — задыхаюсь.

— Отлично. Идём, — обнимает за плечи и провожает до моего автомобиля.

— Я сейчас, — убегает к своей машине.

Его не было несколько минут.

Приходит с вещами и замотанной бинтом рукой. Сделал перевязку, чтобы я не видела кровь.

Мы отправляемся в направлении моего дома. Том открывает окна, чтобы я смогла дышать свежим воздухом. Но это плохо помогает.

Когда выезжаем к побережью, я прошу его остановиться.

С чумной головой бреду в сторону океана. У кромки воды и вдыхаю солёный воздух.

Гарнер накидывает на плечи бомбер.

Держаться бы тебе от меня сейчас подальше, а то я себя с трудом контролирую.

Но я почему то не возбуждаюсь, а просто паникую внутри.

Том встаёт рядом и ждёт, когда я успокоюсь. Через какое-то время прихожу в себя.

— Спасибо! — почти беззвучно.

— Не за что... — отвечает, глядя вдаль. — Что ты делала у клуба?

— Ждала тебя... — честно.

— Зачем? — смотрит на меня непонимающе.

— Предчувствия были плохие... — тут я вру.

— Предчувствия? Если бы не ты, драки бы не было.

— Они приехали разобраться с тобой. Я слышала. Вернее с кем-то... Но думаю, они говорили о тебе...

Он слегка качает головой с недовольством.

— Сначала ты сама бьёшь меня, убегашь. А сейчас приезжаешь из-за каких-то предчувствий и спасаешь?!

— Это ты меня спас...

— Не благодари. Я за тебя порву любого!

Снова прижимает меня к себе и целует в макушку.

Я не сопротивляюсь, а он даже не пытается приставать. Просто крепко обнимает. Так мы и стоим, не знаю сколько времени.

Он согревает своим теплом. Я утыкаюсь носом в его плечо. От него пахнет гелем для душа. Голова немного кружится и меня качает.

Том подхватывает на руки как пушинку и несёт к машине. Его глаза блуждают по моему лицу, останавливаясь на губах. Но никаких поцелуев. Он просто усаживает меня в машину и доставляет домой.

— Я попрошу охрану, тебя отвезут в общежитие или за твоей машиной, — слепо смотрю на ворота.

— Не надо. Я сам доберусь, на такси, — отказывается.

— Так же удобнее!

— Сэл! Не надо! — прикладывает к моей щеке руку и проводит большим пальцем по губам.

Волна дрожи проходит по телу.

Том чмокает в щёку и исчезает в темноте, прихватив свою сумку.

Лима

Выбираем костюмы для вампирской вечеринки на Хэллоуин на сайте онлайн магазина.

— Как тебе этот? — указываю на кожаный наряд из фильма.

Гарнер пренебрежительно дёргает носом.

— Почему нет? У меня будет латексный комбинезон, как у главной героини и черный парик. Тебе бы подошёл наряд Виктора.

— Я не хочу, Лима. Вот этот, — выбирает он в готическом стиле с крутой маской для лица, которая как вторая кожа.

— Ну, нет! Такой себе Алекс купил.

Том как-то странно покосился на меня.

— Ладно, поищем другой, — соглашается. — А кем будет Сэл? — спрашивает, расслабленно откидываясь на спинку дивана.

— Она купила наряд Анны из Ван Хельсинга, — пролистываю страницы магазина. — Анна выбрала костюм Анны, — хихикаю. — Слышала, что её ювелиры даже сделали копию украшений из рубинов.

— Стоп! Вот этот, — показывает Том на костюм в стиле позапрошлого века.

— Не плохо. Но мы не будем с тобой смотреться вместе. Может, вернёмся к прежнему варианту?

— Ладно, как хочешь... Мне уже пора, — глядит на часы.

— Ты перестал оставаться у меня на ночь, — игриво прохожусь пальчиками по его груди.

Том перехватывает руку и убирает в сторону.

— Твой брат вернулся, не хочу, чтобы он нас застукал. Получу в первую очередь я.

Сельванна

Наш дом превратился в логово вампиров. Уже три дня девчонки по вечерам превращают его в адское место.

Я будто вернулась на съёмочную площадку "Тёмного ангела".

Сегодня вечеринка. В доме полно людей, постоянно приезжают машины доставки из ресторанов и кондитерских.

— Зачем ты ей разрешил устроить этот ад в нашем доме? — спрашиваю у Алекса, когда вхожу в кабинет, где тихо.

— Пусть девчонка развлечётся, — тянет меня за руку и усаживает на колени.

— Они там искусственную кровь привезли в бутылках...

— Я же просил её этого не делать!

— Она сказала, что за вампирская тусовка без крови. И вообще это просто сок, — повторяю слова Лимы.

— Блядь! Можешь представить, что это просто сок? — смотрит с заботой.

— Могу. Я так на съёмках делала. Пыталась, по крайней мере... Помогало плохо, но...

— Хорошо... Просто знай — она не настоящая, — гладит успокаивающе по спине и целует в плечико.

В дверь стучат. На пороге Том. Он бросает недобрый взгляд на нас, прищулив глаза.

Я слезаю с колен мужа.

— Сэл, тебя там ищут. Хотят узнать, куда разместить ящики с напитками.

— Иду, — ласково провожу Алексу по щеке и выхожу за Томом.

Он молчит, но по глазам и напряженным мышцам, которые перекачиваются под тонким джемпером, видно, что он в бешенстве. Обруливает меня и скрывается из вида. На улице он резко срывается на своём джипе с парковки и чуть ли не сносит ворота.

— Псих! — провожает его взглядом мужчина из службы доставки.

— Есть немного... Отнесите коробки вниз, там есть холодильная комната, — показываю направление.

***

— Если надумают снимать ремейк фильма, то они просто обязаны взять тебя на главную роль, — окидывает меня взглядом Алекс.

— Не преувеличивай! — поправляю перчатки.

— Ни капли, — обнимает сзади и разворачивается вместе со мной к зеркалу. — Ты шикарна в этом красном платье. Почему ты раньше никогда такие не носила?

— В стиле восемнадцатого века? — смеюсь.

— Тебе идет красное. Не так, как белое. Но это возбуждает до ужаса, — делает вид, что хочет укунить за шею, но по итогу просто целует.

— Идём к гостям, — останавливаю его шаловливые ручки, которые уже задирают юбку.

Он разочарованно вздыхает и открывает с поклоном дверь.

— Шут! — опускаю на глаза маску.

Он угорает и надевает свою, которая полностью скрывает лицо.

Чёрт! Какая же она реалистичная, словно не маска, а грим.

— Да, я шут, я циркач, так что же... Пусть меня так зовут вельможи, — напевает арию мистера Икс.

Я только качаю головой. Какой же он порой дурашливый...

— Боже, я не думала, что гостей будет так много, — обвожу взглядом набитую до отказа гостиную, часть гостей ещё в саду у бассейна.

Кругом вампиры всех мастей, Франкенштейны, какие-то зомби и куча всякой нечисти.

— Ты закрыл спальню? Не хочу в ней застукать кого-нибудь.

— Не волнуйся, закрыл, — приобнимает за талию Алекс.

Не хочу снова кровать менять. Я знаю, чем занимаются люди на таких тусах.

Молодёжь умеет веселиться, а ещё пить. Надеюсь, к нам не заявится полиция, не думаю, что им всем есть двадцать один год.

— Красивое платье, — подваливает ко мне Том, когда я отхожу взять что-нибудь попить.

— Спасибо! У тебя тоже костюмчик ничего, — усмехаюсь, оглядев наряд главы рода вампиров. — Лима выбирала? Лично я бы выбрала костюм Дэйва...

— Да. Я и выбрал другой, но она разнылась, что тогда мы не будем смотреться вместе, — закатывает глаза.

— Тебе не нравится латекс? Это очень сексуально... — произношу плавно последнее слово. — Однажды я такой примеряла... только не для вечеринки... — стыдливо отвожу глаза.

— Понятно, для Алекса.

— Если мой муж захочет, чтобы я оделась в Красную шапочку, я это сделаю.

— Я бы посмотрел на тебя в костюме строгой учительницы. Тебе пойдут очки, —

облизывает губы.

— Пошляк!

Взгляд падает на хрустальные бокалы с резьбой, которые ставит на стол официант.

В них кровь.

" Она не настоящая! "- пытаюсь себя убедить. И почти получается, пока один из гостей не начинает её пить. Струйки текут с уголков губ, и я загипнотизировано наблюдаю за ними.

В голове начинает стучать. Я всё также смотрю, не отрываясь, на стекающие по лицу капли. В голове пропадают все мысли. Внутри поднимается жар.

— Посмотри на меня, — слышу голос Тома как из аквариума.

Я оглядываюсь по сторонам. Пьют все...

Том берёт меня за плечи и слегка встряхивает.

— Не смотри на них! Слышишь?

Голоса смешиваются в один сплошной гул.

Подходит Алекс.

— Что случилось? — его голос как со дна колодца.

— Ей плохо, — отвечает за меня Гарнер.

— Твою мать! — ругается муж, заглянув мне в глаза.

А они все ещё пьют. Никто даже не пытается вытирать губы. Ну, конечно же! Это вампирская вечеринка.

Алекс подхватывает меня под руку и уводит наверх в нашу спальню. Усаживает на постель, а сам устраивается в ногах, взяв мои руки в свои. Потирает их ладонями.

— Всё, здесь никого, кроме нас нет, — слышу его булькающий, в туманном рассудке, голос. — Я Лиму убью! Просил же, чтобы не тащила этот напиток. Тебя сегодня очень сильно кроет, не как обычно.

А я уже хищно прикидываю в голове, как мы займёмся прямо сейчас любовью. И тянусь к нему с поцелуями.

Как назло у него звонит телефон.

Достаёт, смотрит на экран:

— Вот ты сейчас совсем не вовремя, Рейнольдс! — сбрасывает вызов.

Обвиваю его шею руками и жадно припадаю к губам. Кусаю, если он сопротивляется.

Опять настойчивые звонки несколько раз.

— Ответь ему, может, что важное, — прошу мужа, когда сознание немного проясняется.

Алекс отвечает на очередной звонок продюсера.

— Да!

— ...

— Прямо сейчас?

— ...

— У меня дома вечеринка, полно людей!

— ...

— Я понял, что надо ещё вчера. Моя жена себя плохо чувствует...

— ...

— Ну, почему сразу перебрала?!

— ...

— Отлично! Приезжай, так даже лучше. Я буду ждать.

Он отключает телефон.

— Извини, нужно подписать важный контракт, Рейнольдс привезёт его прямо к нам домой. Он уже подъезжает. Я его встречу, мы переговорим и я вернусь.

Я киваю головой.

— Не торопись... Я лягу отдохнуть, пока не полегчает.

— Хорошая идея, — чмокает меня в губы и уходит встречать гостя.

Я встаю и на свинцовых ногах прохожу в ванную. Включаю воду и смотрю на себя в зеркало. Бледная как полотно... Прямо труп невесты и гримироваться не надо.

Вода, льющаяся из крана, странно резонирует в моей голове.

Взгляд на серьги и колье из рубинов на мне. Всего на секунду в голове мелькает мысль, что камни похожи на застывшие капли крови и меня опять накрывает.

Холодная вода не помогает, шум и стук в голове невыносимы, поглощают все остальные звуки.

Руками в тумбу и голову вниз, лишь бы не видеть своё отражение. Дрожащими руками срываю с себя украшения и бросаю в раковину. Пытаюсь содрать с себя платье, но не получается дотянуться до замка. Пальцы не слушаются и будто отекли, превратившись в сосиски.

Неожиданно на спину ложится чья-то рука и открывает молнию.

Я бросаю взгляд в зеркало.

Алекс...

— Ты уже освободился? — чужим для меня голосом.

— Да... — смотрит зачарованно через маску.

Линзы эти ужасные прячут настоящие красивые бирюзовые глаза.

— Иди ко мне... — тяну его к себе, обвиваю шею.

Он немного приподнимает маску, открывая губы, и целует. Становится ужасно жарко и трудно дышать, но я не отрываюсь от него. Только так можно облегчить страдания. Снять этот жуткий морок в голове.

Его жадные руки шарят по всему телу. От прикосновений горит кожа.

Внутри будто расправила крылья одна большая бабочка и, взмахнув ими, унесла меня в мир чувственности.

Алекс спускает с плеч платье и покрывает их поцелуями. Потом стягивает перчатки с рук, погружая в свой рот и слегка посасывая и прикусывая каждый мой палец. Это как удары молнии, прошивающие тело насквозь.

Стоны срываются с моих губ один за другим, распалая его. Он грубо сдёргивает с меня платье. Вдавливает в себя моё обнажённое тело. Его губы снова захватывают мои, страстно терзают их, покусывая. Язык проникает в рот, разрывая мой мозг на части от ощущений блаженства.

Гроу приподнимает меня и подсаживает на холодный мрамор тумбы. Но даже это не помогает мне отрезветь. Горячие волны проходят по телу одна за другой.

Я откидываюсь назад, а его руки и губы завладевают моей грудью. Сжимают, дразнят соски, заставляя ёрзать и выгибаться от невероятно острых ощущений.

— Я люблю тебя... люблю... люблю, — шепчет между поцелуями.

— А я тебя, — выдох словами ему прямо в ухо, вновь обнимаю за шею.

Он вздрагивает и расстёгивает молнию на брюках, выпуская на свободу готовый к бою член.

Я крепко обхватываю ногами Алекса за пояс, когда он входит в меня, пытаюсь проглотить его полностью, до последнего сантиметра.

— Да... моя девочка, — стонет, когда я начинаю двигаться, призывая его к тому же.

Что-то странное в этих словах, но я улавливаю их глухо, как из банки.

Муж двигает бёдрами, унося меня с каждым толчком на седьмое небо. Я вцепляюсь ногтями ему в плечи, сдирая кожу до крови.

Это только больше заводит его. Он толкается быстрее и жёстче. Движения сильные и глубокие. Я чувствую, как меня накрывает волной оргазма. Громко вскрикиваю и вжимаюсь пальцами в его ягодицы.

Алекс ускоряется, громко стонет и кончает. Я ощущаю, как его член сжимается во мне и истекает влагой. От этих ощущений накрывает ещё одним оргазмом.

И в голове туман ещё хуже, чем раньше, я с трудом осознаю, где мы и что сейчас произошло.

Силы покидают...

Меня словно опустошили.

Я превращаюсь в тряпочку и висну у него на плечах. Он целует, шепчет ласковые слова, но я их толком не слышу.

Муж закутывает меня в махровый халат и укладывает в кровать. Опять долго нежно целует.

Веки тяжелеют, и я проваливаюсь в сон.

Сколько я проспала, не знаю, будит Алекс, притянувший к себе за талию.

— Вечеринка закончилась? — бормочу сквозь сон.

— Да. Почти все разошлись, остались только с полтора десятка абсолютно пьяных ребят. Мы сгрузили их вниз, в кинотеатре.

— Хорошо, — провожу рукой по его бедру.

Он понимает моё предложение правильно, стягивает с меня халат и отбрасывает его в сторону.

****

— Почему Том к нам больше не приходит? — интересуюсь за ужином у Лимы. — Почти две недели уже.

Не скажу, что я этому не рада, но как-то странно. Да и пока Алекса нет, он в студии, можно поговорить откровенно с его сестрой.

— У него каждый день тренировки утром и вечером... Ещё готовится к сессии и зачётам, — отвечает, ковыряясь в тарелке.

Мне показалось, что она чем-то расстроена.

— Вы поссорились?

— Нет. Просто он стал каким-то другим. Будто... чужим... Избегает оставаться наедине и всё время придумывает отмазки, чтобы не видеться.

— Ты же сама сказала — у него завал на учёбе, устаёт парень, — кручу бокал с водой.

Желание пить хотя бы бокал лёгкого вина за ужином напрочь пропало последнюю неделю.

— Мне кажется, что у него другая...

Я хмыкаю. Для меня это не секрет. Только не другая, а другие.

— Ты что-то знаешь? — смотрит на меня с подозрением Лима.

— Я? Нет.

— А ещё я слышала, что он ввязался в какую-то историю с подпольными боями...

— От кого слышала? — меняется моё равнодушие на заинтересованность.

— В универе ходят слухи... Недавно его нехило отметелили где-то. Он два дня не выходил из комнаты в общежитии. Просила его показать синяки, но он наорал и выставил меня за дверь. Можешь попросить свою охрану узнать что-нибудь?

— Могу. Но если ты не права? И ему просто матёрый спарринг-партнёр попался.

— Зря говорить не будут, — ёрзает она на стуле.

— Я попрошу, чтобы за ним приглядели и узнали всё, — обещаю ей.

— Спасибо! Только Алексу не говори, пожалуйста... — умоляюще.

— Хорошо, я попрошу этим заняться службу безопасности компании. Домашняя охрана точно всё твоему брату донесёт.

Беру с тарелки маринованный имбирь и с удовольствием съедаю.

— Ты ешь его без суши? — удивлённо глядит Лима.

— Да.

— А не слишком ли много ты его употребляешь последнее время? Раньше вроде терпеть имбирь не могла. Морщилась, когда Алекс ел. И вдруг...

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Говорят, вкусы с возрастом меняются.

— Ну-ну, — скептически кривится Лима.

Утром я даю распоряжение приставить хвост к Гарнеру и докладывать мне обо всех его передвижениях.

Через три дня наружка представляет полный отчёт о том, где был Том и с кем встречался.

— По существу что? — обращаюсь к начальнику охраны, просматривая фотографии.

— Он действительно записан, как участник сегодняшнего боя.

— Где будет проходить?

— В Вест Адамсе. В одиннадцать вечера.

Твою мать! Один из криминальных районов Лос-Анджелеса.

— Подготовьте мне тройку ребят покрепче.

— Вы собираетесь туда поехать, миссис Гроу? — вскидывает брови.

— А у меня есть выход?

— Мы можем сами забрать парня.

— Заберёте сегодня, он поедет туда завтра. Надо найти причину — зачем он это делает.

— Долгов у него нет, мы проверили. Ни официальных, ни криминалу.

— Понятно... Вы свободны.

И что тогда тебя заставляет идти на эти бои, Том?

Желание заработать?

Ты вроде в деньгах не нуждаешься.

Зачем мне это вообще надо?

Зачем-то надо...

К назначенному времени я с охраной на месте. Чтобы пройти нужно заплатить солидный взнос.

Окей, не проблема. Догадывалась, что здесь всё не задаром.

Узнаю, с кем предстоит бой у Гарнера. Его имя мне ничего не даёт. Какой-то уличный отморозок. Делать сразу ставку отказываюсь, сказав, что ещё не решила за кого.

Мои парни проверяют, где находятся раздевалки бойцов и проводят меня туда.

Том сидит в одной из них на лавочке и заматывает руки пластырем. Увидев меня, входящей в комнату, подсказывает от неожиданности.

— Ты что здесь делаешь? — глаза такие огромные, что вот-вот выпадут из орбит.

Я делаю знак охране, чтобы они подождали за дверью.

— С ума сошла! Пришла в место, где кровь льётся рекой! — орёт на меня.

— Я пришла остановить тебя и не дать сделать очередную ошибку.

— Что? Нет никакой ошибки!

— Зачем тебе это? Нужны деньги? Ты мог просто попросить.

— Причём здесь деньги?! — вышагивает из угла в угол. — У меня был конфликт с одним бойцом, я предложил решить на ринге, он позвал сюда, — лжёт.

— А неделю назад у тебя с кем были тёрки? — смотрю на него грозно. — Я всё знаю.

— Это те парни, что напали на тебя у клуба, — признаётся, опустив руки.

— Том, не нужно никому ничего доказывать! Поехали отсюда...

— Чтобы все посчитали, что я зассал?! — возмущается на повышенных.

— Если они тупые, то так и подумают. Подобные мысли не от большого ума.

В его глазах сомнение.

— Зачем ты приехала? — смотрит на меня с болью.

— Ты для нас не чужой человек, мы беспокоимся за тебя, Том.

— Мы? — сводит хмуро брови.

— Я и Лима...

— Так вот кто тебе всё рассказал! — сжимает челюсти так, что вены на шее вздуваются.

— Да. Ты же больше к нам не приходишь в гости.

— Я занят. И думаю, ты не сильно переживаешь, что меня нет. Никто не мешает, не пристаёт, — усмехается грустно.

— Знаешь, как-то скучно стало, — шучу над его словами. — Поедем домой, — беру за руку.

Он вздрагивает и смотрит вымученно.

— Нет! Я должен...

— Тогда я буду смотреть этот бой! — заявляю решительно.

— Даже не вздумай! — обхватывает руками мои плечи.

— Ты не слышишь меня, я не собираюсь слушать тебя! — вздёргиваю подбородок.

Он перемещает руки на моё лицо и прижимается своим лбом к моему.

— Не нужно изводить себя из-за меня, Сэл, — умоляет, глядя в глаза.

— Тогда не строй из себя несокрушимого. Поехали со мной.

— Не могу... — щекой к щеке.

— Том я не хочу, чтобы из тебя здесь сделали инвалида.

— Со мной всё будет в порядке, обещаю, — попадаю в тиски рук.

Его сердце бешено бьётся. Моё тоже догоняет этот ритм. Непроизвольно обнимаю Тома за талию.

Веду себя как дура, корю за это, но не могу отпустить. Может хотя бы так удержу его от ошибки.

В дверь стучат. Том убирает руки.

— Твой выход, Гарнер, — заглядывает какой-то мужчина жуткого вида.

— Будь здесь и никуда не уходи. Пожалуйста... — просит меня.

Знал бы ты, что никакие просьбы и мольбы не заставят меня делать то, что я не хочу.

Я выхожу из раздевалки через пять минут и напрямиком к октагону.

Бой уже идёт. Толпа подбадривает бойцов криками.

Я не подхожу близко. Помню, как Том отвлекался и получал хороших звездюлей, увидев меня.

Соперник — тот самый ублюдок, что держал нож у моего горла.

Что ж ты тогда так хорошо не защищался?

Он наносит Гарнеру удар по лицу и рассекает бровь. Из раны течёт кровь.

Я смотрю и ничего не чувствую.

Где шум и туман в голове? Где вакуум, который лишал меня воли и разума?

Ничего такого и близко нет...

Я двигаюсь ближе в сетке ринга.

Может быть, я далеко стою?

Я рядом, в нескольких шагах от молотящих друг друга бойцов. Никто из двоих не собирается сдаваться.

И снова ничего.

Наблюдаю за каждым движением рук Тома. Мне кажется, что я вижу, как стекает каждая капля пота по его телу.

Звуки вдруг стали будто далекими. Перед глазами полетели мушки, и стала стягиваться темнота.

— Сэл! — далекий голос Тома, прежде чем падаю в обморок.

***

Резкий запах нашатыря ударяет в нос. Я машу руками, отгоняя того, кто сунул мне эту вонючку понюхать.

— Ты нас напугала, — поддерживает меня за плечо Гарнер, когда я пытаюсь сесть.

— Что произошло? — не понимаю.

Голова сильно кружится.

— Вы упали в обморок, миссис Гроу, — говорит один из моих охранников.

Я оглядываюсь по сторонам.

Чей-то кабинет.

Стол Оксфорд, массивные кожаные кресла и диван, шкафы, забитые папками.

— Как бой? — сосредотачиваю взгляд на лице Тома.

— Его остановили из-за тебя. Больше я не вышел на ринг. Как ты? — берёт в руку мою вялую ладонь.

Я гляжу на свою охрану.

Их только в свидетелях не хватало!

Они считывают мой настрой и молча выходят.

Молодцы! Не зря зарплату получают.

— Лучше... — с трудом вспоминаю, что Том у меня спросил.

Он обнимает за плечи. У меня вдруг катятся слёзы из глаз.

— Эй, ты чего? — вытирает слезинки. — Со мной всё в порядке. Несколько синяков и бровь немного разбита. Это пустяки. Заживёт, как на собаке.

Не знаю, почему я плачу, слёзы сами текут.

Том собирает их губами. Увлекается и припадает к моим губам. Начинает заваливать меня на диван.

— Нет! — отпрянув от него, отпрыгиваю в угол дивана.

— Что не так? — рвано и глубоко дышит.

— Я не могу... Не хочу...

— Хочешь, — двигается ко мне.

Но я встаю с дивана и отхожу от него подальше.

— Это неправильно. Так не должно быть, — повторяю, как мантру.

Забираю с кресла свой жакет и на выход из кабинета.

— Проследите, чтобы он не вернулся на ринг, — приказываю охраннику.

Он согласно кивает головой.

Всю дорогу пытаюсь собраться. Выкинуть всё из головы, не думать о Томе.

Не получается.

Дома ждёт недовольный муж, я не предупредила, что приеду поздно. Просто не придумала весомую отмазку.

Но увидев меня бледную и в полном раздрае, его гнев сменяется волнением.

Я лгу, что мне стало плохо, похоже, я что-то съела. Алекс предлагает вызвать врача, но я отказываюсь. Бубню, что хочу принять ванную и спать.

Так противно врать любимому человеку, глядя в глаза. Но правду открыть ещё тяжелее.

Том

— Это яхта Алекса? — окидываю взглядом огромную трёхпалубную махину, пришвартованную недалеко от берега.

— Да, красивая, правда? — прикрывает глаза рукой от солнца Лима. — Шикарная! Там даже вертолетная площадка есть, представляешь?

— Чего ты радуешься? Она же не твоя! — утихомирываю её восторг.

Лима мне все уши за неделю прожужжала о новой "игрушке" брата. Пригласила выйти с ними в океан на выходные. Я сперва не соглашался, но в последний момент принял приглашение.

Не из-за Лимы. Из-за Сэл... Мой мозг требует её увидеть, а сердце разрывается от боли и тоски. Она нужна, как воздух...

К нам подплывает катер и отвозит на яхту.

Я задыхаюсь, когда вижу Сельванну. Она в купальнике, который красиво подчеркивает все её прелести, и почти прозрачной белой хлопковой рубашке.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Хорошо, что мои глаза скрыты очками, и никто не видит, как я чуть не съел её взглядом.

Тело обдаёт жаром, и колет иголками, когда она обнимает меня в приветствии.

Боже, как я хочу снова сжать Сэл в своих руках, целовать и никуда не отпускать от себя.

Сердце неприятно сжимается так, что я морщусь от боли.

Фух... Отпускает спустя минуту.

Нас размещают в большой и дорого обставленной каюте.

— Твой брат не жалеет денег, — замечаю.

— Он, по сравнению с женой, конечно же, нищеврод. Но прилично зарабатывает, может позволить, — пожимает плечами Лима, выживая из чемодана купальник.

— Разве у них не совместный бизнес?

— Нет, вроде... У него есть какой-то пакет акций, но весь контроль находится у Сэл в руках. Она даже его помощь не принимает. Всё сама... — протяжно последние слова.

— У них брачный контракт?

— Нет. Нет никакого контракта, — приобнимает меня за талию, — зачем это тебе?

— Просто интересно...

Близость Лимы давит.

В голове давно поселилась мысль расстаться с ней. Но тогда я не смогу свободно видеть Сэл, мне придётся искать встреч.

Как могу, избегаю секса с ней, придумывая различные отмазки об усталости, занятости или ещё что-то. Но она настырная, упорно долбится в закрытую дверь, и иногда я сдаюсь, не получая от нашего секса особого удовольствия.

— Я загорать, — крутится передо мной в белом бикини и отправляется на верхнюю палубу.

Я устраиваюсь в удобном мягком шезлонге палубой ниже и сквозь тёмные солнечные очки наблюдаю за Сэл и Лимой, которые снимают на телефон видео для соцсетей.

По моему лицу ползёт блаженная улыбка от вида прелестей Сельванны. Кажется, они стали ещё аппетитней или это только мой голод.

— Надеюсь, ты пялишься не на мою жену? — грозно смотрит подошедший Алекс. — Хотя и то, что на мою сестру может кто-то пускать слюни, мне тоже не очень нравится.

— Понимаю, у меня две младшие сестренки, — поддерживаю его мысль.

— Держи, — протягивает мне стакан виски.

— Мне нет два...

— В моей стране парней твоего возраста уже от алкоголизма лечат, так что не дрейфь!

Я беру и делаю несколько небольших глотков.

Алкоголь употребляю редко, спортивный режим не позволяет, поэтому довольно быстро на солнце ощущаю опьянение.

Алекс сидит рядом и тоже маленькими глоточками потягивает из стакана. Его взгляд направлен на жену.

В груди сдавливает от ревности. Как же я хочу вот так же открыто с желанием смотреть на Сельванну.

— Как вы познакомились? — решаю прервать молчание.

Надо же с чего-то начинать.

— Я подкатил к ней в клубе, а она мне за это по шее наваляла.

Вот это знакомство! Значит, не одному мне прилетало.

— Она раньше агрессивная была, как дикая кошка.

— По-моему в ней и сейчас это есть, — тру щеку, по которой она мне отвесила пощёчину.

— Сейчас она просто домашняя кошечка, проявляющая хищный характер, — усмехается Алекс. — Поначалу мы с ней не ладили. Если встречались, то искры летели в разные стороны. Она меня просто ненавидела. Считала озабоченным.

Хм... Очень знакомо...

— И как получилось так, что вы стали встречаться? — становится интересно.

— Задавил своей заботой.

Я вскидываю бровь.

Странно, мне казалось, что он подкаблучник.

— Ей трудно управлять, она стала самостоятельной довольно рано и жизнь её по головке не гладила, местами сломала. Но любовь и забота способна залечить многие раны, — смотрит на меня серьёзно. — Только это долгий процесс. Я четыре года ждал своего момента.

— Ого! — вырывается.

— Вот тебе и "ого"!

— Ты действительно так сильно любишь Сэл? — волнующий меня вопрос.

— Больше жизни... Я готов был умереть за неё, — болтает в стакане лёд.

— А если бы она тебе изменила? — спрашиваю в лоб.

— Я бы в это не поверил...

— А вдруг? Всякое бывает. Все мы живые люди...

— Значит, простил бы. А его бы прибил к чертовой матери! Я поклялся, что никогда не отпущу её от себя.

— Это эгоистично. Она может полюбить другого, — цежу сквозь зубы, раздражаясь.

— Да, я эгоист. И всегда им был. Иначе ничего бы в этой жизни не добился. Стал бы добиваться её снова. Однажды она забыла меня, но я смог влюбить в себя второй раз. Сделал бы это и третий.

— Забыла? Как это?

— У Сэл была амнезия, после несчастного случая на съёмочной площадке. Последние десять лет улетучились из её памяти, — слегка присвистнул. — Я остался в воспоминаниях только как похотливый придурок, мечтающий затащить в постель.

Как я мечтаю стереть нахрен память, чтобы никогда не вспоминать её. Но так, чтобы раз и навсегда.

Алекс опять внимательно наблюдает за девочками.

— Сэл изменилась за последние пару месяцев. Стала дёрганой, скрытной. Вздрагивает от каждого звонка или сообщения. Я расспросил начальника её охраны, но он сказал, что ничего не знает. Правда, мне показалось, он что-то скрывает. Но не скажет, я ему не босс.

Это я запугал её. Не думал, что моя напористость так отражается на ней.

— А за этот месяц у неё настроение как качели, — продолжает он. — Разгон от смеха до истерики две секунды. Позавчера загналась из-за набранного килограмма. Её вес не меняется уже двадцать лет, может похудеть, но больше пятидесяти пяти никогда не была. А тут пятьдесят шесть! У неё паника. Сказал, естественно, что ей это к лицу, но она решила, что становится жирной коровой и ушла в спортзал. Только не в весе дело...

— А в чём?

— Не знаю... Она сама изменилась... Что-то в ней появилось такое, что заставляет светиться изнутри, — подбирает слова.

Не один я это заметил.

— Секретничаете, мальчики? — садится рядом с мужем Сэл.

Обхватывает его руками за пояс.

"Нет! Ко мне так же прижмись! Я хочу чувствовать тебя рядом!" — кричит мой мозг.

Но вместо желаемого я получаю объятья Лимы.

— Тому стало интересно, как мы познакомились, — отвечает Гроу.

У Сэл глаза блестят недобрим блеском. Но потом она радостно улыбается. Алекс прав про качели настроения.

Если бы не знал, что она не может иметь детей, то подумал бы про беременность. Мама была такой.

Она выводит пальчиком на обнажённой груди мужа сердечки. Он что-то шепчет ей на ухо, из-за чего она звонко смеётся.

Ненавижу! И в первую очередь себя. За эту разрушающую душу любовь.

Но у меня ещё есть один козырь в рукаве, и я им воспользуюсь.

Рано утром, после бессонной ночи, поднимаюсь на нижнюю палубу.

К вечеру началась небольшая качка и Лиму укачало. Она уснула только под утро, а я не спал вовсе.

Свежий ветер с океана освежает и заставляет успокоиться.

Но недолго я радуюсь.

У бортика спуска стоит Сельванна и так же подставляет лицо прохладному ветерку. На ней легкий в пол бледно-розовый сарафан. Длинные волосы вместе с ним развеваются от порывов ветра.

Я залипаю на это зрелище. Как под гипнозом подхожу к ней, отвожу волосы в сторону и прикасаюсь губами к бьющейся на шее венке.

Она вздрагивает и вцепляется в поручень руками.

— Алекс... — выдыхает имя.

Какой нахрен Алекс?!

Со злостью разворачиваю её к себе.

— Том? — с испугом. — Что ты делаешь? Крыша поехала? Если муж нас увидит, он тебя утопит, — шипит на меня.

— Насрать! Я хочу тебя! — притягиваю к себе и пытаюсь поцеловать.

— Не надо, Том! — умоляет и царапает мои руки.

— Не могу! Я с ума схожу, Сэл! — утыкаюсь в её лоб своим. — Я люблю тебя! Хочу быть с тобой. Только с тобой! Снова чувствовать себя внутри тебя...

Она вырывается и пятится назад. В глазах ужас.

— Ты снова бредишь?! Какое нахрен — внутри меня?! У нас ничего не было!

— Было!

— Это ложь! Я не помню такого! — продолжает пятиться назад, спускаясь вниз.

Она как жертва, которую хищник загнал в ловушку. И этот зверь — я. Безжалостный и нетерпеливый, желающий заполучить добычу, загоняющий её в угол.

— Ночь Хэллоуина... — напоминаю ей, приближаясь.

— Нет! — крутит головой. — Это был не ты, а Алекс!

— Это был я... Я купил такой же костюм, как у твоего мужа и переоделся. Пока он был занят важными гостями, я пришёл к тебе. Хотел просто узнать — как самочувствие. Но ты сама хотела этого.

Не вся правда, конечно. Была надежда, что она меня за мужа примет.

— Не с тобой! — растерянно, со слезами на глазах.

— Я помог расстегнуть и снять платье, а потом мы занялись любовью прямо в ванной на тумбе у зеркала, — продолжаю рассказ.

— Заткнись! — кричит, закрыв руками уши. — Ты ублюдок! Воспользовался моей слабостью. Знал, что я дурнею от вида крови. Сам постоянно мне помогал, когда меня накрывало. А потом подло использовал.

— Не произойди тогда, случилось бы позже. Это всего лишь дело времени, Сэл! Ты тянешься ко мне. Это неоспоримо. Так же любишь меня, как и я тебя. Ты сама призналась!

— Нет! — громко и делает несколько шагов назад.

Её нога вдруг соскальзывает вниз, и она валится за борт, ударившись головой о край бортика.

Подбегаю и вглядываюсь в воду.

Сэл нет.

— Фак! — ругаюсь, снимаю обувь и прыгаю в воду.

Глоток воздуха и погружение. Кручусь в воде по сторонам, но её нигде не видно.

Не могла же она так быстро утонуть.

Чёрт, чёрт, чёрт! — стучит в мозгу.

Какого хрена тебе сейчас приспичило с ней откровенничать? Не мог потерпеть до лучших времён?

Она права, ты озабоченный идиот. Только о себе думаешь! О своих желаниях. А о ней ты подумал?

Ещё один вдох и снова в глубину...

Где ты?

Немой вопрос без ответа.

Я мечусь в воде и не могу её найти.

Лёгкие жжёт от нехватки кислорода.

Всплываю снова набрать воздуха. На краю борта Алекс и капитан.

— Что случилось? — кричит Гроу.

— Сэл упала за борт! — в ответ.

Он, ни секунды не раздумывая, прыгает в воду. Следом за ним ещё пара человек из команды.

Я снова ныряю, вижу всех, но не её.

После очередного глотка воздуха замечаю розовый кусок ткани за камнем на дне.

Опускаюсь поглубже и подплываю.

Сэл!

Она не дышит. Выдыхаю в неё оставшийся в лёгких воздух. Тяну наверх из последних сил.

Жадный вдох и за собой к яхте.

— Держись, девочка! — прижимаюсь губами к разбитому виску.

На площадке стоят остатки команды, капитан и Лима. На ней нет лица от ужаса.

Они помогают мне вытянуть Сэл на борт. Следом за мной из воды выскакивает Алекс.

— Синяя... Твою мать! — матерится по-русски, затыкает ей нос и выдыхает воздух в рот.

Я нажимаю на сердце, а он делает выдохи.

Через нескольких минут нашей битвы, у Сэл в груди заклокотало, и горлом пошла вода.

Она дышит.

Я переворачиваю её на бок, что снова не захлебнулась.

Жива!

От души отлегло...

Обессилено сажусь на пол.

Ни за что бы ни простил себе, если бы она утонула.

Алекс поддерживает жену за плечи, пока она отхаркивает воду, забившую лёгкие. Синесерый цвет лица сменяется на розовый.

Минут через двадцать в небе слышится рёв двигателя. К яхте приближается вертолёт службы спасения.

Алекс улетает с Сэл в больницу. А мы поворачиваем машину к Лос-Анджелесу и уже через час на берегу.

— Ты едешь в клинику? — спрашиваю Лиму, торопливо направляясь на парковку.

— Да, конечно...

В госпитале на четвёртом этаже встречаем в коридоре Алекса.

— Как она? — взволнованно.

— Нормально, — успокаивает Гроу. — Небольшое сотрясение, наложили швы на рассечение, постарались сделать красиво, звезда всё-таки. Через пару дней отпустят домой.

— А с памятью как? — задаёт волнующий и меня вопрос Лима.

— Хорошо с памятью. Не помнит только то, что случилось перед падением в воду, остальное не выпало.

— Совсем не помнит? — напрягаюсь.

— Совсем... Это норма. Так почти всегда при сотрясении.

Внутри я расслабляюсь.

Даже хорошо, что она забыла этот разговор.

— К ней можно? — спрашивает Лима.

— Там врач, осмотр какой-то, попросил подождать за дверью.

Он выходит минут через десять и сразу к нам.

— Кто муж? — смотрит на нас по очереди.

Похоже, волнение за Сэл написано на лбу у обоих.

— Я... — робко отвечает Гроу. — Что-то не так у Сельванны?

— Нет, всё хорошо, — улыбается добродушно доктор. — Хочу вас поздравить, вы станете папой.

Алекс роняет от удивления челюсть, его качает, я подхватываю под локоть. Хотя и сам в не меньшем шоке.

Я не ошибся.

— Вы уверены?.. До вас все врачи говорили, что это невозможно, — сдавленно, с хрипом, говорит Алекс.

— Уверен. Я видел карту вашей жены, поэтому попросил сделать анализ дважды. Беременность три-четыре недели. Точнее покажет УЗИ. Сделаем его через часик, когда она немного придёт в себя, — продолжает улыбаться доктор.

Он кайфует от того, что принес такую сногшибательную новость.

Алекс хватается за голову, мечется из стороны в сторону, а потом плачет.

От счастья...

А мне рвёт душу от боли.

В сердце будто воткнулись тысячи осколков стекла.

Я потерял её... Навсегда...

Она не бросит отца своего ребёнка ради меня.

— Поздравляю, братишка, — слышу сквозь шум в голове голос Лимы, которая обнимает Гроу. — Иди к ней, — подталкивает его к двери.

Я вижу сквозь окно, как они радостно обхватывают друг друга и плачут вместе. Целуются. Что-то обсуждают и снова обнимаются.

Всё это словно ножом режет мою душу на ремни.

В груди сжимает, печёт. Болит, будто сердце вырвали.

Я не могу больше на это смотреть, выбегаю из больницы, в машину и, утопив педаль газа до упора, вылетаю с парковки.

Очухиваюсь только на пляже. На том самом месте, где она обнимала меня.

Меня... Не его...

— Ааа! — кричу, что есть мочи, сгребая руками песок.

Из глаз льются слёзы. Горячие, обжигающие кожу.

Почему то, что для одних радость и счастье — для других горе и боль?

Где эта грань?

Как теперь жить?..

Мужское общежитие не самое приятное место для посещения. Десятки пристальных взглядов похотливых подростков, посвистывание в спину и неприличные шуточки.

Тома нет в его комнате, сосед сказал, что он в общественном душе. Брезгливо веду носом, представляя себе это место.

Ненавижу такие душевые и бани. Даже в бассейнах отеля никогда не плаваю.

Итан, так зовут друга Гарнера, быстро исчезает, оставив меня одну в комнате, на прощание, одарив какой-то скабрёзной улыбкой.

Почему у них в этом возрасте в голове одна извилина, которая заточена только на мысли о сексе?

Сажусь на кресло у рабочего стола и разглядываю книги и тетради, лежащие на нём. Все по юриспруденции. Похоже, это стол Тома. Открываю его ноутбук. Брови ползут вверх от удивления.

На заставке — моя фотография. Захлопываю, чтобы не накручивать себя. Волнения противопоказаны.

Беру книгу, которая на столе лежит вниз обложкой. Стихи Блока. Мило... Про любовь читает.

Пролистываю страницы.

Опять куча пометок на полях.

На колени падает снимок. На нём мы в костюмах на Хэллоуин. Я помню этот момент, мы фотографировались в четвёртом, но он вырезал Алекса и Лиму, остались только мы вдвоём.

Из коридора доносится смех, дверь открывается и входит широко улыбающийся Том в одном полотенце на бёдрах. Смотрит в зеркало на стене, взъерошивает волосы и только сейчас в отражении замечает меня, сидящую в кресле.

— Сэл? — сильно удивляется.

— Добрый день! — окидываю его взглядом.

Его фигура — завораживающее зрелище. Каждая мышца на теле словно вырезана из камня. Крепкий и рельефный.

Внутри поднимается волнение. Но я гашу его.

— Чем обязан? — приближается ко мне, увидев в моих руках наш снимок.

Злобно выдергивает его из моей руки и запикивает обратно в книгу.

— Пришла поблагодарить тебя за моё спасение, — взглянув на него, быстро отвожу смущённо глаза.

Между нами расстояние всего от силы полметра, а на нём только кусок махровой ткани. Это жутко волнует. И пугает...

— Могла просто позвонить. Теперь понимаю, почему в общаге такой шухер. Зачем провоцировать слухи?

— Я их не боюсь. Мой муж в курсе, где я.

— Даже так, — приподнимает бровь и поправляет полотенце.

— Поблагодарила бы дома, но вы с Лимой расстались и теперь тебя можно поймать только здесь. Она, кстати, очень переживает.

— Сочувствую, но обманывать больше не стану. Я её не люблю! — произносит жёстко.

— Похвально, — ковыряю пальцем полировку стола.

Он молча пристально смотрит на меня, не отрывая глаз. Дышит глубоко и тяжело.

— Может, оденешься? — не выдерживаю звенящей тишины.

— Может, и оденусь, а может, и нет. Это моя комната, что хочу, то и делаю, — отвечает грубо.

— Пожалуйста... — делаю умоляющие глазки.

Он достаёт из шкафа футболку и треники. Хочет снять полотенце, но замечает, что я смотрю на него. Делает знак рукой, чтобы отвернулась.

— Да, конечно... — вспыхиваю от стыда и упираюсь взглядом в стену.

Не помогло.

Краем глаза ловлю его отражение в зеркале и вижу всё.

Дыхание перехватывает на мгновение.

Да, брось! Всего лишь голый парень.

Том сбрасывает полотенце, обнажив крепкие ягодички и натягивает штаны, потом футболку.

— Готово.

Я знаю.

Всё ещё таращусь на него в зеркало. Он прослеживает за моим взглядом. Усмехается и обвиняющие качает головой.

— Подглядывать нехорошо, — ругает меня.

— Извини... Я случайно, — прикусываю губу.

— Случайности не случайны, — цитирует известное выражение.

— Да-да, Чжуан-Цзы сказал.

— А Фрейд говорил, что все случайности имеют первопричину...

— Мы будем философию обсуждать? — с укором.

— А нам есть ещё что? Судьба расставила все точки. Ты станешь мамой и подарить Алексу ребёнка, я останусь один. Кстати, поздравляю! — сжимает челюсти.

— Спасибо!

— Знаю, что вы долго этого ждали.

— Да, почти одиннадцать лет. Теперь я верю в то, что Ночь всех святых — это волшебный праздник.

— Почему? — вдруг резко начинает волноваться.

— По всем подсчётам именно тогда и произошло зачатие.

Том возбужденно проводит рукой по волосам.

— Ты уверена? — блестят его глаза.

— Да. Ладно, не буду мешать тебе заниматься, — поднимаю сумку с кресла. — Не знаю, увидимся ли мы ещё когда-нибудь, но я желаю тебе удачи, — собираюсь уйти.

— Сэл, подожди! — останавливает меня. — Можешь мне честно ответить на один вопрос?

— Конечно, — жму плечами.

— Ты спала с моим отцом? — убивает своими словами.

— Нет! Не спала! — просил же честно.

— Я сам видел, как он выходил от тебя утром! — взвинчивается.

— И этот человек обвиняет меня в подглядывании?! Что ты видел? Ты свечку в спальне держал? — он сосредоточенно хмурится. — Твой отец пришёл ко мне поздно вечером

пьяный. В хлам... Не выгонять же его такого. Я пустила... У него была с собой бутылка. Выпил ещё немного и отрубился на диване. Том, он на ногах-то не держался, а ты про... это. Дэн физически бы не смог. Я спала одна в своей комнате. Утром напоила кофе и выпроводила домой. Всё! Книгоед нет

— Почему он не признался маме?

— Я попросила.

— Зачем? — не понимает.

— Твоя мать всегда ко мне ревновала. Потому что отец признался ей однажды, что у него были какие-то чувства ко мне. Но между нами кроме пары поцелуев никогда ничего не было. И то это было давно, ты тогда ещё маленький был. Гвен бы ему не поверила...

— Она и не верит!

— Я не виновата в их разводе. Их брак разрушило недоверие. Предупреждала твоего отца, что его откровенность ничем хорошим не закончится. Врать, как выяснилось, он не умеет. Странно, ведь он неплохой актёр...

Том выглядит измученным. Видимо все его представления и домыслы разбились о реальность. Они были глупыми и напрасными. В глазах читается опустошённость.

— Прости, если разочаровала тебя... — берусь за ручку двери и открываю.

Гарнер молниеносно оказывается рядом и рукой захлопывает её, перегораживая мне путь.

— Что ты творишь? — дёргаюсь открыть дверь снова.

Он просовывает руку за спину и раздаётся звук закрывающегося замка.

— Том, выпусти меня!

— Нет! Ты останешься здесь! Со мной! — обхватывает моё лицо руками.

Он пугает. В глазах животный блеск.

Впивается губами в мои губы, сильно прижимая к себе. Просто вдавливая в себя.

Мои слабые попытки отстраниться рассыпаются в пыль.

Том подхватывает меня на руки, доносит до кровати и опускает на неё. Сам рядом, прижимая к себе.

Бежать надо отсюда и подальше! Но почему-то не сопротивляюсь. Меня парализовало.

— Я люблю тебя! — шепчет, не переставая.

Том скидывает футболку, садится на ноги, обхватив своими мои бёдра и ведёт рукой по моему животу к груди.

Это заставляет меня очнуться.

Там ребёнок. И я не могу его потерять.

— Том, нет! — перехватываю его руку.

— Что не так? — хрипло растягивает слова.

— Я не могу! — отстраняюсь от очередного поцелуя.

Он смотрит растерянно.

— Что я опять не так делаю?

— Всё не так, — зажмуриваюсь. — Мне нельзя...

— Нельзя?

— Да, врачи запретили интим. Я могу потерять ребёнка.

Он испуганно глядит на мой живот, слезает с ног.

— Прости! — закрывает лицо рукой. — Я... я не подумал...

Я поправляю одежду.

— Меня через пару дней кладут в клинику, где я пробуду почти всю беременность. На этом настаивают врачи. Не хотят рисковать...

— Да, конечно... Ты так хотела этого ребёнка...

— И сейчас хочу. У нас ничего не получится, Том... — рублю правду. — От тебя странные вибрации в теле, но люблю я Алекса...

Открываю замок на двери и ухожу, не взглянув на него. Бегу из этого места, как из преисподней.

Следующие шесть с половиной месяцев я провожу в закрытой частной клинике под Лос-Анджелесом.

Красивое место. Много деревьев и цветов, всё аккуратненько. Живу в отдельном небольшом домике под постоянным присмотром сиделки.

Несколько раз меня отсюда выпускали по договору с мужем, который скучает по мне на "воле". Или если нужно было посетить важные мероприятия.

Посторонним вход воспрещён. Пропуск даётся только строго оговорённым с администрацией людям. Так что навещают меня муж, Лима, Мишка с семьёй и моя секретарша. Всё остальное общение по видеосвязи.

Но даже это не защищает. Волнения наоборот чаще.

Не один раз была угроза выкидыша.

На пятом месяце Алекс перебрался жить ко мне. Старался уделять много времени только нам, но работу не отменить. Он взял на себя обязанности генерального директора компании.

Как со всем справляется — ума не приложу. Но мне всё же мне стало спокойнее.

У нас будет девочка. И имя мы уже выбрали, особенное, со значением.

В нашем доме вовсю идёт ремонт, готовят комнату для будущей хозяйки.

Только я для оформления выбрала не как многие розовый цвет, а бежевый и белый. Спокойные тона.

Несмотря на тепличные условия, тщательный контроль всего и защиту, на восьмом месяце у меня начались роды.

Их я не помню толком. Помню боль, уснула и проснулась в реанимации.

Алекс

— Вам нужно подписать документы, — двигает ко мне доктор.

— Что это? — беру и бегло пробегаюсь по содержимому.

— Разрешение на переливание крови вашей дочери.

— Это ещё зачем? — приподнимаю на него глаза.

— Обычная процедура у недоношенных детей, находящихся на искусственной вентиляции лёгких. У вашей дочери анемия. Гемоглобин низкий, следовательно, кислорода поступает мало.

— Ясно, — вчитываюсь уже скрупулёзно. — Стоп! Здесь ошибка, — отдаю ему бумаги и показываю на графу в анализах.

Он внимательно читает.

— Не может быть ошибки. Это один из простейших анализов, — смотрит на меня серьёзно.

А потом... Растерянно.

— Мы можем сделать тест ДНК...

Меня будто в кипяток макнули, так резко подскочил пульс. И у самого кислород перекрыли.

— Да... — собираюсь. — Только через пару дней... — ставлю подпись и на воздух.

Рвёт внутри всего на части от непонимания происходящего. Мечусь как лев в клетке.

Удар кулаком в стену. Боли не чувствую.

Как так? Как я мог не заметить?

Прихожу в себя и иду в палату к жене.

Счастливая, улыбается.

А мне хочется впервые в жизни ударить её по лицу. И не игриво. По-настоящему. Чтоб звонко и за дело.

Но я себе никогда этого не позволю.

Сажусь в кресло в углу и бесстрастно смотрю на неё пристально, сидящую в кровати.

Сначала улыбается, а потом, поняв, что что-то не так, начинает волноваться.

— Алекс? У нашей дочери всё в порядке? — с тревогой.

Нашей?

Нашей, конечно...

— Да. Говорят, ей нужно переливание крови, так как гемоглобин низкий, — спокойно, чтоб не догадалась про мою бурю в душе.

За эти годы я тоже рядом с ней стал неплохим актёром.

— Ты меня любишь? — хочу увидеть её глаза, когда она будет мне лгать.

— Люблю...

И я вдруг верю. Не знаю почему, но верю.

А что если я ошибаюсь?

Нет.

Она может юлить в мелочах, но не чувствах.

Она бы не стала. Не такая. Послала бы сразу нахер и выставила с чемоданами за дверь.

Тогда надо выяснить — как.

— Мне нужно уехать по важным делам, — иду к двери. — Варго, — звоню начальнику охраны компании, когда выхожу. — Через час жду тебя у себя в кабинете.

Сельванна.

Дочка родилась с весом около двух с половиной килограмм. Слабенькая, но довольно быстро пошла на поправку и догнала в развитии своих сверстников.

Станным было одно — после её рождения Алекс на несколько дней замкнулся в себе, однажды пропал почти на день, потом явился с разбитыми костяшками рук. Счастливый, с цветами и кучей подарков. Сказал, что очень нас любит и всегда будет рядом. Я спросила, откуда раны, он сказал, что сцепились с каким-то неадекватом. Подробностей требовать не стала, таких полно.

Он почти не спускает дочку с рук, за что я его часто ругаю.

Она довольно быстро поняла свою значимость и за невнимание наказывает криком.

Из дома мы выходим только с охраной. Папарацци всё время пытаются подловить и снять нас на прогулке.

Волна преследований сходит на нет только, когда малышке исполняется четыре месяца.

На одной из таких прогулок я чувствую холодок по спине и лёгкое покалывание между лопаток.

За мной кто-то внимательно наблюдает.

Оглядевшись по сторонам, замечаю мужчину, прикрывающего лицо кепкой, сидящего на скамейке.

Ты меня не проведёшь!

Направляюсь вместе с коляской к нему.

— Кто-то говорил, что подглядывать не хорошо! — говорю громко, узнав его.

— Я любовался, — улыбается и разворачивает кепку козырьком назад.

— Привет, Том!

— Привет! — приподнимается к нам.

Тут же охрана оттесняет его назад.

— Эй, вы чего? — кричу на них.

— У нас приказ не подпускать его к вам, — отвечает один из громил.

— Чей приказ?

— Мистера Гроу.

— Я его отменяю. А если не подчинитесь, то будете уволены, — сжимаю руки в кулаки.

— Наш прямой начальник — ваш муж... Мы не подчиняемся вам.

— Сэл, не надо, — подаёт голос Том.

— Вы все уволены! Поверьте мне, муж меня поддержит. Или отойдите, — предлагаю им компромисс.

Охрана нехотя отходит в сторону.

— Ты действительно страшный человек, — удивлённо усмехается Гарнер, косясь в сторону бугаев.

— Я столько лет управляю людьми, могу подавить, наверное, любого. Не думала, что Алекс так обозлится на тебя из-за Лимы. Составишь нам компанию?

— С удовольствием!

Пока мы идём, я внимательно рассматриваю Тома.

Он похудел, кожа бледная, будто провёл несколько месяцев взаперти.

— Ты выглядишь не очень, — высказываю ему.

— Да... — хмыкает. — Я две недели как выписался из больницы. Два месяца провалялся после операции.

— Что случилось? — не на шутку взволнованно.

— Разрыв сердечной мышцы. Вытащили с того света. Девяносто девять и девять процентов людей с таким диагнозом умирают.

— Как это произошло? — останавливаюсь.

— Стресс, чрезмерные физические нагрузки и врождённая патология — одна стенка немного тоньше. Всего пара миллиметров, но это чуть не убило меня. Отключился посреди тренировки.

— Ужас...

— Уже всё хорошо. Но со спортом придётся завязать. Ничего — уйду с головой в учёбу, — грустно улыбается.

— Везде есть свои плюсы. Как врачи могли пропустить такое, вас же должны тщательно обследовать?

— Ты в это реально веришь? Я не в команде национальной сборной. К нам были не такие строгие требования, — шоркает ногами.

В коляске загукала дочка.

— Кто-то проснулся, — притормаживаю и заглядываю внутрь.

Том приседает рядом, ласково улыбается, глядя на малышку, и игриво цокает языком.

Она смеётся.

— Офигеть! Первому встречному уже глазки строит! А нам только крики, — возмущаюсь.

— Просто девчонки меня любят. Да, Доротея? — подмигивает дочке. — Можно? —

смотрит снизу, прося разрешения взять её на руки.

— Конечно, — разрешаю. — Не в курсе, что ты знаешь её имя. Мы нигде его не афишировали.

Том берёт Тею из коляски на руки.

— Мне отец сказал, — не отводит от неё глаз.

Протягивает ей палец, и девочка крепко хватается за него, при этом довольно улыбаясь.

— Не хочешь к нам второй няней? Смотрю, у тебя с ней отличный коннект.

— Боюсь, твой муж не будет рад моему присутствию рядом, — покачивает малышку на руках, чем приводит её в восторг.

— Не понимаю, почему он так на тебя сорвался...

— Не парься! Я ему никогда не нравился, — строит рожицу Тее.

— Он что-то узнал о нас? — задаю вопрос напрямую.

Его он смущает.

— Не от меня...

Тея шлёпает его по лицу ладошкой.

— Вот проказница! Вся в мать! — шутливо смотрит на меня. — И хвостики уже носит?!

— Гены, — жму плечами.

— Значит, будет такая же супер красотка, — окидывает меня взглядом, от которого мурашки бегут по коже.

— Не преувеличивай!

— Это правда! Скажи, Тея! — обращается к девочке.

Но она только что-то курлыкает на своём, озираясь по сторонам.

Мы ещё немного гуляем, а потом Том возвращает малышку обратно в коляску.

— Мне, пожалуй, лучше будет уйти. Думаю, они уже обо всём доложили Алексу, — кивает в сторону охраны. — Был рад повидаться. И с тобой, красавица! — треплет Тею за ножку.

— Я тоже...

— Обниматься, целоваться не будем, — смеётся.

— Нет!

Он уезжает.

А я весь день хожу под впечатлением от этой встречи. Тёплая и неожиданная.

Укачиваю дочь ко сну, когда в детскую врывается Алекс.

— Ты что вытворяешь?! — кричит на меня шёпотом.

Я кладу Тею в кроватку и выталкиваю его за дверь.

— Ты о чём?

— Я о Гарнере. Я приказал его не подпускать к вам, а ты устраиваешь... — грозит пальцем.

— Почему ему нельзя подходить к нам? — давлю на мужа. — Из-за Лимы? Стоит ли так загоняться, если она себе уже другого парня нашла?

— Лима здесь ни при чём!

— Тогда что?

Алекс до побеления сжимает от злости губы. Рычит, разворачивается и уходит, оставив без ответа.

Не нравится мне это. Он знает что-то, чего не знаю я.

Время летит быстро. Опомниться не успели, как нашей девочке исполнилось полтора года. Активный живой ребёнок, который уже пытается говорить на двух языках.

В семье случилось маленькое чудо — родители Алекса ради внучки пошли на примирение и даже прилетали к нам гости. Свекровь и сейчас гостит у нас.

Но на это есть ещё одна причина — помолвка Лимы. Парень, с которым она встречается, сделал ей предложение. И сейчас у нас обсуждение торжества по этому поводу.

— Мам, ну зачем всё это? — надувает губы Лима. — Устроим тихий семейный праздник. Мы же не свадьбу отмечаем!

— Климентина! Замуж один раз выходят, — журит её Татьяна Сергеевна.

Я едва кофе не подавилась, за что окинута строгим взглядом свекрови.

— Не называй меня так! Дурацкое имя! — вспыхивает девушка от возмущения.

— Зато редкое, — говорит с достоинством мать.

— Фу! От него нафталином пахнет.

И так уже несколько дней. Они никак не придут к общему мнению.

— Я, наверное, пойду, поработаю... — встаю из кресла и собираюсь повернуть в сторону кабинета.

Только не дохожу. В открытые окна из сада слышится истошный женский крик.

— Что случилось? — подсказывает Татьяна Сергеевна.

— Не знаю, — взволнованно.

Мы выбегаем из дома.

За бассейном на дорожке няня, склонившаяся над Теей.

— Что произошло? — подбегаю к дочери.

Мой ребёнок хрипит. Лицо синее.

Лима уже набирает 911.

— Она бегала... Потом споткнулась и упала... Сильно заплакала и вдруг стала синеть, — всхлипывает няня.

— Скорая уже выехала, — докладывает Лима.

— Пусть откроют ворота, — кричу охраннику, который прибежал на шум.

Тея перестаёт издавать звуки и замирает. Я хлопаю её по щёчкам, но она не приходит в себя. Пульс очень слабый.

Парамедики приезжают очень быстро. Один из врачей подхватывает Тею на руки и бегом к машине скорой.

Я еду с ними.

Они делают ей надрез в области сердца и вставляют трубку, через неё идёт кровь.

— Это что? Разрыв лёгких? — испуганно спрашиваю у медиков.

— Нет, сердца! — отвечает мужчина, вкалывая моей дочери что-то. — Связывайся с больницей, пусть срочно готовят операционную, — передаёт другому медику.

О, Боже! Я не переживу, если с ней что-то случится!

Становится сложно дышать, из меня будто выкачали воздух. Я отчаянно пытаюсь сохранить сознание.

Ещё мне не хватало тут в обморок грохнуться. Перед глазами мутная пелена и в ушах шумит.

В госпитале мою дочь сразу же окружает бригада врачей, и увозят в операционную.

— Вам нужно заполнить документы, — подходит ко мне медсестра.

Я смотрю на нее, как на сумасшедшую. У меня дочь умирает, а она со своими бумажками!

— Можно позже? — стараюсь спросить спокойно.

— Хорошо... — понимает мои чувства и удаляется.

В кармане вибрирует телефон.

— Да?

— Где вы? — тревожно интересуется Алекс.

— Больница Святой Марии...

— Я скоро буду.

Он приезжает очень быстро.

— Ей делают операцию, — сразу выпаливаю, не дождавшись его вопроса. — У неё разрыв сердца.

Он прижимает меня к себе и гладит по плечам. Я плачу навзрыд. У меня истерика. Моя единственная долгожданная доченька на волоске от смерти. Если с ней что-то случится, я не переживу.

— Всё будет хорошо, Сэл, — успокаивает меня.

Но я слышу, как громко и часто бьётся его сердце. Он тоже в ужасе. У нас обоих страх потерять единственного ребёнка.

Следом приезжают Лима и Татьяна Сергеевна.

Кто-то из медперсонала проводит нас в комнату ожидания. В такой же я когда-то сходила с ума в Германии, во время Стаськиной операции.

Алекс остается заполнять документы. А я измеряю комнату шагами, пытаюсь себя успокоить и набраться сил.

Хреново получается! Неизвестность давит.

Время, как назло, тянется бесконечно долго.

Я уже в полубморочном состоянии схожу с ума.

Прошло часов шесть, когда к нам вышел хирург.

— Как она? — набрасываюсь на него.

— Состояние тяжёлое, — говорит честно. — У неё оказалась врождённая патология сердца, тонкая стенка правого желудочка. Она потеряла много крови. Нужно переливание. Но группа очень редкая — четвертая отрицательная.

Алекс вдруг резко сдавливает мне плечи, обнимая во время разговора.

— У нас нет такой в запасе...

— И что делать? — дико смотрю на него. — Найти никак? Я любые деньги заплачу!

— Возможно, среди вас или ваших родных есть такая? — взгляд доктора на Алекса.

Тот качает головой.

— У Тома такая группа крови, — говорит тихо Лима, отрывая руки от головы. — Он сам мне говорил, что она у него на вес золота.

— Нет! Мы найдём другого донора! У нас миллионы подписчиков в соцсетях, достаточно выложить пост, — процеживает злобно Алекс.

— Да, пошёл ты со своими постами! — отбираю у него телефон и кидаю на диван. — Если для спасения дочери мне придётся идти к самому дьяволу, то я сделаю это. Ключи! — протягиваю к нему руку.

Он колебался, но всё-таки вкладывает мне в ладонь брелок.

— Осторожнее!

Я уже просто лечу в сторону парковки. Пока еду до университета, нарушаю все возможные правила.

Теперь передо мной другая задача — найти на этой огромной территории одного человека.

Как назло сегодня никто не знает, где он, а телефон отключен.

Я мечусь из здания в здание в поисках его, но безрезультатно.

— Господи, ну где же он?! — молюсь.

Один из парней говорит, что видел в аудитории на лекции по гражданскому праву и показывает направление куда идти.

Я врываюсь в кабинет как фурия.

— Извините, — обращаюсь к ошарашенному преподавателю и забегаю по ступеням наверх, где сидит Том.

— Что ты делаешь? — удивляется он.

— Поехали со мной!

— Что? Зачем?

— Мне нужна твоя кровь!

По аудитории проходится шелест голосов.

— Кровь? Я не понимаю... Объясни для чего она...

— Тея! У неё разрыв сердца. Большая кровопотеря. Лима сказала у тебя такая же, четвертая отрицательная.

Том бледнеет и хлопает ресницами. Стрёмбает учебники в рюкзак.

— Пошли, — подхватывает меня за локоть и тащит за собой.

Мы бежим до машины, взявшись за руки, я боюсь от него отстать.

Он отбирает у меня ключи и сам садится за руль.

— Как это произошло? — смотрит испуганно, вдавливая педаль газа в пол.

— Она гуляла с няней, упала и поцарапала коленку. Расплакалась, а потом стала синеть.

— Фак! — стучит по рулю. — А операция?

— Сделали уже. Теперь нужна кровь. Она редкая...

— Я знаю! — выворачивает руль на повороте.

Я закрываю лицо руками и пытаюсь успокоиться, как вдруг...

— Нет! — громко, что у самой уши закладывает.

— Ты чего?

— Группа крови, разрыв сердца из-за патологии... Ты отец Теи! — осознание проходится по телу холодом. — Но этого не может быть!

— Может! Я тебе всё расскажу, но после, давай сначала я помогу дочери.

— Ты знал?

— Знал...

— Но откуда? — не понимаю.

— Твой муж просветил.

— Алекс? Он всё знает?

— Да! — кивает головой.

— О, Боже! — хватаюсь за лицо.

В больнице Тома быстро проводят в палату, где делают переливание крови.

А у меня крыша едет от правды, которую я узнала. И я хочу знать всю картину, так как для меня это шок.

Подхожу к мужу:

— И давно ты знаешь, что Тея не твоя дочь? — спрашиваю у Алекса.

— С её рождения... — отвечает без нервов.

— Но как?

— Сэл, я не дурак! Знаешь, сколько раз на меня пытались повесить чужих детей? — я пожимаю плечами. — Много! Таблицу наследования групп крови я знаю, как Отче наш. Не может у родителей с первой и второй группой крови быть ребёнок с четвёртой. Но я знаю, ты не виновата, — берёт меня за плечи.

— Откуда?

— А это пусть он тебе расскажет... — хмурится, глядя на меня.

Том неуверенно входит в комнату, опуская рукав. Рука замотана бинтом на локте. Нас оставляют одних, чтобы мы могли поговорить.

— Ты видел её?

Он отрицательно качает головой.

— Нет...

Я глубоко и судорожно втягиваю воздух.

Хочется ворваться в реанимацию и прижать свою кровиночку к сердцу, зацеловать пухленькие щёчки.

Слёзы сами собой текут по щекам.

Том подходит сзади и обнимает за плечи.

— Всё будет хорошо... — прижимается лбом к моему затылку.

Я поворачиваюсь к нему и бью со всей силы по лицу несколько раз.

Он прикладывает руку к красной отметине на щеке. Из края рта течёт струйка крови, которую он слизывает.

Больше меня это не волнует. Я излечилась.

— Заслужил... — сжимает челюсти.

— Я тебя слушаю!

Полтора года назад

Стук в дверь.

Я открываю.

На пороге стоит Алекс. Глаза налиты невероятной ненавистью, желваки играют, а вены на шее вздулись.

Он просто бьёт мне по лицу так, что я отлетаю в другой конец комнаты.

Гроу нависает надо мной, хватая за грудки и смотрит прямо.

Такой ярости я никогда не видел. Даже спину сковывает от страха. Но вида не подаю.

Сплёвываю на пол кровь, которая течёт из разбитых губ.

Он поднимает меня и снова удар.

Я не сопротивляюсь.

Знаю, за что получаю. Не из-за Лимы он сюда пришёл. У неё уже другой парень.

Ещё несколько ударов. Меня только разбирает смех.

— Смешно тебе, убудок? — рычит как зверь, приподнимая меня с пола.

Швыряет к кровати. Я сажусь на пол и приваливаюсь спиной к ней. Тяну простынь и вытираю с лица кровь.

Алекс достаёт из кармана какую-то бумажку и бросает в меня.

— Я жду объяснений!

Я в расфокусе с трудом читаю документ. Это результат теста ДНК. Имен нет, но я и так понимаю, что он имеет в виду.

Значит, Сельванна родила от меня дочь. Рано вроде...

— А что тут объяснять? Ты же сам видишь... Одно не понятно, как ты нашел мой биоматериал на анализ.

— Двести баксов, и уборщик вынес мне твою потную футболку из раздевалки, — скалится.

— Так вот куда она пропала, — усмехаюсь.

Поднимаюсь на колени и с трудом сажусь на кровать.

— Я жду! — гневно кричит. — Только не говори, что она сама!

Глубоко вздыхаю

— Не скажу...

Он подкатывает кресло и устраивается напротив меня.

— Когда?

— На Хэллоуин...

Он дёргается и опять хватается меня за грудки.

— Сука! У меня в доме, под носом.

— Не надо было оставлять её одну, — растягиваю кровавую ухмылку.

Он снова замахивается.

— Бей! Я не собираюсь отвечать.

— Как она могла это сделать с тобой? — окидывает меня брезгливо взглядом.

— А она и не со мной. С тобой...

— Что?

— Я надел такой же костюм, как у тебя, — цинично отвечаю, пожав плечами.

— Мразь! Ты заранее готовился. Не удивлюсь, если всю эту кровь в дом ты притащил!

— Неа, тут твоя сестрёнка постаралась. Я просто воспользовался моментом. Сэл не увидела разницы между нами и с удовольствием отдалась. Мне!

Опять удар. Под дых. Дыхание перехватывает.

— Ты изнасиловал мою жену! — орёт на меня.

— Это не доказать... — еле выдавливаю из себя.

— Вот ты уёбок! — ещё один удар.

— А ты не думал, что не один ты её любишь? — произношу после того, как отдышался.

— Так не любят! Любимую девушку добиваются.

— А я пробовал... Но она кроме тебя никого не видит.

— И не успокоился? Решил по подлому получить?

— Я не сразу понял, что она не видит разницы между нами. Было уже поздно... Я рассказал ей обо всём, перед тем, как она упала с яхты. Но она не помнит.

— И, слава Богу! Иначе я бы пришёл к тебе гораздо раньше, — цедит агрессивно слова.

— Как они? Девочка родилась раньше времени...

— Не твоё собачье дело! — с рыком. — Твоя роль в их жизни закончилась. Ты просто осеменитель. Это моя жена и моя дочь, — делает акцент на словах "моя". — Я тебе говорил, что ничто не заставит меня их оставить. Даже не пытайся! Раздавлю!

Я знаю, что он не шутит. Вижу по его глазам.

— Как ты узнал? — спрашиваю у него.

— Не один ты — ушлый гений! Не трудно было сопоставить некоторые детали. С твоим появлением в нашем доме она изменилась. Стала нервной, дёрганной, не спала по ночам. Да и начальник охраны под давлением признался, что выполнял кое-какие её задания. Понимаю, что боялась мне рассказать, как всегда хотела всё разрулить сама. Не пойму только одно — зачем помогала тебе решать проблемы?

— У неё спроси... — от меня он не узнает, что между нами было гораздо больше, чем просто секс.

— Приблизись к ним — пожалеешь! — предупреждает, прежде чем уйти, громко

хлопнув дверью.

Трудно это сделать, зная, что у тебя растёт дочь.

Кое-что узнал от отца. Он сказал, что девочка родилась маленькая и слабенькая, но с помощью врачей и бойцовского характера быстро пошла на поправку и уже через месяц их выписали из больницы. Ему я причину своего интереса не рассказал, иначе шокировал бы новостью — он стал дедом.

С целью забытья, вынести всё это, направил все силы на тренировки, о чём сильно пожалел.

Меня несколько месяцев мучили редкие боли со сдавливанием в области сердца. А тут на стадионе я почувствовал невыносимую жгучую боль в груди и потерял сознание.

Очнулся в больнице через несколько дней. Оказалось, мне сделали операцию, разорвалось сердце. Читал где-то, такое бывает от сильных чувств или страха, но не думал, что случится со мной.

Долго восстанавливался. Про футбол и бокс пришлось забыть.

Но пока лежал в госпитале, понял — хочу хотя бы разок увидеть дочь. Мог умереть и никогда на неё даже не взглянуть.

Поэтому наблюдал и ждал возможности поговорить с Сэл во время их прогулок с дочерью.

Мне повезло, и я даже смог подержать на руках Доротею. Имя красивое, действительно, Богом дарованная. И очень похожа на маму...

Но эта выходка мне вышла боком.

Уже вечером Алекс снова появился на пороге и без рукоприкладства доходчиво объяснил, что сделает, если я ещё раз появлюсь рядом с Сэл и дочерью.

Мне пришлось от них отказаться, пока сегодня она не появилась на пороге аудитории.

Как же это всё сложно!

Наши дни.

Сельванна.

— Я не буду судить Алекса, он оберегал свою семью, — подвожу итог словам Тома. — На его месте я бы поступила точно также.

— Я бы, наверное, тоже...

— Он принял чужого ребёнка, как своего. Любит дочку больше жизни и очень переживает за неё.

Том прислоняется к стене и медленно сползает на пол.

— Я... просто хочу хотя бы иногда видеть её не со стороны, — смотрит на меня с мольбой. — Не претендую на отцовство, иначе он увезёт Тею.

— Если всё обойдётся, я обещаю — решу эту проблему.

— Я буду молиться за её здоровье, — обещает Гарнер.

— Мы все будем... — хлюпаю носом.

Слёзы опять из глаз.

Том поднимается и обнимает меня. Большой и тёплый. И родной... Сейчас, как никогда родной...

— Она поправится. Я знаю. Я же смог... — тихо в мою макушку.

Я задираю голову и заглядываю ему в глаза. Грустные сейчас, но такие же живые карие, как у Теи. И улыбка, как у него.

В дочери гораздо больше от отца, чем от меня.

— Не уходи, пока всё не решится, — прошу его, прижимаясь к нему.
Он нежно поглаживает по голове.
— Не уйду.

Глава 65

— Дориан, помолчи! И сделай телевизор погромче, — затыкаю своего стилиста, который колдует над причёской.

Надувает обидчиво губы, но пультом добавляет звук.

На экране какой-то умного вида дяденька врач вещает о новом прорыве в области искусственного оплодотворения.

— Наша клиника берётся за самые сложные случаи — несовместимость пар. В течение многих лет мы проводили опыты над тестовыми группами и теперь с гордостью можем сказать — наш эксперимент удачен, все участвующие пары стали родителями прекрасных и здоровых детей.

— Прямо все? — лукаво спрашивает ведущий.

— Успех в девяноста семи процентах, — уверяет врач.

Девяносто семь... Это много.

— В чём ваш секрет? — вопрос ведущего.

— Мы изобрели специальную среду, в которой яйцеклетка более "охотно" готова принять в себя мужские сперматозоиды. Это если говорить упрощённо.

Ещё что-то объясняет.

— И напоследок — куда обращаться людям с такими же проблемами, как у ваших пациентов?

Доктор расхваливает свой суперсовременный центр. А я сижу с приготовленной камерой на телефоне в ожидании сфотографировать адрес.

Щелк! Готово.

По дороге домой набираю консультанта клиники, который в общих чертах рассказывает, что нужно для участия в программе и записывает на приём.

Дома прохожу, не замечая, мимо Тома и Теи, которые на ковре в гостиной собирают конструктор.

Доротея терпеть не может кукол, ей игрушки для мальчиков подавай.

— Сэл! — окликивает Том.

— А? — останавливаюсь и поворачиваюсь к ним.

Только сейчас замечаю. Под впечатлением не заметила этих двоих.

— Привет! У тебя всё в порядке? — хмурится подозрительно.

— Да! А что?

— Ты вся светишься, — радостно произносит дочка, делая круг руками.

Ещё бы! У нас с Алексом появился шанс стать родителями. Это окрыляет.

Тея подбегает, подхватываю её на руки, зацеловываю. Она громко смеётся.

— Папа дома? — шепчу на ушко.

— Папа наверху, ругался с Лимой, что она поссорилась с дядей Нэйтом и приехала жить к нам.

— Опять? — удивлённо вскидываю брови.

— Опять, — разочарованно вздыхает и разводит ручки. — А Нэйт хороший. Скажи же мама?

— Хороший, — целую румяную щёчку.

— И дядя Том хороший, — спрыгивает с рук, бежит к Гарнеру и виснет у него на шее. Он прижимает её к себе.

Обожает дочку, только она не знает, кто настоящий папа.

— Мне нужно с Алексом поговорить. Срочно! — ускоренным шагом на второй этаж.

Алекс в нашей комнате на балконе. Злой. Это видно по сведённым бровям. Том в доме, сбежавшая от мужа Лима. Вот он и на взводе.

— Привет, любимый! — обнимаю сзади за плечи.

Вздрагивает от неожиданности и облегчённо выдыхает.

— Ты меня испугала...

— Задумался?

— Есть немного...

— Я принесла тебе ещё пищу для размышлений. Идём, — тяну его за собой в комнату, усаживаю в удобное кресло и устраиваюсь рядом.

В телефоне показываю ролик с сайта клиники, который посоветовали мне при записи. Там в общих чертах показан принцип всего процесса.

— Что это? — не понимает Алекс. — Ты мне очередную рекламу ЭКО показываешь? Сэл, мы его уже столько раз пробовали, не получается, — раздражённо забирает телефон и убирает в стороны.

Пытается встать, но я давлю на плечи и заставляю сесть на место. Улыбаюсь, чтобы его успокоить.

— Да, это очередное ЭКО, но оно особенное, для таких пар, как мы.

— В смысле?

— Для тех, на кого забили, как родителей, потому что они несовместимы и не могут иметь детей.

— По отдельности можем. У нас чудесная дочь.

— Но не сто процентов наша, — обхватываю его лицо. — У нас есть шанс иметь своих.

Его взгляд теплеет, появляется интерес.

— Правда?

— Да. Завтра нас ждут в клинике в Сан-Франциско.

— Завтра? Я не могу завтра. У меня интервью на канале, — растерянно.

— К чёрту канал! Тебе они важны или наши дети?

— Дети...

— Миша всё устроит, интервью перенесут на другой день.

— Хорошо...

****

Мы в кабинете клиники.

Большой и светлый. На одной стене развешаны дипломы на имя Шона Лоуренса, на другой рамочки с фотографиями радостных родителей с детьми. Подхожу, рассматриваю каждую. Их с десятка три, на всех счастливые люди.

— Если у нас получится, то и мы сюда попадём, — поворачиваю голову к Алексу.

Он сидит в кресле и нервно дёргает ногой.

Всю ночь не спал, да и я тоже. Крутился с боку на бок.

— Если... — произносит после паузы.

— Алекс, не будь таким скептическим! Я верю, что у нас всё получится, — сажусь в кресло рядом и сжимаю его руку.

Входит доктор, тот самый, которого показывали по телевизору.

— Добрый день, мистер и миссис Гроу, — дружелюбно улыбается. — Рады вас видеть в нашей клинике.

— Мы тоже, — отвечаю за обоих.

Алекс всё ещё мрачнее тучи. А вчера вечером улыбался.

— Я изучил ваши карты, — смотрит Лоуренс в компьютер. — У вас же есть ребёнок, — смотрит на нас по очереди.

Алекс сжимает челюсти.

Он любит Тею, очень, как родную. Но когда напрямую намекают на тот факт, что он не её отец, то начинает кипятиться.

— Она от другого мужчины, — признаюсь честно.

— Понятно, — совершенно спокойно реагирует доктор. — С ним у вас вышло?

— Наверное, он какой-то особенный...

Гроу фыркает.

— Не удивлён. Так, скорее всего и бывает, — смотрит на него внимательно Лоуренс. — Вы семейного психолога посещали?

— Это ещё зачем? — наконец-то заговаривает Алекс. — Я дочь люблю. Мне просто её биологический отец не нравится. Он неплохой, но это мужская конкуренция, понимаете?

— Понимаю... Вижу, для себя вы ситуацию проработали. Но надо вместе. Психологические проблемы иногда мешают зачатию.

— Если вы возьмётесь за нас, то я к чёрту лысому пойду, — обречённо соглашается Алекс.

Сильнее сжимаю его пальцы.

— Мы берёмся за вашу пару. Вам нужно заполнить вот эти анкеты, — подаёт стопку бумаг. — И сдать анализы, — ещё два листочка. — Всё у нас в клинике, естественно. Медсестра, она ждёт за дверью, вам всё покажет. Хочу сказать, что не всегда получается с первого раза, но больше четырёх попыток у нас обычно не бывает, — улыбается доброжелательно. — Как будут готовы все результаты, мы вам позвоним.

Выходим, нас встречает улыбающаяся медсестра, приглашает пойти за ней.

Алекс читает список анализов.

— Спермограмма, — закатывает глаза.

— Хочешь, я тебе помогу? — хитренько играю бровями.

Он впервые за день улыбается. Но пошленько.

— Ты действительно хочешь пойти к психологу? — идём из одного кабинета в другой.

— Доктор, наверное, прав, — не смотрит на меня Алекс. — Нам нужно вместе проработать всё, что у нас накопилось.

— Может, стоит просто откровенно поговорить?

— Вот там и поговорим. Специалист не даст нам уйти от проблем.

— Они у нас есть?

— Они у всех есть, Сэл. Может быть, это и мешает нам. У нас с тобой непростое прошлое. Травмированное.

— Хорошо... Я попрошу найти самого лучшего.

— Я не сомневался, что ты так скажешь, — обнимает за плечи. — Что у нас следующее по списку?

— УЗИ.

— Отлично.

****

Шесть месяцев.

Дня икс мы ждали целых полгода.

Три процедуры ЭКО и врач с полной уверенностью заявляет, что всё прошло удачно.

Эмбрионы прижились и развиваются, как положено.

Но не у меня.

У меня есть риски выкидыша, поэтому найдена суррогатная мать. И детей сразу двое.

Близнецы. Мальчик и девочка. То не одного, а то сразу два.

Я видела, как глаза Алекса наполнились слезами, когда он услышал эту новость. Себя-то я не сдерживала, разревелась.

Об этом делимся на приёме у психолога. Он нас поздравляет. Говорит, что мы отлично выполняем все рекомендации и это наш последний сеанс.

Все рады.

— Доктор, извините, пожалуйста, но мне надо выйти, — накатывает вдруг тошнота.

Зажимаю рот и пулей в туалет.

Выворачивает.

Умываюсь холодной водой. Голова кружится, ноги ватные. Присаживаюсь на маленькую скамейку у стены.

Съела что-то?

Вроде как обычно...

Снова тошнит.

— Сэл, у тебя всё хорошо? — стучится Алекс.

— Нет, — открываю дверь и смотрю на него.

Вдруг он поплыл перед глазами, а потом провал.

Просыпаюсь в больничной палате.

Ммм... Голова немного кружится, и пить хочется ужасно. Поворачиваюсь к тумбочке, там ничего. Поднимаюсь на локтях, где-то должна быть кнопка вызова медсестры.

Из кресла в углу встаёт Алекс.

— Я пить хочу, — чуть слышно.

Он берёт со стола бутылку воды и наливает мне в стакан. Подносит.

Пока пью, внимательно за ним наблюдаю.

Взгляд у него какой-то...

Злится.

— Что случилось?

— Ты в обморок упала, — стиснув зубы.

— И что со мной? — отдаю ему пластиковый стакан, вижу, как он немного проминается под напором его пальцев. — Что не так-то?

— Ты снова была с Томом? — гневно раздуваются его ноздри.

— Что? Я на ненормальную похожа?! — возмущаюсь.

— Сэл, ты беременна.

— Чего? — распахиваю глаза в растерянности. — Я не была ни с кем кроме тебя. Честно.

— То есть... Это мы... Это у нас получилось?

— Выходит, что так... — жму плечами.

Мы как два идиота срываемся в смех сквозь слёзы, объятия и признания в любви.
Чудеса, да и только.

Финальный саунд: Пара нормальных — Гарри

С громким криком мимо пробегают близнецы, следом младший Иван. Руководит всеми шестилетняя Тея.

— Стоять, бандиты! — перехватывает детей Алекс, раскинув руки.

Все со смехом и визгом виснут на отце.

— Они испортили торт на кухне! — жалуясь мужу. — Что теперь вынесем гостям?

Алекс смеётся, подкидывая на руках Глорию.

Она из пары близнецов, мальчика назвали Лионом.

Иван рожден мной.

Всю беременность была или в эйфории от осознания, что у нас с Алексом будет сын, которого я рожу сама, или под действием препаратов, потому что угроза потерять ребёнка сохранялась на протяжении девяти месяцев.

Разница у них всего месяц. И с ними было очень сложно.

Но мы справились. Не без нянь, конечно. За ними нужно приглядывать с тройным вниманием.

Эти шкоды чуть что, сразу разбегаются в разные стороны с писком и весельем. Разные игрушки покупать нельзя, иначе драки, слёзы и жалобы друг на друга. Особенно достаётся Глории, так как она в их шайке единственная девочка. Тея не считается.

Доротея — ребёнок, с которого все сдувают пылинки. Любое сильное волнение ей противопоказано. Но со временем врачи обещают, что она перерастёт травму.

В этом году она идёт в школу.

— Не загоняйся ты из-за этого торта! Там всё так печально? — опускает дочку на пол.

— Они съели цветы...

— А я думаю, почему они такие чумазые, — приседает и стирает с губ Ивана крем.

Целует в щёчку.

— Алекс!

— Да? Я то, что сделаю? Поздно уже... — недовольно смотрит на меня.

Я фыркаю и иду на кухню решать проблему.

Когда с трудом мы с поваром восстанавливаем товарный вид торта, на пороге появляется Том.

— Отлично! Ты опаздываешь! — строго.

— Я предупреждал, что у меня с утра слушание в суде, — чмокает меня в щёку.

— Наши дети испортили торт!

— Когда мне было лет пять-шесть, я тоже уронил свой на пол, — посмеивается он. —

Вроде нормально, — оглядывает то, что мы уже исправили.

— Так это гены! Теперь понятно в кого Тея такая...

— Да, я был трудным ребёнком... Так что испорченный торт — это только цветочки.

Однажды я запустил во время праздника пони на кухню. Она съела закуски и сделала большую кучу...

— Фу! Не рассказывай! — брезгливо. — Как дела в суде? — меняю тему.

— Нормально...

— Не надоело ещё заниматься разводами и пилить несчастные пару тысяч долларов

между бывшими супругами?

— В тайне я всё же надеюсь, что однажды моей клиенткой будешь ты, — подходит так близко, что я улавливаю лёгкий запах его одеколona.

— Не дождёшься! — отодвигаю рукой.

— Стоило ещё раз попробовать, — разочарованно улыбается.

— То, что у вас с Алексом перемирие из-за Теи — не означает, что ты можешь ко мне приставать. Заведи себе наконец-то девушку!

— Я пробовал... Только они, узнав, что у меня есть дочь, сразу исчезают, — усмехается.

— А зачем ты им сразу в лоб об этом рассказываешь?

— А когда? Когда будем стоять у алтаря? Я такой — любимая, клянусь любить тебя в болезни и здравии, богатстве и бедности. Только у меня есть ребёнок, — гримасничает. — Как думаешь, быстро она от меня сбежит?

— Любящая не убежит... — отворачиваюсь от него.

— Есть ещё одна проблема... — прислушиваюсь. — Полюбить другую я вряд ли смогу. Ты же знаешь... — протягивает томно у моего уха.

— Успокойся! Я тебе тысячу раз говорила — у нас ничего больше не будет. Дочь ты не сильно обременен. С тобой она не живёт. И ей от тебя ничегошеньки не нужно, у неё всё есть. Для Доротеи ты — просто дядя.

— Это и бесит! — стискивает зубы.

— Придёт время и она узнает правду. Просто ещё маленькая... Так что можешь жить спокойно и свободно.

Он открывает рот, чтобы в очередной раз сказать, что готов быть со мной, но я его останавливаю.

— Нет! Не начинай! Просила же не заводить этот разговор! — злюсь на него. — Лучше походи и помоги Алексу с сорванцами. Скоро гости приедут, и детей станет раз в пять больше.

— Слушаюсь! — скидывает на ходу пиджак и закатывает рукава.

Его нервозность и напряжение видно за версту. Будь я в такой ситуации — тоже бы дергалась. Любить кого-то, быть рядом и ничего не мочь сделать — это пытка.

Все эти годы мы живём на грани. Не отрицаю, что у меня есть чувства к Тому, возможно, это и любовь. Но какая-то другая... Не готова я ради него и в огонь, и в воду. Поддержу, да, но менять Алекса на него — никогда и ни за что.

Мы с Гроу столько прошли за эти годы, что я с ним единый организм, а не две половинки. Ужасно боюсь его потерять. И если бы он ушёл, узнав правду о рождении Теи, я бы круглосуточно стояла на коленях под его дверью и просила прощения. И благодарна Богу, что у меня такой понимающий муж.

— Миссис Гроу, — отвлекает от раздумий вошедший охранник. — К вам гостя, но её нет в списке приглашённых. Настойчиво просит принять. Говорит, старая знакомая.

Кто это ещё?

— Зовут как? — хмуро смотрю на него.

— Мадам Заза.

Ого! Неожиданно...

— Пропустите её.

Я не сразу узнаю эту женщину. Она сильно похудела с последней нашей встречи.

Опирается на трость.

— Добрый день! Хорошо выглядите, — пытаюсь быть вежливой, когда её проводят на кухню.

— Не льсти! Тебе не идёт, — без приглашения садится на ближайший стул у стола. — И выгляжу ужасно, болезни одолели. Удивлена моему визиту?

— Хм... Есть немного.

— Решила посетить тебя, пока совсем с этим миром не распрощалась.

— Позвонили бы, я сама приехала, — занимаю соседний стул.

— Не приехала бы. Некогда тебе. А мне отдать кое-что надо, — достаёт из сумки красивую подарочную коробку и ставит передо мной.

— И что здесь?

— Открой.

Снимаю крышку.

В коробке на красной бархатной подкладке книга.

— Библия? — достаю. — Вы думаете, у меня нет Библии?

— Если есть, почему не читаешь? — гневно.

— Читала. Давно... — кладу книгу обратно в коробку.

— А надо каждый день.

— Извините, но... Вы ради неё прилетели?

— Ради тебя дурёхи.

— И чем я провинилась?

— Судьбу опять поменяла. Детей с мужем нарожали, а не должно их быть от него.

Я возмущённо вздыхаю.

— Я уже говорила, что каждый строит свою судьбу сам. Наука помогла нам родить наших детей. Одного, кстати, я сама. Значит, это сделал Бог...

— Сэл, там Тея... — врывается на кухню Том, прерывая меня.

Растерянно смотрит то на меня, то на Зазу.

— Здравствуйте...

— А вот и он, — склонив голову на бок, рассматривает его гадалка.

— Сэл? — ждёт от меня чего-то Гарнер.

— Том познакомиться. Это мадам Заза, — представляю их.

— Приятно познакомиться...

— И мне. Точно такой, как я видела. Идеальный... Для тебя, — бросает на меня осуждающий взгляд. — Но ты и его судьбу перекроила. Дрянь... Несчастливым решила сделать и одиноким.

— Я ничего не понимаю... — в замешательстве Том.

— Он не знает? — злобно спрашивает Заза.

— Нет...

— Ну, всё равно уже поздно. Не быть вам больше вместе, — облегчает мою тревогу гадалка.

— Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?! — накручивает себя Гарнер.

— Заза — экстрасенс. Когда-то она мне предсказала, что я рожу от тебя ребёнка, — опускаю все другие подробности.

Если скажу, что он был нагадан мне как вторая половинка, то вцепится за это. А я спокойствия хочу. Меня моя жизнь устраивает.

Том немеет, приоткрыв рот.

— Вообще-то я не так говорила, но не суть, — поправляет она меня. — В общем, я свою миссию выполнила, пора и домой, — встаёт.

— Оставайтесь, у нас праздник. У близнецов день рождения. Мы вам будем рады, — прошу её.

Она смотрит на меня пристально, словно пытается прочесть мысли.

— Хорошо...

Выходим в сад, где развернута площадка для детей, которые вместе с родителями уже начинают стягиваться.

Том помогает мадам Зазе, ведя под локоть, дойти до удобного кресла.

— Спасибо, мой мальчик, — гладит его ласково по щеке.

— Сэл, это кто? — подходит к нам Алекс с Глорией на руках.

— Моя старая знакомая, мадам Заза, — представляю их.

— Звучит как что-то цыганское, — шепотом мне, а сам вежливо жмёт руку женщине.

— Почти...

Глория на руках Алекса начинает пищать и проситься вниз. Он отпускает. А она тут же подбегает к Тому и знаками ладошек просится к нему на руки. Он подхватывает.

Гроу бросает на них ревностный взгляд.

Глория питает свою необъяснимую любовь к Гарнеру. Каждый раз как он приезжает, она тут как тут. И из проказницы превращается в милую кокетку, бегающую за ним хвостиком.

А ей всего два.

И Алекса это бесит. Даже Тея, ради которой Том появляется в доме, не ведёт себя с ним так.

Заза внимательно следит за этой парочкой. Улыбается.

— Вылитая ты, — показывает на меня. — И характером такая же будет. А с ним ошиблась, видать старею совсем. Будет ему счастье, — кивает на них.

— Ну, нет! Вы серьёзно?! — понимаю, о чём она.

— Если ты опять не влезешь. Не смей! Поняла?

— Том ей в отцы годится, — наклоняюсь и говорю тихо, чтобы Алекс не услышал.

Он же Гарнера сразу придушит, пока дочь не выросла.

— Но не отец. А любви все возрасты покорны. И не так уж он для неё стар будет.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — выпрямляюсь и веду плечами.

— А ты ей не указ будешь. Я ж сказала, она твоя копия и не только внешне. Как у вас там говорят, яблоко от яблони?

— Вы отдохайте, — нервно сжимаю зубы. — Вам сейчас всё принесут.

— Может, расскажешь, кто это? — спрашивает Алекс, когда отходим от Зазы.

— Давай, не сейчас. Вечером, — даю себе время придумать что-нибудь логичное, а не говорить ему правду.

Он не поймёт.

Встречаем гостей. Близнецы бегают между нами и столом, куда складывают подарки. Деток развлекают аниматоры.

— Миссис Гроу, — подходит с виноватым видом владелец контактного зоопарка, который расположился на краю зоны отдыха для детей.

— Что? — догадываюсь, что не с добрыми он вестями пришёл.

— Кто-то из детей выпустил из клетки енотов.

— Енотов? — вмиг тупею, осознав, что животные на свободе. — То есть где-то по территории сада бегают сколько...?

— Четыре...

— Четыре енота? — срываюсь в истерический смех. — Надеюсь, они привиты?

— Конечно...

— Вы понимаете, — притягиваю мужика к себе за грудки. — Что если они кого-то из гостей укусят или поцарапают, меня засудят? — киваю на людей.

Увидев наши разборки, подходит Алекс, держа за руку Лиона.

— Что случилось?

— Случилось то, что у нас в саду бегают четыре енота, и никто их не ищет, — пепелю взглядом владельца.

Исчезает, поняв мой намёк.

— Это Тея выпустила пушистиков, — дёргает за отцовскую штанину сын и сдаёт сестру с потрохами.

Оглядываю всех в поисках этой хулиганки.

— Тея! — нахожу у стола со сладостями.

Увеличивает испуганно глаза, складывает виновато ручки спереди и идёт, опустив голову.

— Зачем ты выпустила енотов? — негромко и, озираясь по сторонам, чтобы гости не видели, как ей дают взбучку.

— Животные должны жить на воле. А они их в клетку. У них такие глаза были грустные... — оправдывается.

— А когда ты их выпустила, они повеселели?

— Они сбежали...

Алекс покатывается со смеху.

— Что ржёшь?! — бью его кулаком в плечо. — Они же где-то здесь. А если кого-нибудь укусят?! Зоозащитница, блин!

— Мама, пушистики побежали туда, — показывает Лион в направлении входа в кухню.

Только не это...

Все в дом.

По дороге к нам присоединяется Том с Глорией и Иваном.

Это пиздец...

Кухня разгромлена. Три зверюги сидят на столе и с аппетитом уплетают праздничный торт, а четвёртый шарит по шкафчикам, выгребая всё оттуда.

— Я могу помочь составить иск на владельца зоопарка за причинённый ущерб, — бодренько и весело предлагает Гарнер.

Алекс смотрит на него смеющимися глазами. Переглядываются и угорают.

Дети выстраиваются у стола и с интересом наблюдают, как еноты едят торт.

— Я их сейчас поубиваю, — закипаю от злости и хватаю стоящий в углу веник.

За ними.

— Сэл!

— Не надо, мам!

— Сэл, ты всё разгромишь!

— Мамочка!

Крик, визг, бардак, и бегающая как фурия среди всего этого я.

